

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

«Наука»

Москва

2016

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге
В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания
В. А. Виноградов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН
М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН
Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет
В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН
Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН
А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США
Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН
А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами: А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2016

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2016

© ФГУП Издательство «Наука», 2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNAIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

5

SEPTEMBER — OCTOBER

«Nauka»

Moscow

2016

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nikolai B. Vakhutin European University at St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain

Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Dmitrij O. Dobrovol'skij Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia

Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA

Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Ekaterina V. Rakhilina National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Viktor A. Vinogradov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Mariia D. Voelikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

П. М. АРКАДЬЕВ (Москва). Роли, иерархии и двойное маркирование объектов	7
О. Е. ПЕКЕЛИС (Москва). Местоимение <i>это</i> как средство модификации истинностного статуса (о конструкции вида <i>если <когда, хотя...> р, это q</i>)	49
А. Б. МАКАРОВА (Тромсё). Феномен периферийного пересечения семантических сетей: русские приставки <i>при-</i> и <i>под-</i>	79
Т. И. АФАНАСЬЕВА (Санкт-Петербург). Об особом употреблении «дательного самостоятельного» в русских переводах конца XIV в.	95
В. А. ПЛУНГЯН, Кс. П. СЕМЁНОВА (Москва). К типологии древнеармянской именной парадигматики: INSTR.PL	103
П. А. ОСКОЛЬСКАЯ (Санкт-Петербург). «Смотри, этот чай вот-вот закипит в котле...» (об одной малоизученной видо-временной форме в тувинском языке).....	119

Критика и библиография

Рецензии

П. В. ПЕТРУХИН (Москва) <i>J. Breuillard, S. Viellard. Histoire de la langue russe, des origines au XVIIIe siècle. Paris: Institut d'études slaves, 2015.</i>	137
М. А. МОЛИНА (Москва). <i>L. Kulikov, N. Lavidas (eds.). Proto-Indo-European syntax and its development. Amsterdam: John Benjamins, 2015.</i>	141

Научная жизнь

А. В. КУХТО, А. Ч. ПИПЕРСКИ (Москва). Фонологические заметки из Будапешта.....	147
--	-----

CONTENTS

Peter M. ARKADIEV (Moscow). Roles, hierarchies, and the double marking of objects	7
Olga E. PEKELIS (Moscow). Pronoun <i>eto</i> as a means of modifying truth value (a case study of <i>esli p, eto q</i> 'if <i>p</i> , it is <i>q</i> ' construction)	49
Anastasia B. MAKAROVA (Tromsø). The phenomenon of peripheral overlap in semantic networks: Russian prefixes <i>pri-</i> and <i>pod-</i>	79
Tatiana I. AFANASYEVA (St. Petersburg). On a special usage of Dative Absolute in Russian translations of the late 14 th century	95
Vladimir A. PLUNGIAN, Xenia P. SEMIONOVA (Moscow). Towards a typology of Classical Armenian nominal paradigms: INSTR.PL	103
Polina A. OSKOLSKAIA (St. Petersburg). On an understudied verbal form of future with prospective semantics in Tuvan	119

Bibliography. Reviews

Reviews

Pavel V. PETRUKHIN (Moscow). <i>J. Breuillard, S. Viellard. Histoire de la langue russe, des origines au XVIIIe siècle.</i> Paris: Institut d'études slaves, 2015	137
Maria A. MOLINA (Moscow). <i>L. Kulikov, N. Lavidas (eds.). Proto-Indo-European syntax and its development.</i> Amsterdam: John Benjamins, 2015	141

Academic life

Anton V. KUKHTO, Alexander Ch. PIPERSKI (Moscow). Phonological hodgepodge from Budapest	147
---	-----

РОЛИ, ИЕРАРХИИ И ДВОЙНОЕ МАРКИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ*

© 2016

Пётр Михайлович Аркадьев

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация
peterarkadiev@yandex.ru

В статье изучается явление двойного маркирования (с помощью падежа и глагольного согласования) объектов — пациенса переходного глагола и реципиента и темы битранзитивного глагола — на материале 80 языков различной генетической и ареальной принадлежности. Исследуются факторы, влияющие на употребление двойного маркирования объектов, совпадение и несовпадение средств выражения для различных объектных ролей, типы несоответствия между вершинным и зависимостным маркированием объектов, случаи контактной диффузии данного явления. Основные выводы исследования заключаются в том, что, во-первых, двойное маркирование реципиента, вопреки существующим в литературе обобщениям, представлено в языках мира чаще и является более систематическим, чем двойное маркирование пациенса; во-вторых, наиболее распространенный тип двойного маркирования затрагивает реципиента и одушевленного/определенного/топикального пациенса, причем обычно для их кодирования используются одни и те же морфологические средства.

Ключевые слова: вершинное маркирование, зависимостное маркирование, непрямой объект, падеж, прямой объект, согласование, типология

ROLES, HIERARCHIES, AND THE DOUBLE MARKING OF OBJECTS

Peter M. Arkadiev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation;
Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; Moscow State
Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation
peterarkadiev@yandex.ru

The article presents a typological study of double marking (by means of case and verbal agreement) of objects (monotransitive patients and ditransitive recipients) in ca. 80 genealogically and geographically diverse languages. The investigation considers the factors that determine the patterns of double marking of objects, similarities and differences in the formal expression of different object relations, the types of mismatch between head and dependent marking, and instances of areal diffusion of this phenomenon. It is shown, first,

* Данная статья основана на докладах, прочитанных на X конгрессе Ассоциации лингвистической типологии (Лейпциг, август 2013 г.), на семинаре Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН (Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.) и на конференции «Типология морфосинтаксических параметров-5» (Москва, октябрь 2015 г.). Я благодарю всех слушателей этих докладов и участников обсуждения статьи на сайте academia.edu, в особенности М. С. Булах, И. А. Держанского, А. Б. Летушего, М. Л. Кисилиера, М. А. Холодилову, С. С. Сая, В. С. Храковского и А. В. Циммерлинга, а также двух анонимных рецензентов — за ценные комментарии, а также целый ряд коллег, в первую очередь Б. Комри, Х. Хаммарстрёма и М. Хаспельмата, за доступ к литературе и языковым данным. Все ошибки и неверные интерпретации всецело на совести автора. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 14-18-03270.

that contrary to the claims advanced in the literature, double marking of recipients is more frequent and systematic than that of patients and, second, that the best represented type of double marking involves both the recipient and the prominent (animate/definite/topical) patient, and that in such cases identical marking is often used for both roles.

Keywords: agreement, case, dependent marking, direct object, head marking, indirect object, typology

Памяти Татьяны Михайловны Николаевой

1. Введение

Один из центральных параметров грамматической типологии — противопоставление вершинного и зависимостного маркирования синтаксических связей (head-marking vs. dependent-marking), введенное в ставшей классической работе [Nichols 1986]. Применительно к актантам уровня предложения зависимостное маркирование (далее ЗМ) представляет собою выражение синтаксической функции или семантической роли актанта с помощью падежного показателя или служебного слова при соответствующей именной группе (например, *дать матери книгу*), а вершинное маркирование (далее ВМ) или индексирование [Haspelmath 2005; 2013] — выражение синтаксической функции или семантической роли актанта с помощью морфологически неавтономных показателей лица, числа, рода/именного класса (в типичном случае такие показатели являются аффиксами в составе сказуемого, однако они могут быть, например, и вакернагелевскими энклитиками). Примером вершинного маркирования может послужить следующее предложение на языке йимас:

- (1) йимас (семья Раму—Нижний Сепик¹, Папуа—Новая Гвинея; [Foley 1991: 229])²
ɲaʉkum₁ takaw₂ ɾaʉum₃ wa₂-mpu₁-ŋa-r-mpun₃
 женщины рыба мужчины 3SG.P-3PL.A-дать-PRF-3PL.IO
 ‘Женщины дали рыбу мужчинам’.

Несмотря на то, что значимость типологического параметра вершинного vs. зависимостного маркирования общепризнанна, в типологии до сих пор недостаточно внимания уделялось случаям, когда один и тот же актант получает и зависимостное, и вершинное маркирование (в терминологии Николз «двойное маркирование»), как в примере (2) из баскского языка, где все три актанта имеют выраженный падежный показатель и одновременно индексированы во вспомогательном глаголе.

- (2) БАСКСКИЙ (изолят, Испания, Франция; [Заика 2009: 19, пример (10)])
Ni-k₁ haurr-e-i₂ gozoki-ak₃ eros-i d₃-i-zki₃-e₂-t₁.
 я-ERG ребенок-PL-DAT конфета-PL.ABS купить-PRF 3.ABS.PRS-AUX-PL.ABS-3PL.DAT-1SG.ERG
 ‘Я купил детям конфеты’.

Исключение составляет ряд работ Анны Северской. В статье [Siewierska 1997] автор исследует распределение нулевого и ненулевого ВМ и ЗМ в аккузативных, эргативных и нейтральных конструкциях и, в частности, вопрос о дополнительной дистрибуции ВМ и ЗМ, который решается отрицательно: лишь примерно в четверти исследованных Северской языков не наблюдается никаких случаев двойного маркирования³. С другой стороны, Северская обнаруживает тенденцию к ограничению двойного маркирования:

¹ Информация о генетической принадлежности языков в основном дается по ресурсу glottolog.org.

² Здесь и далее глоссирование примеров во многих случаях отличается от представленного в оригинале. Цифровыми индексами в примерах отмечается «корреферентность» именных групп и показателей вершинного маркирования.

³ Ср. «complementarity-in-marking hypothesis is not borne out. Only a quarter (27%) of the 88 languages manifest no overlap in the overt marking of any of the participants» [Siewierska 1997: 197].

если последовательное двойное маркирование одного актанта встречается в 41 % языков, то у двух актантов оно отмечено уже в 28 % языков, а у трех — лишь в 5 % языков⁴. В другой работе [Bakker, Siewierska 2009] исследуется взаимодействие падежа с другими средствами кодирования актантов и утверждается, что «вероятность того, что актант получит одновременно выраженное согласование и выраженный падеж» снижается в соответствии с иерархией (3)⁵:

$$(3) \quad \begin{array}{ccc} \mathbf{A} \text{ (агенса)} & > & \mathbf{P} \text{ (пациенса)} & > & \mathbf{R} \text{ (реципиента)} \\ 19 \% & & 10 \% & & 7 \% \end{array}$$

В данной работе я ставлю задачу уточнить это утверждение, точнее, второе из представленных в нем неравенств, опираясь на данные около 80 языков разной генетической и ареальной принадлежности, демонстрирующих двойное маркирование объектных (P и R) актантов. Необходимость в пересмотре результатов Д. Баккера и А. Северской связана с тем, что постулируемая ими большая склонность к двойному маркированию пациенса, нежели реципиента, не согласуется с соображениями как эмпирического, так и теоретического свойства. Во-первых, даже без сколько-нибудь систематического анализа кажется, что случаи двойного маркирования R в языках мира встречаются весьма часто и никак не реже, чем двойное маркирование P, ср. [Аркадьев 2011]. Во-вторых, как хорошо известно, роль реципиента, с одной стороны, склонна к зависимостному маркированию в большей степени, чем роль пациенса [Dryer 1986: 841; Haspelmath 2005: 7, 11], а с другой стороны, часто индексируется в силу референциальных свойств соответствующего участника, который, как правило, является одушевленным или личным [Givón 1976: 160—166; Siewierska 2003: 356; Kittilä 2006a]. Сочетание этих факторов, казалось бы, должно приводить к регулярному двойному маркированию именно реципиента. Как будет показано в дальнейшем, эта логика находит эмпирическое подтверждение.

В данной статье анализируются случаи двойного маркирования объектов, т. е. пациентивного актанта монотранзитивного (двухместного) предиката (P), пациентивного актанта или «темы» битранзитивного (трехместного) предиката (T) и реципиента битранзитивного предиката (R); об этих понятиях в типологии см. [Siewierska 2003; Malchukov et al. 2010; Haspelmath 2005; 2011]. По умолчанию в качестве битранзитивных рассматриваются глаголы типа «дать» или «показать»; трехместные глаголы, образованные от монотранзитивных с помощью аппликативных (вроде «читать кому-либо») или каузативных («скармливать что-либо кому-либо») дериваций привлекаются лишь дополнительно (в частности, рассматривается несколько языков, в которых двойное маркирование актантов представлено лишь у бенефактивных глаголов, а у битранзитивных в узком смысле отсутствует). Как двойное маркирование, в соответствии с общепринятой типологической практикой, рассматриваются лишь случаи морфологически выраженного (ненулевого) кодирования, вне зависимости от того, являются ли соответствующие показатели, во-первых, морфологически связанными (в частности, как ЗМ трактуются предлоги и послелоги) и, во-вторых, обязательными — необходимо лишь, чтобы показатель ВМ мог сочетаться в пределах клаузы с маркированной показателем ЗМ кореферентной именной группой. В качестве ВМ рассматриваются любые показатели, каким-либо образом индексирующие такие признаки соответствующих актантов, как лицо, число, одушевленность или именной класс (род). Из рассмотрения исключаются уже упомянутые аппликативные маркеры, во многих языках служащие для введения третьего актанта, за исключением тех случаев, когда они

⁴ Ср. «a tendency to limit the amount of double marking can be discerned from the fact that the instances of double marking of three participants are considerably lower than that of two, and these are lower than that of one, the relevant figures being 5 % < 28 % < 41 %» [Siewierska 1997: 198].

⁵ «the likelihood of an argument exhibiting both overt agreement and case marking conforms to the hierarchy in [3], with overlap in marking declining as we proceed from left to right» [Bakker, Siewierska 2009: 300].

сопровождаются показателем, индексирующим лицо или иные неролевые признаки этого актанта, либо когда сам аппликативный показатель кумулятивно выражает такие признаки, как, например, в нубийских языках, ср. пример (4). Случаи супплетивизма самого битранзитивного глагола в зависимости от лица реципиента, см. [Comrie 2003; Siewierska 2003: 357; Malchukov et al. 2010: 23—25], специально не рассматриваются.

(4) кенузи (нубийские, Судан; [Abdel-Hafiz 1988: 114])

a. *id ay-gi ba:b-ki alle-de:s-s-u*
 мужчина я-овл дверь-овл чинить-BEN.1-PST-3SG
 ‘Мужчина починил мне дверь’.

b. *id e:n-gi ba:b-ki kus-sir-s-u*
 мужчина женщина-овл дверь-овл открыть-BEN.2/3-PST-3SG
 ‘Мужчина открыл женщине дверь’.

В связи с тем, что в значительной части рассматриваемых языков употребление морфологически выраженных показателей ЗМ и/или ВМ связано с семантическими, референциальными или дискурсивными характеристиками актантов, особое внимание уделяется случаям дифференцированного маркирования, обусловленного известными в типологии грамматическими иерархиями (prominence hierarchies, см. [Silverstein 1976; Кибрик 1997; Тестелец 2003]), приведенными в (5); о связи этих иерархий с маркированием объектов имеется обширная литература, см. [Givón 1976; Bossong 1985; 1991; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Iemmolo 2011].

- (5) a. локуторы (1 и 2 лицо) > нелокуторы (3 лицо)
 b. местоимения > личные имена > люди > одушевленные > неодушевленные
 c. определенные > неопределенные референтные > нереферентные
 d. топикальные > нетопикальные > рематические/фокусированные

Как будет показано, двойное маркирование особенно характерно для объектов, занимающих высокое положение на этих иерархиях, что хорошо согласуется с данными о дифференцированном ЗМ и дифференцированном ВМ, рассматриваемыми по отдельности [Bossong 1998; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Iemmolo 2011].

Как было сказано выше, статья опирается на полученный преимущественно из описательных грамматик материал около 80 языков, специально отобранных по принципу наличия интересующего меня явления. Эта выборка может считаться репрезентативной, поскольку покрывает все основные языковые ареалы и представляет 36 языковых семей и пять языков-изолятов, см. таблицу 1, однако не является ни в каком смысле

Таблица 1

Географическое и генетическое распределение рассматриваемых языков

Макроареал	Число языков	Число языковых семей/изолятов
Европа (включая Северный Кавказ)	15	5/1
Азия	21	7/1
Африка	6	3/0
Австралия	14	5/0
Океания	11	8/1
Северная Америка	9	4/1
Южная Америка	6	4/1
Итого	81	36/5

сбалансированной, включая немало близкородственных языков и даже в ряде случаев диалекты одного и того же языка, если они различаются по какому-либо исследуемому параметру. Связано это с тем, что меня интересуют не только количественные распределения языковых типов, надежность которых при несбалансированной выборке достигается путем подсчета генетических групп вместо отдельных языков, см. [Druyer 2000], но и языковое разнообразие в рассматриваемой области. В этом случае генетическое родство и географическая близость языков суть не «возмущающие факторы», которые необходимо нивелировать, а, напротив, значимые переменные, требующие аккуратного учета, ср. [Bickel 2013; Jaeger et al. 2011].

Полный список исследованных языков с ареальной и генетической информацией, источниками и значениями основных изучаемых параметров приведен в приложении.

Дальнейшая структура статьи такова: в разделе 2 исследуются типы двойного маркирования объектов в зависимости от вовлеченных семантико-синтаксических ролей и факторов, влияющих на дифференцированное кодирование; в разделе 3 изучаются такие дополнительные параметры, как совпадение или различие средств кодирования различных ролей и несоответствия между вершинным и зависимостным маркированием. В заключительном разделе полученные результаты обсуждаются с точки зрения типологии грамматического маркирования.

2. Ролевые и референциальные параметры двойного маркирования

В данном разделе я последовательно рассмотрю случаи двойного маркирования объектов, классифицируемые в зависимости от того, какое подмножество ролей Р, Т и R кодируется одновременно с помощью ЗМ и ВМ. Отдельное внимание будет уделено тому, как кодирование той или иной роли связано с параметрами приведенных в (5) иерархий референциальных свойств участников ситуации. Соответствующие количественные данные будут приведены в заключении раздела.

2.1. Двойное маркирование Р и Т

Двойное маркирование только ролей Р и Т, т. е. прямого объекта, представлено в уральских языках, как в финно-угорских, так и в самодийских. Например, в тундровом ненецком прямой объект (вне императивных контекстов) получает обязательное падежное оформление показателем аккузатива [Nikolaeva 2014: 202], а топикальные прямые объекты 3-го лица индексируются в глаголе с помощью суффиксов так называемого «объектного спряжения» [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 127—132; Nikolaeva 2014: 202—210], ср. следующие примеры:

(6) тундровый ненецкий (уральские > самодийские, Россия; [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 128])

a. *Wanya Pyetya-m ladəʔ/*ladəʔda*

Ваня Петя-ACC ударить:3SG.SBJ/*ударить:3SG>3SG

‘{Кого ударил Ваня?} Ваня ударил Петю’ (фокусированный объект).

b. *xasawa ti-m xadaʔda/*xadaʔ*

человек олень-ACC убить:3SG>3SG/*убить:3SG.SBJ

‘{Что человек сделал с оленем?} Человек убил оленя’ (топикальный объект).

Роль R (непрямой объект) маркируется дативом и никогда не индексируется, подобно косвенным и сирконстантным именным группам [Nikolaeva 2014: 212—213], ср. пример (7), в котором выбор субъектного или объектного спряжения глагола зависит лишь от топикальности прямого объекта.

- (7) ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ [Dalrymple, Nikolaeva 2011: 132]

Puetya Maša-n'h ti-m₁ tyiq̄ṇa(da₁)
 Петя Маша-ДАТ олень-ACC дать:3SG.SBJ(3SG.OBJ)
 ‘Петя дал Маше оленя’.

Аналогичная ситуация представлена и в венгерском языке, см., например, [Майтинская 1955: 211—216; Coppock, Wechsler 2012], где параметром, вызывающим объектное согласование, является определенность. Несколько иначе устроено двойное маркирование в мордовских языках, см. [Колядёнков 1954: 131—144; 1959: 200—219; Grünthal 2008; Сердобольская, Толдова 2012: 89—105], где, во-первых, глагольные суффиксы индексируют не только число, но и лицо прямого объекта, и, во-вторых, дифференцированным является не только ВМ, но и ЗМ: неопределенный прямой объект выступает в номинативе, а определенный (включая сюда все имена собственные, а также имена с показателями принадлежности; более подробно о грамматических и дискурсивных параметрах маркирования объекта в мокша-мордовском см. [Толдова 2016]) — в генитиве так называемого определенного склонения, ср. следующие примеры:

- (8) МОКША-МОРДОВСКИЙ (уральские > финно-угорские, Россия; примеры из текста, предоставленного А. А. Козловым, глоссирование выверено М. А. Холодиловой)

a. *laka-fn'-an laka-j vet'-t'*
 кипеть-CAUS.IPF-NPST.1SG.SBJ кипеть-PTCP.ACT вода-PL(NOM)
 ‘Кипячу кипяток’ (новый референт, неопределенность).

b. *meki dagə s'e laka-j vet'-t'n'ə-n' kaj-s'ə-sajn'ə*
 обратно PTCL TOT кипеть-PTCP.ACT вода-DEF.PL-GEN лить-IPF-NPST.1SG>3PL
 ‘Обратно опять этот кипятком лью...’ (определенный референт)

Наконец, в энецком языке как ЗМ, так и ВМ прямого объекта обусловлены целой группой сложно взаимодействующих морфологических и дискурсивных факторов, см. [Ханина, Шлуинский 2015].

За пределами уральской семьи двойное маркирование только прямого объекта встречается в разговорном персидском языке. Согласно недавним работам [Samvelian, Tseng 2010; Bahrami, Rezaï 2014], наряду с хорошо известным явлением дифференцированного падежного маркирования прямого объекта, обусловленного в первую очередь референтностью (см. [Lazard 1957: 70, 175—186] и многочисленные последующие работы), в разговорных вариантах персидского возможно одновременное употребление выраженного именной группой объекта и кореферентных ему местоименных энклитик, которые в стандартном языке находятся в дополнительном распределении (о персидских энклитиках см. [Lazard 1957: 101—109, 182—183]), ср. пример (9). Дополнительное распределение ЗМ и ВМ сохраняется для роли R [Samvelian, Tseng 2010: 216], ср. пример (10).

ПЕРСИДСКИЙ (индоевропейские > иранские, Иран)

- (9)
- dar-râ bâz=aš kard-im*
-
- дверь-ACC открыть=3SG.OBJ делать.PST-1PL.SBJ
-
- ‘Мы открыли дверь’ [Samvelian, Tseng 2010: 215].

- (10) a.
- ketâb-râ be to nešân dâd-im*
-
- книга-ACC ДАТ ты показать дать.PST-1PL.SBJ
-
- ‘Мы показали тебе книгу’ [ibid.: 216].

b. *nešân=at dâd-im=aš*
 показать=2SG.OBJ дать.PST-1PL.SBJ=3SG.OBJ
 ‘Мы показали это тебе’ [ibid.].

В целом, как будет показано, двойное маркирование только прямого объекта является наиболее редким случаем из представленных в изученных языках.

2.2. Двойное маркирование R

Двойное маркирование только реципиента (непрямого объекта) встречается в целом ряде языков в разных частях света. В большинстве своем это языки с эргативным падежным оформлением актантов монотранзитивных глаголов, для которых нехарактерно морфологически выраженное кодирование ролей P и T. Индексирование P при этом в таких языках тоже представлено — языков, где индексирование R не сопровождалось бы индексированием P, в моем материале нет (ср. замечание в [Siewierska 2003: 357]).

Маркирование реципиента, как и прямого объекта, может быть связано с референциальными иерархиями, однако, как было сказано выше, в силу своей ролевой семантики R чаще всего занимает высокое положение в иерархиях, поэтому двойное маркирование R во многих случаях можно трактовать как обязательное или по крайней мере выступающее по умолчанию; кроме того, описательные грамматики обычно не упоминают сравнительно редких ситуаций, когда R оказывается неодушевленным.

Последовательное двойное маркирование R при отсутствии двойного маркирования P демонстрируют такие языки, как бурушаски, см. пример (11), и билинара [Nordlinger 1990; Nordlinger, Meakins 2014], см. пример (12). В обоих языках P не имеет показателя ЗМ, а индексирование R в бурушаски обусловлено одушевленностью, ср. примеры (11a—b), а в билинара — числом, ср. примеры (12a—b).

(11) БУРУШАСКИ (изолят, Пакистан, Афганистан)

a. *salim-e huma₁ mu₁-ye:c-imi*
Салим[M]-ERG Хума[F](ABS) 3SG.F.OBJ-видеть-PST.3SG.M.SBJ
'Салим видел Хуму' [Munshi 2006: 135] (одушевленный P).

b. *mi: phiti ši-uman*
мы.ERG хлеб(ABS) есть-PST.1PL.SBJ
'Мы ели хлеб' [ibid.: 136] (неодушевленный P).

c. *in-e in-e-re₁ kiṭa:b-an e₁-ć-umo*
3SG-ERG 3SG-GEN-DAT книга-INDEF 3SG.M.OBJ-дать-PST.3SG.F.SBJ
'Она дала ему книгу' [ibid.: 139].

(12) БИЛИНАРА (семья пама-ньюнга, северная Австралия)

a. *karrap-pa=rna nya-nga warlaku*
смотреть-AFF=1SG.SBJ видеть-PRS собака
'Я смотрю на собаку' [Nordlinger 1990: 23] (единственное число P).

b. *paṅa-rni=wiliny₁ [ngayi-ny warlaku jiya]₁*
кусать-PST=3DU.OBJ я-DAT собака кенгуру
'Он убил мою собаку и кенгуру' [ibid.: 53] (двойственное число P).

c. *kajirri-rlu yaji-nga=rla₁ jala-ma tarnku nyanu-ny₁*
женщина-ERG дать-PRS=3SG.IO сейчас-AFF запасы 3SG-DAT
'Женщина сейчас дает ему запасы' [ibid.: 109].

В языках, где двойное маркирование затрагивает лишь определенные подклассы реципиентов, ограничения связаны с тем, что либо ЗМ, либо ВМ доступны не для всех актантов с данной ролью. Система, похожая на ненецкую, представлена в ительменском языке, где индексирование R затрагивает лишь топикальные объекты [Bobaljik, Wurmbrand 2002]. В примере (13a) топикален и индексирован глаголом неоформленный падежом прямой объект, а в примере

(13b) — реципиент. (Ср. ниже аналогичные случаи вариативности в выборе «контролера» ВМ в языках с другими типами двойного маркирования.)

(13) ИТЕЛЬМЕНСКИЙ (чукотско-камчатские, Камчатка)

a. *kma xejʔnč kn-ank nənč₁ m-zəl-čen₁*
я NEG ты-DAT рыба 1SG.SBJ-датель-1>3SG

‘Я не дам рыбу тебе’ [Bobaljik, Wurmbrand 2002: 21] (топикальный P).

b. *zlatumx piki-in. əŋka ənna-nk₁ t-zəl-nen₁?*
брат идти-SG.SBJ что 3SG-DAT 1SG.SBJ-датель-3SG.IO

‘Брат ушел. Что я ему отдал?’ [ibid.: 18] (топикальный R)

В табасаранском языке личное индексирование каких-либо ролей возможно только для локуторов, что в сочетании с нейтральным кодированием личных местоимений в позициях ядерных актантов исключает двойное маркирование P [Кибрик 2003: 505—511]. Индексирование актантов-локуторов в табасаранском чрезвычайно развито и при весьма сложных дискурсивных условиях возможно для актантов, оформляемых самыми разными падежами, см. подробнее [Богомолова 2012]. Тем самым, двойное маркирование в табасаранском доступно лишь для целого ряда неядерных участников, включая реципиента, ср. примеры (14a) и (14b).

(14) ТАБАСАРАНСКИЙ (нахско-дагестанские > лезгинские, Дагестан)

a. *duvu uzu₁ derben.žī-z aχ-ur-zu₁*
он:ERG я Дербент-DAT уносить-FUT-1SG.P

‘Он ответит меня в Дербент’ [Богомолова 2012: 101].

b. *durar-i uzu-z₁ nik: tuv-un-vu-z₁*
они-ERG ты-DAT молоко датель-PRF-2SG-DAT

‘Они дали тебе молока’ [там же: 104].

Противоположная ситуация наблюдается в лазском языке, где двойное маркирование доступно лишь для реципиентов 3-го лица, поскольку местоимения-локуторы в картвельских языках в функциях трех основных актантов падежом не маркируются, а индексирование объектов 3-го лица возможно только для R, но не для P, ср. следующие примеры.

(15) ЛАЗСКИЙ, АРХАВСКИЙ ДИАЛЕКТ (картвельские, Турция)

a. *bozo-k biči zi-om-s*
девушка-ERG мальчик видеть-TH-3SG.SBJ

‘Девушка видит мальчика’ [Lacroix 2011: 81].

b. *χasani-k si₁ mčxui ko-me-k₁-č-u*
Хасан-ERG ты овца PRV-PRV-2.OBJ-датель-AOR.3SG.SBJ

‘Хасан дал тебе овцу’ [ibid.: 84].

c. *na-m-a-škunn-u čkar miti-s va b-u-čv-i*
SBD-1SG.OBJ-CAUS-бояться-AOR.3SG.SBJ вообще кто.то-OBJ NEG 1SG.SBJ-3.IO-сказать-AOR

‘Я вообще никому не сказал, что испугался’ [Lacroix 2009: 698].

Следует заметить, что лазский язык относится к нетривиальному типу языков с двойным маркированием лишь непрямых объектов, введенных аппликативными деривациями. В случае лазского это обусловлено тем, что префиксальные индексы для актантов 3-го лица сохранились в нем лишь в составе аппликативных аффиксов (*u-* в примере (15c)). Другие языки этого типа распространены по большей части в Австралии (мурин-пата, дьямин-дьюнг, явур), сюда же относится папуасский язык усан, где в конструкциях с бенефактивным аппликативом R может факультативно маркироваться косвенным падежом, как правило, не использующимся при ядерных актантах, см. [Reesink 1987: 154—155]. Стоит отметить,

что по крайней мере в случае лазского использование аппликативной деривации и двойное маркирование введенного ею R-актанта не зависят от переходности исходного глагола, ср. пример (15d) с непереходной основой ‘звать’.

(15) лазский [Lасгоix 2009: 674]

d. *bozo-k* *bee-s₁* *u₁-cox-om-s*
девушка-ERG ребенок-DAT 3.10-звать-TH-PRS.3SG.SBJ

‘Девушка зовет ребенка’.

Близок по этому признаку к лазскому и адыгейский язык, где показатели, индексирующие непрямой объект как при глаголе ‘дать’, так и при целом ряде непереходных предикатов, можно анализировать как аппликативные, см. [Аркадьев и др. 2009: 44, 61—62]. Напротив, в языках Австралии и многих других ареалов, см. [Peterson 2007], аппликативизация непереходного глагола, как правило, превращает его в канонический переходный с бенефициантом в позиции немаркированного прямого объекта.

2.3. Двойное маркирование P и R

Наиболее распространенный тип двойного маркирования — ситуация, когда оно затрагивает пациенса монотранзитивного глагола и реципиента битранзитивного, т. е., в терминологии М. Драйера [Dryer 1986], первичный объект. При этом в подавляющем большинстве случаев либо падежное оформление, либо индексирование, либо они оба для P-актанта являются дифференцированными. В дальнейшем для P-актантов, занимающих высокое положение на именных иерархиях из (5), я буду использовать термин «выделенный».

Для начала рассмотрим несколько хорошо известных случаев. В кастильском варианте испанского языка референтные одушевленные объекты монотранзитивных глаголов маркируются с помощью предлога *a*, использующегося также для оформления реципиента и ряда других функций (дифференцированному маркированию объекта в испанском посвящена обширная литература, см., например, [Leonetti 2004; 2008; Iemmolo 2010]). Кроме того, те же референтные одушевленные P факультативно (в случае местоимений-локуторов обязательно) «дублируются» с помощью так называемых местоименных клитик, см. [Suñer 1988; Bossong 1998; Leonetti 2008], ср. пример (16).

(16) испанский (индоевропейские > романские; [Melis, Flores 2009: 284])

a. *A mí₁ me₁ respet-an.*
OBJ я.OBJ 1SG.OBJ.CL уважать-PRS.3PL

‘Они уважают меня’.

b. *A él₁ no lo₁ conoc-en.*
OBJ он.ACC NEG 3SG.M.ACC.CL знать-PRS.3PL.SBJ

‘Они его не знают’.

Что же касается реципиента 3-го лица, то индексирование его с помощью местоименных клитик в испанском более регулярно, чем индексирование пациенса, особенно в диалектах, см., например, [Companu 2001: 21—23]; ср. контраст между двойным маркированием R в (17a) и лишь зависимостным маркированием P в (17b).

(17) испанский [Melis, Flores 2009: 299]

a. *Verónica le₁ dio un regalo a Tito₁.*
Вероника 3SG.DAT.CL дать.AOR.3SG.SBJ INDEF подарок OBJ Тито

‘Вероника подарила Тито подарок’.

b. *Conozc-o a su hermana.*
знать-PRS.1SG.SBJ OBJ 3SG.PR сестра

‘Я знаю его/ее сестру’.

В тех случаях, когда Т-актант одушевленный, допускается его падежное маркирование наряду с реципиентом, однако индексируется лишь последний, ср. пример (18).

(18) испанский [Companay 2001: 20]

El maestro le₁ presentó a su mujer a Juan₁.
 DEF учитель 3SG.DAT.CL представить:AOR.3SG OBJ 3SG.PR жена OBJ Хуан

‘Учитель представил свою жену Хуану’.

Тем самым, в испанском двойное маркирование более последовательно при R, нежели при P, причем эта последовательность проявляется и в ЗМ (реципиент в отличие от пациенса, всегда маркирован предлогом), и в ВМ (реципиент чаще индексируется). Сходная ситуация представлена в румынском языке, где ВМ более грамматикализовано, чем в испанском, ср. [Mallinson 1986: 207—209; Mišeska Tomić 2006: 279—288; von Heusinger, Onea 2008]: определенный одушевленный P маркируется с помощью предлога *pe* и одновременно индексируется местоименными клитиками, ср. примеры (19a) vs. (19b).

(19) румынский (индоевропейские > романские; [von Heusinger, Onea 2008: 69])

a. *L₁-am văzut pe profesor-ul₁ tău.*
 3SG.M.ACC.CL-AUX.1SG.SBJ видеть:PTCP OBJ профессор-DEF.SG.M твой

‘Я видел твоего профессора’ (одушевленный P).

b. *(*L₁-)am văzut (*pe) autobuz-ul tău.*
 (*3SG.M.ACC.CL-)AUX.1SG.SBJ видеть:PTCP (*OBJ) автобус-DEF.SG.M твой

‘Я видел твой автобус’ (неодушевленный P).

Реципиент в румынском обязательно маркируется косвенным падежом (отлично от P) и индексируется, если является референтным и нефокусированным, причем вне зависимости от одушевленности, ср. примеры (20a) и (20b).

(20) румынский [Mišeska Tomić 2006: 287]

a. *Petru (i₁)-a dat fet-ei₁ o floare.*
 Петру 3SG.DAT.CL-AUX.3SG.SBJ дать:PTCP девушка-DAT.SG.DEF.F INDEF.F.SG цветок

‘Петру дал девушке цветок’ (одушевленный R).

b. *Mes-ei₁ i₁-am pus un picior.*
 стол-DAT.SG.DEF.F 3SG.DAT.CL-AUX.1SG.SBJ ставить:PTCP INDEF.M.SG нога

‘Я починил ножку стола’ (неодушевленный R).

О диахронии дифференцированного маркирования и индексирования объектов в испанском и румынском см., в частности, [von Heusinger, Kaiser 2005; von Heusinger, Onea 2008; David 2014; 2015].

Похожим образом функционирует двойное маркирование объектов в ряде семитских языков, см. [Khan 1984]. Так, в новоарамейском диалекте телкепе [Coghill 2010; 2014], как в испанском, для оформления R и выделенного P используется один и тот же предлог *ta*, употребление которого в монотранзитивных конструкциях по большей части факультативно [Coghill 2014: 343]. Индексирование P при этом регулируется определенностью и топикальностью. Дифференцированное двойное маркирование пациенса в новоарамейском показано в примере (21), а примеры (22)—(23) демонстрируют употребление объектного предлога для маркирования R. Индексироваться в битранзитивных конструкциях может любой объект при условии определенности, либо ни один, но не оба одновременно, даже когда определенными оказываются оба объекта [Coghill 2010], как в примере (23). При этом даже определенный Т-актант не оформляется предлогом, так что его двойного маркирования не возникает, ср. пример (22с).

НОВОАРАМЕЙСКИЙ, ДИАЛЕКТ ТЕЛКЕПЕ (семитские > центральная группа, Ирак)

- (21) a. *b-qāṭəl-lə* *ta gorr*
 FUT-убить:3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ ОВJ человек
 ‘Он убьет этого человека’ [Coghill 2010: 230] (определенный P).
- b. *b-qāṭəl* *gorr*
 FUT-убить:3SG.M.SBJ человек
 ‘Он убьет человека’ [ibid.] (неопределенный P).
- (22) a. *wəl-lə* *pārə ta xa-məskenn*
 дать:3SG.M.SBJ деньги ОВJ INDEF-нищий
 ‘Он дал денег какому-то нищему’ [ibid.: 226] (неопред. R, неопред. T).
- b. *kəm-yāwəl-lə₁* *ta ʔaxone₁ pārə*
 PST-дать:3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ ОВJ брат.его деньги
 ‘Он дал своему брату денег’ [ibid.: 231] (опред. R, неопред. T).
- c. *kəm-yāwi-lə₁* *(*ta) kθāwv₁ ta ǵða-baxtv*
 PST-дать:3PL.M.SBJ-3SG.M.OBJ (*ОВJ) книга ОВJ INDEF-женщина
 ‘Они дали (эту) книгу некоей женщине’ [ibid.] (неопред. R, опред. T).
- (23) a. *kəm-yāwəl-lə₁* *kθāwv₁ ta xāθe*
 PST-дать:3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ книга ОВJ сестра.его
 ‘Он дал (эту) книгу своей сестре’ [ibid.: 232] (опред. R, опред. T).
- b. *kəm-yāwəl-la₁(*-ilə₂)* *ta xāθe₁ kθāwv₂*
 PST-дать:3SG.M.SBJ-3SG.F.OBJ-(*3SG.M.OBJ) ОВJ сестра.его книга
 ‘Он дал своей сестре книгу’ [Coghill 2014: 355] (опред. R, опред. T).

Индексирование обоих объектов битранзитивных глаголов разрешено в других семитских языках — мальтийском и тигре [Jake 1980: 77—79], но при этом даже определенный T-актант не получает ЗМ, в отличие от определенного одушевленного P, ср. мальтийские примеры (24a) и (24b).

- (24) мальтийский (семитские > центральная группа, Мальта)
- a. *Raj-t-u* *lil Ġanni.*
 видеть:PST-1SG.SBJ-3SG.M.DO ОВJ Джанни
 ‘Я видел Джанни’ [Borg, Comrie 1984: 113].
- b. *Pietru kitib-hie₁-lu₂* *l-ittra₁ lil ħu-h₂.*
 Пьетро писать:PST:3SG.M-3SG.F.DO-3SG.M.IO DEF-письмо[F] ОВJ брат[M]-3SG.PR
 ‘Пьетро написал письмо своему брату’ [Borg, Azzopardi-Alexander 1997: 56].

Модель двойного маркирования, при которой как ЗМ, так и ВМ вместе распространяются лишь на подкласс P-актантов, занимающий высокое положение в референциальных иерархиях, а также на реципиента битранзитивных конструкций, с теми или иными вариациями встречается в большом числе самых разных языков. Рассмотрим еще два примера из языков Южной Азии. Сложная и во многом уникальная для индоиранских языков система вершинного маркирования, представленная в новоиндийском языке майтхили [Bickel et al. 1999] во взаимодействии с, напротив, характерной для языков этого ареала системой дифференцированного падежного маркирования пациенса с помощью дативного послелога дает картину двойного маркирования, весьма сходную с описанными выше. С помощью объектного показателя оформляются определенный одушевленный пациенс, примеры (25a—b), и любой реципиент, пример (26). Индексирование P-актанта также дифференцированное, причем множество индексированных P уже множества маркируемых падежом и включает только людей, ср. примеры (25a) vs. (25b). Напротив, непрямой объект индексирован обязательно

вне зависимости от определенности, ср. пример (26b), и даже одушевленности, ср. пример (26c). Что же касается Т-актанта, то он никогда не маркируется падежом и не индексируется.

МАЙТХИЛИ (индоевропейские > индоарийские, Индия)

- (25) a. *həm jibəch kē dekh-əl-iaih*
я Джибач ОВJ видеть-PST-1>3H
‘Я видел Джибача’ [Yadav 1996: 74] (определенный личный P).
- b. *həm gai kē bec-l-əhū*
я корова ОВJ продать-PST-1SG
‘Я продал (эту) корову’ [ibid.: 79] (определенный неличный P).
- c. *əhā nokər tək-əit ch-i?*
вы(Н) слуга искать-IPF AUX-PRS(2H)
‘Вы ищите слугу?’ [ibid.: 75] (неопределенный личный P)
- (26) a. *əhā jən₁ kē jəlkhəi de-l-iaik₁*
вы(Н) работник ОВJ завтрак дать-PST-2H>3NH
‘Вы дали (этому) работнику завтрак’ [ibid.: 82] (определенный R).
- b. *o ek-ta nokər₁ kē pāc rupəiya de-l-khinh₁*
он(Н) один-CLAS слуга ОВJ пять рупия дать-PST-3H>3NH
‘Он дал пять рупий некоему слуге’ [ibid.: 82] (неопределенный R).
- c. *kulī səb sərək₁ kē pic kə rəhəl əich₁*
кули PL дорога ОВJ смола делать PROG AUX.PRS.3NH>3NH
‘Кули асфальтируют дорогу (букв. делают дороге смолу)’ [ibid.] (неодушевленный R).

В тибето-бирманском языке тхулунг [Lahaussis 2002] индексирование P и R актанта обязательно вне зависимости от их референциальных свойств, при этом падежное маркирование следует уже известной модели: заимствованный из непали показатель *-lai* оформляет реципиента и одушевленного пациенса; напротив, Т-актант битранзитивного глагола, как неодушевленный, так и одушевленный, никак не маркируется, ср. следующие примеры.

ТХУЛУНГ (сино-тибетские > гималайские, Непал)

- (27) a. *go ama-mam*(-lai) hapa mīm-pu*
я мой-мать*(-ДАТ) много думать-1SG>3SG
‘Я много думаю о своей матери’ [Lahaussis 2002: 69] (одушевленный P).
- b. *gu-ka gari(*-lai) thur-y*
3SG-ERG машина(*-ДАТ) вести-3SG>3SG
‘Он ведет машину’ [ibid.] (неодушевленный P).
- (28) a. *mam-ka u-tsu-tsi-lai₁ pomuṭhok gwak-ty₁*
мать-ERG ее-ребенок-DU-ОВJ еда дать-PST:3SG>3SG
‘Мать дала своим двум детям еды’ [ibid.: 65] (неодушевленный T).
- b. *go a-mam-lai₁ tsutsu gwak-tomi₁*
я мой-мать-ОВJ ребенок дать-PST:1SG>3SG
‘Я дала ребенка своей матери’ [ibid.] (одушевленный T).

Как показывают все рассмотренные случаи, и в тех языках, где двойное маркирование не ограничено реципиентом, применительно к этой роли оно оказывается более последовательным, чем для пациенса: реципиент в большинстве языков обязательно маркируется падежом и чаще индексируется. Примеры такого рода легко найти и за пределами Старого Света. Так, в австралийском языке нганди [Heath 1978] показатель аллатива маркирует реципиента,

пример (29a), и пациенс-лицо, пример (29b), в то время как неодушевленный Р не маркируется, пример (29c). Индексирование же с помощью глагольных префиксов-портманто [ibid.: 67—78] обязательно для всех первичных объектов вне зависимости от семантики.

(29) НГАНДИ (семья гунвиньгу, Северная Австралия)

- a. *ɲanu*₁-*wo-ni* *ma-ɲiç-uŋ* *ni-ɲara-ɲ-giç*₁
 1SG>3SG.M-ДАТЬ-PST.CNT NC-ЕДА(NOM)-AFF M.SG-ОТЕЦ-МОЙ-ALL
 ‘Я давал еду своему отцу’ [Heath 1978: 42].
- b. *ni-ɲara-ɲ-giç*₁ *ɲanu*₁-*na-ni*
 M.SG-ОТЕЦ-МОЙ-ALL 1SG>3SG.M-ВИДЕТЬ-PST.CNT
 ‘Я видел своего отца’ [ibid.: 46] (одушевленный Р).
- c. *ɲigu*₁-*ma-y* *ni-yul-tu-yuŋ* *gu-jundu-yuŋ*₁
 3SG.M>3SG.NH-ВЗЯТЬ-PST.PNC M.SG-МУЖЧИНА-ERG-AFF NC-КАМЕНЬ-NOM-AFF
 ‘Мужчина взял камень’ [ibid.: 42] (неодушевленный Р).

В языке дера (Новая Гвинея, [de Sousa 2006]) объектный падеж используется для маркирования R, пример (30a), и факультативно оформляет Р в тех случаях, когда, как пишет автор грамматического описания, может возникнуть неоднозначность⁶, ср. примеры (30b—c); обязательно употребление падежного показателя лишь с местоимениями [ibid.: 215], ср. пример (30d), однако запрета на его использование с неодушевленными пациенсами также нет, ср. пример (30e). При этом индексирование в дера подчиняется сложным морфологическим правилам, см. [ibid.: 276—293], и не связано с референциальными иерархиями.

(30) ДЕРА (семья сенаги; Новая Гвинея)

- a. *Nola=mbō wanu da-niŋga-u-mby-a*
 Нола=ОВJ деньги ДАТЬ:FUT-1SG.SBJ-3SG.OBJ-FUT-1SG.SBJ
 ‘Я дам Ноле денег’ [de Sousa 2006: 290].
- b. *ambya bena wanŋu=mbō sa-hwa-a-mbō...*
 дыра сторона воробьи=ОВJ думать-1DU.SBJ-3F.SG.OBJ-SBD
 ‘Мы вдвоем думали о воробьях в пещере...’ [ibid.: 215]
- c. *wi imbu aftafefi-ya-pu-hwa*
 ребенок два купать-3SG.SBJ-2/3DU.OBJ-PST
 ‘Он(а) искупала двоих детей’ [ibid.: 213].
- d. *yo=na sihafumbo yafuhu-ha-nya-mbi*
 я=ТОР ты:ОВJ хотеть.услуги-1SG.SBJ-2SG.OBJ-PRS
 ‘Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу’ [ibid.: 303].
- e. *yari=mbō ser-o-mbō...*
 саго=ОВJ есть-3SG.F.SBJ-SBD
 ‘Она съела саго...’ [de Sousa 2006: 301]

В целом ряде языков (кашмири, карби, вамбая, ульва, агуаруна, кечуа, аймара) двойное маркирование первичного объекта ограничено локуторами в силу того, что только объекты 1-го и 2-го лица выражаются в глаголе. Так, в имбабура кечуа глагол индексировал только объекты 1-го лица⁷, ср. примеры (31a—b); падежное маркирование при этом не имеет ограничений, ср. пример (31c).

⁶ Ср.: «The use of the object case clitic =*mbō* is not obligatory; =*mbō* is seldom used when the cross-reference suffixes are sufficient in determining the grammatical relationships, or when the semantic roles of the arguments are unambiguous» [de Sousa 2006: 213].

⁷ В грамматике [Cole 1985: 103, 159] говорится, что объектное индексирование возможно лишь для местоимения ‘я’, однако другие источники приводят примеры с индексированием 1 л. мн. ч. ‘мы’.

(31) ИМБАБУРА КЕЧУА (кечуа, Эквадор)

a. *pay-kuna wakta-wa-naxu-n nyukanchi-ta*
 3-PL ударить-1.OBJ-PST-3.SBJ мы-ACC

‘Они ударили нас’ [Cohen 2013: 54].

b. *kanpa tayta kan uchila ka-xpi nyuka-man ku-wa-rka*
 твой отец ты маленький быть-ADV.DS я-ДАТ дать-1.OBJ-PST

‘Когда ты был маленьким, твой отец дал тебя мне’ [ibid.].

c. *nyuka chay-ta villa-rka-ni Marya-man-ka*
 я это-ACC сказать-PST-1SG Мария-ДАТ-ТОР

‘Я сказал это Марии’ [ibid.: 53].

В дардском языке кашмири, насколько можно судить по описанию в [Wali, Koul 1997: 87—88, 155—156], двойное маркирование возможно лишь с прямыми и непрямыми объектами 2-го лица, поскольку индексирование объектов 1-го и 3-го лица запрещено, если они выражены местоимением или именной группой, ср. следующие примеры:

КАШМИРИ (индоевропейские > индоиранские, Индия, Пакистан)

(32) a. *su chu-y tse parina:va:n*
 он AUX-2SG.OBJ ты:ДАТ учить:PTCP

‘Он учит тебя’ [Wali, Koul 1997: 87] (P 2-го лица).

b. *su chu me /təm-is parina:va:n*
 он AUX я:ДАТ/ОН-ДАТ учить:PTCP

b'. *su chu-m /chu-s parina:va:n*
 он AUX-2SG.OBJ/AUX-3SG.OBJ учить:PTCP

‘Он учит меня/его’ [ibid.] (P 1-го или 3-го лица).

(33) a. *təm' d'ut-uy tse kalam*
 он:ERG дать:PST-2SG.OBJ ты:ДАТ ручка

‘Он дал тебе ручку’ [ibid.: 88] (R 2-го лица).

b. *təm' d'ut me /təm-is kalam*
 он:ERG дать:PST я:ДАТ/ОН-ДАТ ручка

b'. *kalam d'ut-n-am /d'ut-n-as*
 ручка дать:PST-3SG.SBJ-1SG.OBJ / дать:PST-3SG.SBJ-3SG.OBJ

‘Он дал мне/ему ручку’ [ibid.] (R 1-го или 3-го лица).

При этом падежное маркирование прямого объекта в кашмири зависит, во-первых, от видо-временной формы глагола (при перфективных формах прямой объект никогда не маркируется) и, во-вторых, от соотношения лиц субъекта и объекта в иерархии $1 > 2 > 3$ [ibid.: 87—88]: если P выше A в иерархии (включая ситуации с двумя участниками 3-го лица), P маркируется дативом, в противном случае не маркируется, ср. следующие примеры:

(34) КАШМИРИ

a. *bi chu-s-ath tsi parina:va:n*
 я:ABS AUX-1SG.SBJ-2SG.OBJ ты:ABS учить:PTCP

‘Я учу тебя’ [Wali, Koul 1997: 87] (1A > 2P).

b. *tsi chu-kh me parina:va:n*
 ты:ABS AUX-2SG.SBJ я:ДАТ учить:PTCP

‘Ты учишь меня’ [ibid.: 155] (2A > 1P).

Реже встречаются иные типы ограничений. Так, в юто-ацтекском языке кауилья [Seiler 1977] P и R по умолчанию индексированы, а падежом соответствующие именные группы

оформляются преимущественно в «более маркированной» постглагольной позиции ([*ibid.*: 80, 228]; в этой позиции возможно, но необязательно опущение объектного глагольного префикса, [*ibid.*: 231]), ср. примеры (35a—b). Местоимения-локуторы при этом не различают ядерных падежей, ср. примеры (36a—b). В битранзитивных конструкциях объектным падежом оформляются и R, и T, однако индексируется лишь R, см. пример (37).

КАУИЛЬЯ (юто-ацтекские > северная ветвь, Калифорния, США)

- (35) a. *mewih* *ʔáswet* *me-yáwpišqal*
 два орел 3PL.OBJ-нести
 b. *mewih* *me-yáwpišqal* *ʔáswet-m-i*
 два 3PL.OBJ-нести орел-PL-OBJ
 ‘Он несет двух орлов’ [Seiler 1977: 80].
- (36) a. *čém* *ʔiʔvax* *ʔeš-kikitam*
 мы теперь 1PL.PRED-молодежь
 ‘Мы теперь молодежь’ [*ibid.*: 107].
 b. *čém* *čeme-hem-téew-wen*
 мы 1PL.OBJ-3PL.SBJ-видеть-RES
 ‘Они нас видели’ [*ibid.*].
- (37) *náxaaniš* *me₁-máx-qaʔle* *súpl'e* *hé-ʔaʔč-i* *ʔéʔk^aašmal'-em-i*
 мужчина 3PL.OBJ-дать-DUR один 3SG.PR-лошадь-OBJ⁸ мальчик-PL-OBJ
 ‘Мужчина дал одну из своих лошадей мальчикам’ [*ibid.*: 232].

Наконец, двойное маркирование всех без исключения первичных объектов отмечено лишь в одном или двух языках, причем с несто процентной надежностью. В языке табла (Новая Гвинея, [Collier, Gregerson 1985]) послелог *te* маркирует все объекты моно- и битранзитивных глаголов, ср. примеры (38a—b), а объектные суффиксы глагола, в зависимости от типа лексемы, указывают только на число, лицо и число или размер референта — правда, объектный суффикс может отсутствовать в имперфективных формах, ср. (39a—b).

ТАБЛА (семья сентани, Новая Гвинея)

- (38) a. *de* *seto* *te* *meko-te-mb-o-nde* *énde*
 я письмо OBJ делать-1SG.SBJ-SG.OBJ-PFV-AFF ИДТИ
 ‘Я пошлю письмо’ [Collier, Gregerson 1985: 156] (неодушевленный P).
 b. *de* *se* *te* *ne₁* *te* *i-k-a-na₁-re*
 я топор OBJ 3SG OBJ дать-PST-1SG.SBJ-3SG.IO-AFF
 ‘Я дал ему топор’ [*ibid.*: 155].
- (39) a. *de* *éi* *te* *meko-te-mb-o-nde*
 я каноэ OBJ делать-1SG.SBJ-SG.OBJ-PFV-AFF
 ‘Я смастерю каноэ’ [*ibid.*: 159] (перфектив).
 b. *de* *éi* *te* *meko-te-re*
 я каноэ OBJ делать-1SG.SBJ-AFF
 ‘Я буду делать каноэ’ [*ibid.*] (имперфектив).

В юто-ацтекском языке моно, судя по грамматике [Norris 1986], маркируются падежом и индексируются любые P-актанты и R битранзитивных глаголов, в том числе имеется специальный префикс для индексирования нереферентных пациенсов, ср. примеры (40a—b). В битранзитивных конструкциях, как и в других юто-ацтекских языках, объектный падеж

⁸ В грамматике эта словоформа глоссирована как не содержащая показателя объектного падежа, но, судя по другим представленным в книге Х. Зайлера примерам, моя конъектура является законной.

маркирует и R, и T, ср. пример (40с). Впрочем, в описании встречаются отдельные примеры, когда либо ЗМ, либо ВМ на пациенсе отсутствует, но никаких объяснений этому не дается (Т. Гивон в описании родственного языка юте [Givón 2011: Ch. 7] говорит, что употребление местоименных энклитик факультативно, но никаких строгих закономерностей не обнаруживает).

(40) моно (юто-ацтекские > северная ветвь, Калифорния, США; [Norris 1986: 26])

a. *waha*”-“*ku ni* *i-tapisona*”-*na u-pacaga*-“*ti*
два-ОБВ я 1SG.PR-НОСОК-ОБВ 3SG.OBV-стирать-TNS

‘Я постирал свои два носка’ (определенный P).

b. *waha*”-“*ku ni* *i-tapisona*”-*na ti-pacaga*-“*ti*
два-ОБВ я 1SG.PR-НОСОК-ОБВ УО-стирать-TNS

‘Я постирал два своих носка’ (неопределенный P).

c. *Betty-a-i-ka*₁ *kumaza*”-*a ma*₁-*maka!*
Бетти-ACC-ДЕМ-ACC хлеб-ACC 3SG.OBV-дать

‘Дай Бетти хлеба!’

Итак, мы видели, что значительное число генетически неродственных языков в самых разных частях света демонстрирует сходную модель двойного маркирования объектов, в которой сочетание ЗМ и ВМ доступно для (как правило, выделенных) P-актантов монотранзитивных глаголов и R-актантов битранзитивных глаголов. Несмотря на то, что конкретные факторы, регулирующие употребление ВМ и ЗМ, различаются по языкам, а также на то, что в большей части случаев ВМ и ЗМ явным образом функционируют независимо (наиболее отчетливо это проявляется тогда, когда лишь один из этих механизмов чувствителен к референциальным свойствам P, а другой действует неизбирательно; подробнее о несоответствиях между ЗМ и ВМ см. раздел 3.2), такое положение дел явно не случайно. Как уже говорилось выше, типологическая частотность именно такой модели двойного маркирования следует из сочетания хорошо известных функциональных принципов, привлекавшихся для объяснения зависимостного и вершинного маркирования объектов по отдельности.

2.4. Двойное маркирование P, T и R

Двойное маркирование обоих объектных аргументов битранзитивного предиката предстает в небольшом числе языков в нескольких не связанных между собою географических областях. Наиболее склонны к такому, казалось бы, экзотическому в своей избыточности способу оформления актантов языка Балканского языкового союза — албанский, новогреческий⁹, болгарский, македонский и румынский. Так, в албанском языке [Mišeska Tomić 2006: 310—315] маркируются падежом определенные прямые объекты (P и T, аккузатив) и не прямой объект (R, датив), а индексируются с помощью местоименных проклитик практически любые объекты, кроме нереферентных или фокусированных P/T, ср. пример (41b). При этом ограничений на одновременное индексирование обоих объектов битранзитивной конструкции нет, ср. пример (41с).

(41) АЛБАНСКИЙ (индоевропейские; [Mišeska Tomić 2006: 311—312])

a. *E pashë libr-in tënd tē ri.*
3SG.ACC.CL видеть:AOR.1SG.SBJ книга-DEF.ACC.SG твой:ACC ACC.AGR.CL новый

‘Я видел(а) твою новую книгу’ (определенный P).

⁹ Впрочем, в новогреческом все большее распространение получает кодирование реципиента с помощью предлога, не допускающее, по крайней мере в стандартном языке, индексирования, ср. [Mackridge 1985: 61—64; Mišeska Tomić 2006: 324]. Я благодарю М. Л. Кисилиера за указание на этот факт.

b. *Agim-i* (*e) *theu* *njě pjatě.*
 АГИМ-DEF.SG (*3SG.ACC.CL) разбить:AOR.3SG.SBJ INDEF тарелка
 ‘{Что случилось?} Агим разбил тарелку’ (неопределенный Р).

c. *I₁-a₂* *dhashě* *libr-in₂* *Agim-it₁.*
 3SG.DAT.CL-3SG.ACC.CL дать:AOR.1SG.SBJ книга-DEF.ACC.SG АГИМ-DEF.DAT.SG
 ‘Я действительно дал(а) книгу Агиму’ (с фокусным ударением на сказуемом).

Примеры, подобные (41с), возможны и в румынском¹⁰, ср. аутентичный пример (42), хотя в таких случаях индексация реципиента является необязательной (А. Николаэ, личное сообщение).

румынский (<http://tinyurl.com/gq6t7op>, обращение 10 января 2016)

(42) *Nu i₁-am prezentat-o₂ pe mătuşa Tamara₂*
 NEG 3SG.DAT.CL-AUX.PRS.1SG.SBJ представить.PTCP-3SG.ACC.CL ОВJ тетя Тамара
lui Ilie Sârbu₁.
 DAT Илие Сырбу

‘Я не представил тетю Тамару Илие Сырбу’.

В болгарском, македонском, а также мегленорумынском особые падежные формы для функций прямого и непрямого объекта есть лишь у местоимений, а в македонском также у личных имен и терминов родства [Lunt 1952: 33—34; Mišeska Tomić 2006: 52—55], в то время как остальные имена в позиции прямого объекта не маркируются, а в функции R выступают с предлогом. Индексирование («местоименный повтор», clitic doubling) местоименных объектов во всех этих языках обязательно, что же касается именных групп, то здесь наблюдается значительная вариативность, см. [Лопашов 1978; Борисова 2005: 12—16; Mišeska Tomić 2006; 2008; Friedman 2008], — если в болгарском «местоименный повтор» скорее факультативен и управляется прагматически, ср. [Leafgren 2002], то в македонском, албанском и мегленорумынском он практически обязателен для реципиента (за исключением разве что фокализованных или неререферентных R) и определенного прямого объекта. Случаи двойного маркирования обоих объектов битранзитивной конструкции скорее редки, ср. один из единичных примеров, найденных в македонском переводе Библии (43).

(43) МАКЕДОНСКИЙ (индоевропейские > славянские;
http://europe4jesus.com/bibles/macedonian_bible.htm, обращение 5 февраля 2016)
Сара виде како синот на Египетката Агара,

кого₁ му₂ го₁ роди на Авраама₂,
 кто.ACC 3SG.M.DAT.CL 3SG.M.ACC.CL родить:AOR.3SG DAT Авраам:OBL
се поигрува со нејзиниот син Исак

‘И увидела Сарра, что сын Агари Египтянки, которого <та> родила Аврааму, насмехается над ее сыном Исааком’ (Быт. 21.9).

За пределами Балкан двойное маркирование Р, R и Т встречается в единичных языках. В стандартном варианте баскского языка двойное маркирование систематически затрагивает лишь R актанта, что же касается прямых объектов моно- и битранзитивных глаголов, то они всегда индексированы, а ненулевое падежное оформление получают только существительные во множественном числе [Hualde, Ortiz de Urbina 2003: 173—174, 179], см. пример (44), повторяющий пример (2). О диалектной вариативности ЗМ и ВМ в баскском см. также ниже.

(44) БАСКСКИЙ (изолят, Испания, Франция; [Заика 2009: 19, пример (10)])

Ni-k₁ haurr-e-i₂ gozoki-ak₃ eros-i d₃-i-zki₃-e₂-t₁.
 я-ERG ребенок-PL-DAT конфета-PL.ABS купить-PRF 3.ABS.PRS-AUX-PL.ABS-3PL.DAT-1SG.ERG

‘Я купил детям конфеты’.

¹⁰ Я благодарю И. А. Седакову и А. Николаэ за помощь в поиске и интерпретации примеров.

«Зеркальная» ситуация представлена в адыгейском языке, где двойное маркирование прямых объектов возникает за счет ненулевого индексирования множественного числа [Рогава, Керашева 1966; Кумахов 1971; Smeets 1992; Кумахов, Вамлинг 2006; Аркадьев и др. 2009]. В адыгейском маркируются падежом в общем случае лишь референтные нарицательные имена и местоимения 3-го лица, причем независимо от синтаксической функции (о дифференцированном маркировании в адыгейском см. [Тестелец 2014]), в то время как редко употребляемые независимые местоимения-локуторы не различают падежных форм. Напротив, наиболее последовательно индексируются в глаголе именно локуторы, которым всегда соответствует выраженный префикс, позиция и отчасти форма которого указывает на грамматическую роль соответствующего участника, ср. примеры (45a—b). Из участников 3-го лица индексируется лишь реципиент, а также факультативный абсолютный прямой объект множественного числа [Рогава, Керашева 1966: 371], ср. примеры (45c—d).

(45) АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские > адыгские, Россия)

- a. *a-š' se a-r qə-s-jə-tə-κ*
 TOT-OBL я TOT-ABS DIR-1SG.IO-3SG.ERG-дать-PST
 'Он дал мне то' [Рогава, Керашева 1966: 160].
- b. *a-š' a-j₁ se₂ sə₂-r₁-jə-tə-κ*
 TOT-OBL TOT-OBL я 1SG.ABS-3SG.IO-3SG.ERG-дать-PST
 'Он дал ему меня' [там же, пример модифицирован].
- c. *a-š' txəλ-xe-r j-e-txə(-x)*
 TOT-OBL книга-PL-ABS 3SG.ERG-DYN-писать(-3PL.ABS)
 'Он пишет книги' [там же: 371].
- d. *məderase xešəpəč'afe-xe-r₁ ške-m₂ r₂-jə-tə-κe-x₁*
 яблоко оборыш-PL-ABS теленок-OBL 3SG.IO-3SG.ERG-дать-PST-3PL.ABS
 'Яблоки-оборыши дал теленку' [Берсиров 2013: 332].

Двойное маркирование прямого и непрямого объектов отмечено также в северном юто-ацтекском языке кавайсу [Zigmond et al. 1990]. В кавайсу, как и в других языках этой группы, которые вообще очень последовательно используют двойное маркирование объектов (см. предыдущий раздел), Р, Т и R одинаково маркируются косвенным или объектным падежом вне зависимости от семантики и, как правило, индексируются с помощью энклитик или префикса (реципиент при глаголе 'дать', который в кавайсу и его ближайших родственниках выражается сочетанием направительного послелога с местоимением-реципиентом), ср. следующие примеры.

(46) КАВАЙСУ (юто-ацтекские > северная ветвь, Калифорния, США)

- a. *taʔnipizi pikee-ka-di=ina tomoʔo-na*
 мужчина видеть-PRF-NML=3SG.AN женщина-OBJ
 'Мужчина увидел женщину' [Zigmond et al. 1990: 111].
- b. *niʔi tiʔa-tii-ka-di=ika₁=ina₂ ʔawa hiibi-a₁ niwaaha-ya₂=ni*
 я взять.В.ДОЛГ-CAUS-PRF-NML=3SG.IN=3SG.AN много деньги-OBJ друг-OBJ=1SG
 'Я одолжил своему другу много денег' [ibid.: 44].
- c. *Pearl ʔina₁-roo-ka-di=ina₂ pogwiti-a₂ Rochelle-ia₁*
 Перл 3SG.AN.IO-дать-PRF-NML=3SG.AN медведь-OBJ Рошель-OBJ
 'Перл дала Рошель медведя' [ibid.: 59].

В связи с примером (46c) стоит отметить, что в близкородственном языке юте, в котором конструкция с глаголом 'дать' устроена так же [Givón 2011: 84], отмечается запрет на индексирование Т-актанта: даже в тех случаях, когда глагол, вдобавок к обязательному префиксу, индексирующему реципиента, присоединяет факультативную объектную энклитику,

эти показатели должны быть кореферентны [ibid.: 85], ср. примеры (47a—b). Следовательно, язык юте относится к наиболее распространенному типу с двойным маркированием Р и R.

(47) ЮТЕ (юто-ацтекские > северная ветвь, Юте, США; [Givón 2011: 85])

- a. *na'achichī*₁ 'uway whchachi 'uwa₁-rugwa-qa='u₁
 девушка:OBJ DEF.OBJ корзина:OBJ 3SG.IO-дать-PRF=3SG.AN
- b. **na'achichī* 'uway whchachi₁ 'uwa₁-rugwa-qa=aqh₁
 девушка:OBJ DEF.OBJ корзина:OBJ 3SG.IO-дать-PRF=3SG.IN
- 'Он(а) дал(а) девушке корзину'.

Из рассмотренных здесь и выше примеров становится ясно, почему языков с двойным маркированием всех трех объектных ролей мало в сравнении с языками с двойным маркированием первичного объекта. Различия между этими двумя типами сводятся к тому, допустимо ли одновременное падежное маркирование и индексирование обоих актантов битранзитивной конструкции (R и T), которого многие языки избегают за счет запрета либо на одновременное ЗМ этих ролей (как, например, мальтийский, где допустимо одновременное индексирование R и T, ср. пример (24)), либо на одновременное их индексирование при допустимости одновременного ЗМ, как юте. При этом в тех языках, где дифференцированное маркирование или индексирование пациенса определяется одушевленностью, сами условия для маркирования или индексирования Т-актанта возникают весьма редко (и, возможно, еще реже оказываются описаны в грамматиках), а возникая, иногда приводят к перестройке конструкции, см. об этом [Kittilä 2006a; 2006b]. Напротив, в языках, где кодирование прямого объекта не зависит от одушевленности и либо является обязательным, либо связано с дискурсивными факторами, правила маркирования и/или индексирования Р-актанта, видимо, могут легче распространяться на маркирование и/или индексирование Т-актанта, ср. новонарамейский или ительменский, где в глаголе индексируется более топикальный из двух объектов битранзитивного предиката. По-видимому, неслучайно, что во всех языках рассмотренного в этом разделе типа, за исключением румынского, по крайней мере одна из стратегий маркирования объектов (как правило, индексирование) не зависит от одушевленности.

В свете этого показательны данные трех никак не связанных между собою языков, в которых и Т, и R актанты могут получать двойное маркирование, но не одновременно, — амхарского, чукотского и пурепеча. В амхарском определенный Р оформляется аккумулятивом и факультативно индексируется в глаголе, см. например, [Leslau 1995: 181—191; Baker 2012], ср. примеры (48a) и (48b):

(48) АМХАРСКИЙ (семитские > эфиосемитские, Эфиопия; [Amberber 2005: 299])

- a. *lämma* *tärmus-u-n* *säbbär-ä-(w)*
 Лемма бутылка-DEF-ACC разбить:PST-3SG.M.SBJ-(3SG.M.OBJ)
 'Лемма разбил (эту) бутылку' (определенный Р).
- b. *lämma and* *tärmus* *säbbär-ä-(*w)*
 Лемма один бутылка разбить:PST-3SG.M.SBJ-(*3SG.M.OBJ)
 'Лемма разбил (какую-то) бутылку' (неопределенный Р).

В битранзитивных конструкциях реципиент в амхарском обязательно маркируется либо тем же аккумулятивом (реже), либо дативным предлогом (чаще) [Leslau 1995: 191, 893] и факультативно индексируется, ср. примеры (49a) и (49b). При этом определенный Т-актант также получает аккумулятивное оформление и может индексироваться вместо реципиента (но никогда не одновременно с ним), ср. (49c).

(49) АМХАРСКИЙ [Leslau 1995: 191]

- a. *läḡ-u-n₁* *māsa-wə-n* *sätt-ä-w₁*
 ребенок-DEF-ACC обед-3SG.PR-ACC дать:PST-3SG.M.SBJ-3SG.M.OBJ
 'Он дал ребенку его обед'.

- b. *ləǵ-u-n* *lū-ənnat-u₁* *säŋŋ-äčč-at₁*
 ребенок-DEF-ACC DAT-мать-3SG.PR дать:PST-3SG.F.SBJ-3SG.F.OBJ
- c. *ləǵ-u-n₁* *lū-ənnat-u* *säŋŋ-äčč-əw₁*.
 ребенок-DEF-ACC DAT-мать-3SG.PR дать:PST-3SG.F.SBJ-3SG.M.OBJ
- b=c ‘Она дала ребенка его матери’.

В чукотском битранзитивный глагол ‘дать’ употребляется в конструкции с темой в абсолютиве (морфологически маркированном, см. [Dunn 1999: 105—112]) и реципиентом в аллативе, причем индексирование зависит от лица реципиента: при объекте-локуторе индексировается локутор, в противном случае всегда индексировается абсолютивный актанта, т. е. тема, ср. примеры (50a—b). Монотранзитивные глаголы индексировуют пациенса любого лица, за исключением ряда комбинаций лиц и чисел агенса и пациенса, см. [Dunn 1999: 177—184], ср. пример (51).

чукотский (чукотко-камчатские, Чукотка)¹¹

- (50) a. *ənnen* *ŋiŋətkuçʔəwəyər* *yəm-əkə* *ne-jəl-yəm*
 один час:ABS.SG я-ALL INV-дать-1SG.OBJ
 ‘Они дали мне один час’ (<http://tinyurl.com/hek72o9>, обращение 4 мая 2016).
- b. *ənnen* *ŋiŋətkuçʔəwəyər* *ər-əkə* *ne-jəl-ən* /**ne-jəl-ə-net*
 один час:ABS.SG они-ALL INV-дать-3SG.OBJ /*INV-дать-3PL.OBJ
 ‘Они дали им один час’ (М. Ю. Пупынина, личное сообщение).
- (51) *reqoka-ly-a* *təke-cʔə-n* *ya-jjo-len*
 псец-3SG-ERG запах-NML-ABS.SG PRF-нюхать-3SG.OBJ
 ‘Псец понюхал приманку’ [Dunn 1999: 206].

Наконец, в языке пурепеча (тараско, Мексика, [Foster 1969; Chamoreau 2000]) маркирование прямого объекта падежом также обусловлено в первую очередь определенностью [Chamoreau 2000: 166—172], а маркирование реципиента (идентичным показателем) обязательно. Объекты-локуторы индексировются с помощью местоименных энклитик, а объекты 3-го лица множественного числа — с помощью глагольного суффикса [Foster 1969: 130; Chamoreau 2008: 167]¹², причем и тот и другой могут употребляться по отношению к обоим актантам битранзитивного глагола [Chamoreau 2008: 168], но не к обоим сразу¹³, ср. примеры (52) и (53).

ПУРЕПЕЧА (тараскские, Мексика; [Chamoreau 2008: 168])

- (52) a. *ka* *xima* *xuči* *tata=rini* *kwane-šin-ti* *xiwaci* *khéri-ni*
 и там мой отец=1SG.OBJ дать.на.время-наб-асс.3 койот старый-овз
 ‘...и там мой отец отдает меня на время старому койоту’ (локутор T).
- b. *thu=rini* *pici-šin-ka* *ičuskuta*
 ты=1SG.OBJ оставить-наб-асс.1/2 тортилья
 ‘Ты оставляешь мне тортилью’ (локутор R).
- (53) a. *xi* *inc-a₁-s-ka* *xučiti* *misitu-eča-ni₁* *petu-ni*
 я дать-3PL.OBJ-AOR-асс.1/2 мой кошка-PL-ОВЗ Педро-овз
 ‘Я дал(а) своих кошек Педро’ (множественный T).

¹¹ Я благодарю М. Ю. Пупынину и И. А. Стенина за помощь с анализом чукотского материала.

¹² В грамматиках [Foster 1969: 125—127; Chamoreau 2000: 161—184] приводятся также случаи индексирования объектов 3-го лица единственного числа с использованием глагольных суффиксов.

¹³ Впрочем, в грамматике [Chamoreau 2000: 175—176] приводятся примеры, где индексировются оба объекта, однако ни один из них не демонстрирует двойного маркирования.

b. *xi inc-a₁-s-ka* *xučiti misitu-ni cimi ačati-eča-ni₁*
 я дать-3PL.OBJ-AOR-ASS.1/2 мой кошка-OBJ DEM.PL человек-PL-OBJ
 ‘Я дал(а) свою кошку тем людям’ (множественный R).

Факторы, регулирующие выбор индексируемого объекта в случаях, когда и R, и T — множественного числа или локуторы, в цитируемых работах не обсуждаются.

Тем самым, эти три языка формируют своего рода гибридный тип, в котором двойное маркирование доступно для обоих объектов битранзитивного предиката, но лишь парадигматически, а не синтагматически. Ограничение на одновременное двойное маркирование R и T, отмечавшееся и в других языках (см. выше), может быть связано как с особенностями падежного маркирования (ср. мальтийский или тхулунг), так и с тем, что в глагольной словоформе имеется лишь одна позиция для объектного индексирования, как в амхарском, чукотском или табла.

2.5. Обобщение

Обратимся теперь к количественным данным. Распределение описанных в предыдущих разделах типов двойного маркирования в языках моей выборки представлено в таблице 2, при этом отдельно приводятся количество языков и количество семей (включая изоляты) для каждого типа. Естественно, поскольку многие семьи (индоевропейская, юто-ацтекская, гунвиньгу) содержат языки, относящиеся к нескольким типам, каждая семья подсчитывалась столько раз, сколько типов в ней представлено (ср. последний столбец таблицы, в котором семьи упорядочены по числу языков, репрезентирующих соответствующий тип). В последних строках таблицы приведены суммированные данные о двойном маркировании реципиента или пациенса в комбинации с двойным маркированием каких-либо еще синтаксических ролей.

Таблица 2

Распределение типов двойного маркирования

Тип	Н языков	Н семей	Семьи
P+T	7 (9 %)	2 (5 %)	уральская, индоевропейская
R	20 (24 %)	12 (27 %)	пама-ньонга, гунвиньгу, картвельская, ям, горока, дейли, же, нахско-дагестанская, нюлнюл, чукотско-камчатская
P+R	42 (51 %)	24 (55 %)	индоевропейская, семитская, сино-тибетская, юто-ацтекская, гунвиньгу, кечуа, нубийская, австроазиатская, аймара, ангская, берберская, картвельская, квомтари, маданг, минди, мисумальпа, сахаптинские, сенаги, сентани, сепик, хиваро
P+R+T	13 (16 %)	6 (14 %)	индоевропейская, западнокавказская, семитская, юто-ацтекская, тараская, чукотско-камчатская
R+X	75 (91 %)	39 (95 %)	нет: уральская
P+X	62 (76 %)	32 (76 %)	нет: пама-ньонга, ям, горока, дейли, же, нахско-дагестанская, нюлнюл

Как видно из таблицы 2, вопреки приведенным во Введении данным Д. Баккера и А. Северской, число языков и языковых семей, в которых представлено двойное маркирование реципиента, существенно превышает число языков и семей, в которых есть двойное маркирование пациенса. Более того, если запрет на индексирование реципиента, приводящий к отсутствию его двойного маркирования, последовательно представлен лишь в одной языковой семье (уральской) и, видимо, должен считаться типологической редкостью, то двойное маркирование пациенса отсутствует в целом ряде языковых семей с преимущественно эргативным кодированием ядерных актантов.

Полезно рассмотреть также географическое распределение типов двойного маркирования, см. таблицу 3 (цифры приводятся в формате «число языков/число семей»).

Таблица 3

Типы двойного маркирования по макроареалам

Макроареал	P+T	R	P+R	P+R+T
Европа	2/1	1/1	3/2	9/3
Азия	5/2	4/3	11/5	1/1
Африка			5/3	1/1
Австралия		10/5	4/2	
Океания		4/3	7/7	
Северная Америка			7/4	2/2
Южная Америка		1/1	5/4	

Таблица 3 показывает, что единственный тип двойного маркирования, который представлен на всех континентах, — двойное маркирование P и R, причем лишь в Европе и в Австралии он не является доминирующим; за ним следует двойное маркирование только R, особенно характерное для Австралии, но отсутствующее в Африке и (за одним исключением) в Америке. Напротив, двойное маркирование двух других типов имеет ярко выраженную генетическую и/или ареальную локализацию, причем не может не обращать на себя внимания тот факт, что наиболее «экзотический», казалось бы, тип двойного маркирования — P+R+T — лучше всего представлен в Европе и является в этом регионе наиболее частотным.

Следует отметить, что двойное маркирование объектов демонстрирует явную склонность к пересечению границ генетических групп в ситуациях долговременных языковых контактов. Так, очевидно, что двойное маркирование типа P+R+T, представленное в балканских языках, является их общей инновацией; при этом хотелось бы подчеркнуть, что если сам по себе «местоименный повтор», присутствующий во всех списках так называемых «балканизмов» (ср. [Sandfeld 1930: 192—193; Mišeska Tomić 2004; 2006]), на типологическом фоне скорее тривиален, то гипертрофированное двойное маркирование, напротив, является яркой и во многом эксклюзивной чертой балканского языкового ареала. Ареальный характер имеет и двойное маркирование, представленное в целом ряде генетически неродственных языков северо-западной Австралии, причем чертой, наиболее вероятно распространеннейшей в результате контактной диффузии, является «местоименный повтор» в языках семьи пама-ньюнга [McGregor 2004: 125]: языки других семей региона в своей массе обладают высокограмматикализованными системами глагольного индексирования, ср., например, [ibid.: 119—125, 222], в то время как падежные системы таких языков, как дяру или вальбири, в основных чертах совпадают с системами языков пама-ньюнга других регионов, где индексирования, как правило, нет (ср., впрочем, критическое обсуждение в [McConvell 2010: 775—776]). В ряде неиндоарийских языков северной Индии и Непала, изначально обладавших системой глагольного индексирования, двойное маркирование P и R возникло в результате прямого заимствования показателей объектного падежа из индоарийских языков, см. [Lahaussais 2002: 20] о языке тхулунг, [Sharma 2014: 125] о языке пума и [Watters 2002: 67] о языке кхам, заимствовавших объектный суффикс *-lai* из непали, и [Kobayashi, Murmu 2008: 171, 173] о диалекте кера языка мундари, заимствовавшем объектный показатель *-ke* из садани. Наконец, некоторые баскские диалекты заимствовали из испанского модель дифференцированного кодирования P, см. [Austin 2006; Rodríguez-Ordóñez 2013; Fernández, Rezac to appear], ср. примеры (54a) и (54b) из диалекта Герники, копирующие распространенную во многих испанских диалектах модель так называемого *leísmo* — индексирования одушевленного P с помощью «дативной» клитики (об этом феномене см. [Bleam 1999; Fernández-Ordóñez 1999]), ср. пример (55).

(54) БАСКСКИЙ, ДИАЛЕКТ ГЕРНИКИ [Rodríguez-Ordóñez 2013: 240]

- a. *Ni-k Mikel ikusi d-o-t.*
 я-ERG Микель видеть 3SG.ABS-AUX-1SG.ERG
- b. *Ni-k Mikel-eri ikusi d-o-tsa-t.*
 я-ERG Микель-DAT видеть 3SG.ABS-AUX-3SG.IO-1SG.ERG
 ‘Я видел(а) Микеля’.

(55) ИСПАНСКИЙ, ДИАЛЕКТ СТРАНЫ БАСКОВ [ibid.: 239]

- Le he visto a Mikel.*
 3SG.DAT AUX.PRS.1SG видеть:PTCP OBJ Микель
 ‘Я видел(а) Микеля’.

Тем самым, если стандартный баскский язык имеет двойное маркирование «индирективного» типа с противопоставлением прямых и непрямых объектов, то в диалектах под влиянием испанского развилось двойное маркирование с противопоставлением первичного и вторичного объектов.

Рассмотренный выше материал конкретных языков и приведенные в настоящем разделе количественные данные, как кажется, убедительно демонстрируют, что двойное маркирование реципиента битранзитивной конструкции и выделенного (одушевленного, определенного, топикального) пациенса монотранзитивного глагола независимо возникает в самых разных языковых семьях и ареалах и может трактоваться как своего рода «типологический аттрактор». Более того, таблицы 2 и 3 позволяют сформулировать следующее имплицативное обобщение относительно распространенности двойного маркирования функций Р и R¹⁴:

(56) Если в языке есть двойное маркирование пациенса, то в нем есть и двойное маркирование реципиента, но обратное неверно.

Действительно, двойное маркирование только R является вторым по частотности типом, в то время как двойное маркирование только Р явно маргинально. Кроме того, в значительной части языков с двойным маркированием Р и R наблюдается асимметрия между этими ролями, неизменно состоящая в том, что двойное маркирование R более регулярно (вплоть до обязательности), менее зависит от дискурсивных факторов и вообще более грамматикализовано, чем двойное маркирование Р. Кроме того, как демонстрировали некоторые из обсуждавшихся выше примеров, двойное маркирование Р нередко возникает как «расширение» средств, использующихся при двойном маркировании R, точнее, показателей зависимостьного маркирования (поскольку индексирование R при отсутствии индексирования Р в языках мира встречается весьма редко, см. [Siewierska 2003: 357]): распространение показателей «датива» на оформление выделенного пациенса — один из характерных путей развития падежных систем, см., например, [Lehmann 1995: 97—100].

3. Другие параметры двойного маркирования

В этом разделе пойдет речь о двух параметрах типологии двойного маркирования объектов, которые можно считать вспомогательными, но которые представляются важными для более полной характеристики этого явления. Это, во-первых, типология средств выражения,

¹⁴ «Имплицативное обобщение» здесь следует понимать как тенденцию, наблюдаемую на рассматриваемом материале. Для проверки статистической значимости утверждения (56) следовало бы рассмотреть более обширную выборку, не ориентированную на языки с двойным маркированием, и убедиться в том, что распределение случаев двойного маркирования Р, R и P+R в этой выборке статистически значимо отклоняется от значений, ожидаемых на основании более общих распределений ЗМ и ВМ соответствующих ролей. Такая задача в настоящей работе не ставилась, в том числе по техническим причинам. Я выражаю искреннюю благодарность М. А. Холодиловой и анонимному рецензенту, обратившим мое внимание на это обстоятельство.

используемых для вершинного и зависимостного маркирования объектов, и, во-вторых, более систематическое обсуждение несоответствий между ВМ и ЗМ объектов в изучаемых языках.

3.1. Формальные аспекты двойного маркирования

Наиболее очевидный морфологический параметр, связанный с двойным маркированием объектов, — морфологический статус показателей ЗМ и ВМ в рассматриваемых языках. Действительно, выше мы видели примеры языков с падежными и глагольными аффиксами (например, баскский язык, уральские языки), с предложениями/послелогоми и глагольными клитиками (испанский, болгарский), или с различными сочетаниями тех и других (например, в новоарамейском ЗМ использует предлог, а ВМ — суффиксы, а в албанском и билинара — наоборот). Тем не менее, как известно, провести границу между аффиксами, клитиками и служебными словами при типологическом сопоставлении языков бывает нелегко, см. [Haspelmath 2011; 2015], а сам вопрос о степени морфологической связанности тех или иных показателей на проверку нередко оказывается малорелевантным. Так, не кажется содержательным противопоставлять, например, испанский амхарскому лишь на том основании, что испанские показатели ВМ и ЗМ традиционно принято рассматривать как отдельные слова (ср., между прочим, [Spencer, Luís 2012] о том, что «местоименные клитики» романских или южнославянских языков демонстрируют многие свойства типичных аффиксов), а амхарские — как связанные морфемы.

Более объективным и интересным кажется вопрос о том, одинаковые или различные показатели ЗМ и ВМ используются применительно к ролям Р, Т и R и как этот признак коррелирует с типами двойного маркирования, подробно описанными в предыдущем разделе. Ниже в таблицах 4 и 5 представлены соответствующие количественные данные, разбитые по типам двойного маркирования. Как и выше, цифры приводятся в формате «количество языков/количество семей».

Таблица 4

Совпадение/несовпадение показателей Р, R и Т в зависимостном маркировании

Тип	P=R	P≠R	оба случая	T=R	T≠R	оба случая
P+T		7/2			7/2	
R		16/12	4/3	1/1	16/10	2/2
P+R	30/17	6/5	6/5	8/4	29/17	2/2
P+R+T	3/3	6/3	4/2	2/2	8/3	3/2

Таблица 5

Совпадение/несовпадение показателей Р, R и Т в вершинном маркировании

Тип	P=R	P≠R	оба случая	T=R	T≠R	оба случая
P+T		[7/2]			[7/2]	
R	4/3	8/6	8/6		16/9	1/1
P+R	33/19	2/2	7/5	2/2	35/21	1/1
P+R+T	2/2	7/3	4/4	2/2	9/3	1/1

Часть приведенных в таблицах 4 и 5 количественных данных вполне предсказуема: так, в языках без двойного маркирования реципиента отсутствует его индексирование как таковое, поэтому для характеристики таких систем в таблице 5 скорее подошло бы обозначение «критерий неприменим». Не вполне тривиально то, что во всех языках этого типа падежные показатели Р и R различаются — а $rgi\text{ }rgi$ можно было бы представить себе иную ситуацию; впрочем, поскольку практически все языки этого типа относятся к уральской языковой семье, никакого «универсального объяснения» этому факту не требуется. Вполне

предсказуема не зависящая от способа маркирования и от типа системы тенденция использовать различные средства для Т и R, хотя в разных случаях она проявляется по-разному: если вершинное маркирование в большинстве случаев к Т вообще неприменимо, то в случае зависимостного маркирования речь может идти как об отсутствии показателя (преимущественно в языках с дифференцированным оформлением Р), так и об использовании для Т того же маркера, что и для Р, а для R — отличного (в этой связи представляется неслучайным, что в типе P+R+T преобладает несовпадение маркирования Р и R, более того, показатели ВМ в этом типе совпадают лишь в тех языках, где невозможно одновременное индексирование обоих битранзитивных объектов).

Наиболее нетривиальной и притом статистически существенной является склонность двойного маркирования типа P+R к одинаковому кодированию этих ролей, причем как с помощью ЗМ ($p < 0,001$ ¹⁵ при подсчете и языков, и семей), так и с помощью ВМ ($p < 0,0001$ при подсчете и языков, и семей). В обоих случаях это проявление уже упоминавшейся тенденции использовать одно и то же грамматическое средство для кодирования реципиента (чаще всего одушевленного) и выделенного (одушевленного, определенного) пациенса¹⁶. В этой связи показателен язык геэз [Schneider 1959], где наряду с общесемитским оформлением любого прямого объекта аккузативным суффиксом, никогда не сопровождаемым индексированием, пример (57a), топикальный Р может также маркироваться дативным предлогом и одновременно индексироваться, пример (57b), ср. использование тех же показателей для реципиента (в данном случае скорее экспериенцера) в примере (57c). Аналогичная ситуация (но только в ЗМ) наблюдается и в амхарском, ср. выше.

(57) ГЕЭЗ (семитские > эфиосемитские; Эфиопия, I тыс. н. э.)

a. *ʔamʂəʔ-u* *ħabe-hu* *kʷəlo* *dəwuy-ān-a...*
нести:PRF-3PL.M.SBJ к-3SG.M.OBJ все большой-PL-ACC
'И приносили к Немю всех больных...' (Мк. 1:32, [Schneider 1959: 22])

b. *rakab-omu* (< a+humu) *la-səmʕon* *wa-la-ʔəndəryās*
найти:PRF-3SG.M.SBJ+3PL.M.OBJ ДАТ-Симон и-ДАТ-Андрей
'увидел Симона и Андрея' (Мк. 1:16, [Weninger 1999: 39])

c. *wa-ʔi-taʕawq-o* (< -a+hu) *la-qəddus* *yāred*
и-NEG-быть.известным:PRF-3SG.M.SBJ+3SG.M.OBJ к-святой Яред
'и это не было известно святому Яреду' [ibid.: 42]

Разумеется, невозможно предполагать, что именно таково («от датива к аккузативу») было направление развития систем падежного маркирования и индексирования во всех подобных случаях; более того, для индексирования это, скорее всего, неверно, поскольку, как уже говорилось выше, индексирование R без индексирования Р в языках мира встречается редко и лишь в специфических случаях. Более правдоподобна гипотеза, что индексирование Р и R (по крайней мере локуторов) возникает параллельно вследствие их высокой топикальности, ср. [Givón 1976].

Отдельного внимания заслуживают довольно многочисленные для ролей Р и R случаи, когда в языке сосуществуют совпадающие и различные средства их кодирования с помощью ЗМ или ВМ. Можно обратить внимание на то, что такая вариативность несколько более характерна для индексирования, чем для падежного маркирования (хотя различие не является статистически существенным ни при подсчете языков, ни при подсчете семей, $p > 0,25$). В ряде случаев, как в амхарском, речь идет о конкуренции конструкций, используемых примерно в одних и тех же контекстах, в других — о жестких распределениях.

¹⁵ Здесь и далее статистическая существенность распределений проверяется с помощью двустороннего варианта точного критерия Фишера.

¹⁶ Ср. недавнюю статью [Manzini, Franco 2016], где предлагается анализ этой тенденции на материале ряда рассматриваемых здесь языков в рамках минималистской теории.

Например, мы видели выше, что в кашмири выбор оформления Р (абсолютив vs. датив) зависит от соотношения лиц субъекта и объекта. В грузинском и сванском он определяется видо-временной формой сказуемого, см., например, [Harris 1985]: в так называемой «первой серии» времен (презенс, имперфект, будущее; номинативно-аккузативная конструкция) Р и R оформляются одинаково дативом, а в так называемой «второй серии времен» (аорист; активная конструкция) R сохраняет дативное маркирование, а Р выступает в номинативе; индексирование, возможное в битранзитивных конструкциях только для R, при этом не меняется, ср. примеры (58a—b).

(58) грузинский (картвельские, Грузия; примеры любезно предоставлены Н. Амиридзе)

a. *gogona* *bebia-s₁* *çign-s* *mi-s₁-c-em-s*
 девушка(NOM) бабушка-DAT книга-DAT PRV-3SG.IO-дать-TH-3SG.SBJ

‘Девушка даст книгу бабушке’.

b. *gogona-m* *bebia-s₁* *çign-i* *mi-s₁-c-a*
 девушка-ERG бабушка-DAT книга-NOM PRV-3SG.IO-дать-AOR:3SG.SBJ

‘Девушка дала книгу бабушке’.

В целом ряде языков (включая те же картвельские) совпадение или различие показателей, индексированных Р и R, зависит от лица. Так, в (стандартном) испанском, албанском, грузинском и билинара глагольные показатели одинаковы для Р и R в случае локуторов и различны в 3-м лице, причем в грузинском наряду с личными префиксами есть отдельный суффикс, обозначающий множественное число объектов, который не различает Р и R; о сходной, но более сложной ситуации в некоторых диалектах баскского языка, где R-локуторы «узурпируют» согласовательные аффиксы абсолютного ряда, см., например, [Rezac, Fernández 2013]¹⁷. Такое распределение можно было бы связать с тем, что по крайней мере в испанском и грузинском запрещены комбинации индексов вида «Т-локутор + R-нелокутор» (см. более подробно об этом явлении и его объяснениях [Haspelmath 2004]), тем самым одни и те же показатели при монотранзитивных глаголах указывают на Р, а при битранзитивных — на R, однако подобные запреты действуют и в таких языках, как стандартный баскский, новогреческий или болгарский, где соответствующие показатели для локуторов последовательно различаются.

3.2. Несоответствия зависимостного и вершинного маркирования

Уже из рассмотренного выше материала с очевидностью следует, что точное соответствие между ВМ и ЗМ (двойное маркирование *par excellence*) встречается редко, даже несмотря на довольно многочисленные языки, в которых области применимости ВМ и ЗМ в значительной мере совпадают. Обычно правила употребления ВМ и ЗМ в языках мира не тождественны, что приводит к более или менее систематическим случаям несоответствия между ними. Логически возможны следующие нетривиальные¹⁸ типы несоответствия между ВМ и ЗМ:

- (i) **область ВМ** \subset **область ЗМ**: лишь подмножество маркируемых объектов может индексироваться, но все индексироваемые объекты маркируются;
- (ii) **область ЗМ** \subset **область ВМ**: лишь подмножество индексироваемых объектов может маркироваться, но все маркируемые объекты индексированы;
- (iii) **область ЗМ** \cap **область ВМ**: возможно как индексирование без падежного маркирования, так и маркирование без индексирования.

¹⁷ Я благодарю Н. Мадарягу, обратившую мое внимание на эти данные.

¹⁸ Разумеется, случаи, когда пересечение областей ВМ и ЗМ пусто в силу невозможности двойного маркирования, как, например, в языке йимас, см. пример (1), здесь не рассматриваются.

Указанные типы несоответствия способов кодирования разумно рассмотреть для разных актантов по отдельности, см. таблицу 6 (рассматриваются только Р и R ввиду редкости двойного маркирования T; значение «критерий неприменим» присваивается в тех случаях, когда в языке вообще нет одного из типов кодирования для той или иной роли).

Таблица 6

Типы несоответствия ЗМ и ВМ

Тип несоответствия	Р	R
ВМ \subset ЗМ	25/12	38/20
ЗМ \subset ВМ	19/11	9/9
ЗМ \cap ВМ	15/11	4/3
ЗМ = ВМ	2/2	23/14
Критерий неприменим	19/13	7/2

Обращает на себя внимание различие между ролями Р и R в том, какие типы несоответствия между ВМ и ЗМ им более свойственны. Во-первых, несоответствия между ВМ и ЗМ гораздо более характерны для Р, нежели для R ($p < 0,001$ при подсчете языков, $p = 0,0018$ при подсчете семей), более того, из двух указанных в таблице случаев совпадения условий ВМ и ЗМ для Р (мокша-мордовский и ливанский арабский [Aoun 1999]) второй является скорее гипотетическим. Во-вторых, типы несоответствия способов маркирования для Р распределены существенно более равномерно, чем для R, где явно преобладает тип (i) ($p = 0,0018$ при подсчете языков, $p = 0,048$ при подсчете семей, из подсчетов исключались языки без несоответствий). Последнее объясняется тем, что, как уже говорилось, R-актанты чаще маркируются как таковые, независимо от одушевленности, определенности или топиальности (и в этом смысле к типу (i) можно добавить семь языков, где R последовательно оформляется падежом, но никогда не индексируется). Значимыми исключениями из этого принципа являются языки с обязательным индексированием R, сопровождаемым его дифференцированным маркированием: кауилья и кабийский, где падежное маркирование обязательно лишь для постглагольных актантов, менья (Новая Гвинея), где объектный падеж используется лишь с именами, обозначающими людей, сванский, где падежом не маркируются местоимения-локуторы, а также адыгейский, где, как уже было сказано выше, помимо отсутствия падежного оформления локуторов, собственных имен и имен с показателями принадлежности (см. [Аркадьев 2014] и цитируемую там литературу), имеется типологически редкое дифференцированное маркирование любых именных групп, включая реципиента [Тестелец 2014], ср. пример (59).

(59) адыгейский, бжедугский диалект (полевые материалы автора)

a *č'ale-m* *jevaše-m* *q^he^hevak* *pšaše(-m)* *r-jə-t^hə-r-ep^h*
 ДЕМ парень-ОВЛ никогда-ОВЛ цветок девушка(-ОВЛ) 3SG.IO-3SG.ERG-датель-DYN-NEG

‘Этот парень никогда не дарит цветы (никакой) девушке’.

При маркировании Р несоответствия типа «ВМ \subset ЗМ» также наиболее многочисленны, однако не составляют явного большинства случаев. К этому типу относятся в первую очередь языки с последовательным маркированием Р при его дифференцированном индексировании. Однако есть и более сложные случаи вроде амхарского, где условия для ЗМ и ВМ в принципе одинаковы (определенность), но ВМ, согласно описаниям, факультативно, или майтхили, где при весьма последовательном соответствии между ЗМ и ВМ все же есть случаи, когда падежное оформление вызывается синтаксическими факторами, не действующими для индексирования, например, в присутствии некоторых указательных местоимений, ср. пример (60a), где объектный послелог появляется при неодушевленном объекте, не вызывающем согласования глагола.

(60) майтхили (индоевропейские > индоарийские, Индия; [Yadav 1996: 81])

a. *həm ohi kitab kē pərh-l-əhū*
я этот книга ОВJ читать-PST-1SG

‘Я прочел эту книгу’.

b. *u ehi māugi kē puch-əl-kāik*
он(НН) эта женщина ОВJ просить-PST-3НН>3НН

‘Он попросил/спросил эту женщину’.

К менее многочисленному, но тем не менее хорошо представленному в различных языковых семьях и региональном типу несоответствия «ЗМ ⊂ ВМ» в кодировании роли Р относятся, во-первых, небольшое число языков с последовательным индексированием Р при его дифференцированном маркировании (например, нганди, пума, кауиля, яле), и во-вторых, языки, где контексты дифференцированного ВМ включают контексты дифференцированного ЗМ. Так, в болгарском и македонском падежное оформление Р ограничено местоимениями (в македонском оно распространяется также на некоторые имена собственные и термины родства); в новоарамейском, согласно [Coghill 2014], представлена ситуация, зеркально отражающая амхарскую, — определенные топиальные Р обязательно индексируются, в то время как использование предлога факультативно (см. выше); в кабийском прямые и не прямые объекты маркируются падежом лишь при вынесении в позицию «антитопика» на правой периферии клаузы, а индексируются и при немаркированной топиализации в предлагающую позицию [Galand 1979; Mettouchi 2008], ср. примеры (61) и (62).

КАБИЙСКИЙ (берберские, Алжир)

(61) a. *walay amšiš*

видеть.PST.1SG.SBJ кот

‘Я видел кота’ [Galand 1979: 134] (нетопикализованный Р).

b. *walay=t₁ wəmsiš₁*

видеть.PST.1SG.SBJ=3SG.M.ACC кот:OBL

≈ ‘Я видел его, кота-то’ [ibid.: 136] (Р антитопик).

c. *amšiš₁ walay=t₁*

кот видеть.PST.1SG.SBJ=3SG.M.ACC

‘Кота я видел’ (сконструировано на основе [Galand 1979]) (Р топик).

(62) a. *ad=as₁=ten=id te-fk i weqic₁*

IRR=3SG.DAT.CL=3PL.M.ACC=PROX 3SG.F.SBJ-дать:AOR DAT мальчик:OBL

‘Она даст их мальчику’ [Mettouchi 2008: 12] (нетопикализованный R).

b. *aqic₁ ad=as₁=ten=id te-fk*

мальчик IRR=3SG.DAT.CL=3PL.M.ACC=PROX 3SG.F.SBJ-дать:AOR

‘Мальчику она их даст’ [ibid.] (топиализованный R).

Наибольший интерес представляют случаи типа (iii), когда условия употребления ВМ и ЗМ перекрывают друг друга, однако каждый такой случай демонстрирует конкретные языковые закономерности, а в целом они практически не позволяют делать каких бы то ни было типологических обобщений. Так, в картвельских языках несоответствия такого типа в маркировании R возникают за счет того, что, с одной стороны, наиболее последовательно индексируемые актанты-локуторы не маркируются падежом, а, с другой стороны, всегда маркированные падежом реципиенты 3-го лица индексируются не при любых глаголах (так, выше уже говорилось, что в лазском отсутствует их индексирование при наиболее прототипическом битранзитивном глаголе ‘дать’, зато оно продуктивно при глаголах с бенефактивным участником, см. [Lacroix 2009: 674—676]). В языке дера факультативное падежное оформление Р сочетается с лексическими и морфологическими ограничениями на индексирование, что приводит к существованию всех логически возможных

комбинаций выраженного и невыраженного ЗМ и ВМ. В языке манамбу, согласно грамматике [Aikhenvald 2008: Ch. 3], как падежное маркирование Р, так и его индексирование в первую очередь связаны с дискурсивными факторами, по всей видимости, неодинаковыми. Примерно то же можно сказать и о таких языках, как нганасанский [Терещенко 1979: 80—82, 189—192], селькупский [Кузнецова и др. 1980: 234—235, 382—386] и энецкий [Ханина, Шлуинский 2015] (последняя работа представляет соответствующие данные наиболее последовательно и эксплицитно).

Таким образом, мы закономерно подходим к выводу, что рассматриваемое в данной статье явление двойного маркирования является не самостоятельным грамматическим средством, а, скорее, комбинацией независимых механизмов зависимостного и вершинного маркирования. Это хорошо согласуется с типологическими представлениями о различиях в функциональной мотивации ВМ и ЗМ, ср. [Siewierska 1997: 198—203; Bakker, Siewierska 2009: 291—294; Malchukov, Spencer 2009: 664—666]: если основной функцией падежного маркирования считается выражение семантических ролей и синтаксических функций, а также противопоставление синтагматически сочетающихся актанта, см. [Mallinson, Blake 1981: Ch. 2; Кибрик 1992: 188; Song 2001: 156—167], то главная функция индексирования состоит в поддержании референции, см. [Lehmann 1988]. Тем не менее было бы упрощением полагать, что принципы, регулирующие употребление ЗМ и ВМ, постоянны в разных языках, и рассмотренный выше материал это убедительно подтверждает.

4. Заключение

Подведем итоги. Выше на материале более 80 языков, представляющих около 40 генетических групп и все основные языковые макроареалы, было исследовано явление двойного маркирования объектов — пациенса монотранзитивного предиката (Р) и темы (Т) и реципиента (R) битранзитивного предиката. На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы типологического характера:

1) Само по себе явление двойного маркирования объектов весьма распространено в языках мира и не представляет собою ничего «экзотического», в том числе с точки зрения языков Европы, будучи представлено в таких языках, как испанский или болгарский.

2) Двойное маркирование объектов демонстрирует значительные и нетривиальные сходства в языках, не связанных ни генетически, ни географически, что может объясняться лишь универсальными факторами структурного устройства и функционирования языков мира и сходными путями возникновения и эволюции систем грамматического маркирования.

3) Вопреки обсуждавшемуся во Введении обобщению Д. Баккера и А. Северской [Bakker, Siewierska 2009: 300], утверждавших, что двойное маркирование реципиента встречается реже двойного маркирования пациенса, рассмотренный выше материал убедительно демонстрирует обратное: во-первых, двойное маркирование только пациенса представлено, фактически, лишь в одной языковой семье (уральской), в то время как двойное маркирование только реципиента является вторым по частотности типом двойного маркирования и отмечено в самых разных языковых семьях практически всех ареалов, и, во-вторых, в языках, где представлено двойное маркирование и Р, и R (таких языков большинство), двойное маркирование R, как правило, является более систематическим (в частности, близким к обязательности) и менее зависимым от семантических и дискурсивных факторов. Такая «предрасположенность» реципиента к двойному маркированию объясняется хорошо известными фактами: с одной стороны, большей склонностью данной роли к последовательному падежному оформлению и, с другой стороны, большей доступностью реципиента (чаще всего местоименного/одушевленного/топикального) для индексирования.

4) Наиболее распространенный тип двойного маркирования объектов — сочетание двойного маркирования реципиента с обычно дифференцированным двойным маркированием «выделенного» пациенса, т. е. занимающего высокое положение на иерархиях лица, одушевленности, определенности и топикальности. Такое положение дел также не является

случайным, поскольку, как хорошо известно (ссылки на литературу см. выше), именно «выделенный» пациенс в большом числе языков мира¹⁹ имеет тенденцию получать либо зависимостное, либо вершинное маркирование, поэтому сочетание этих типов грамматического кодирования именно при «выделенном» пациенсе в тех языках, где представлены они оба, является предсказуемым. Менее тривиален, но также предсказуем и тот факт, что языки с такой моделью двойного маркирования склонны использовать для кодирования Р и R одни и те же формальные средства как в зависимостном, так и в вершинном маркировании.

5) Двойное маркирование объектов — грамматическая черта, склонная к ареальной диффузии в ситуациях тесных языковых контактов, что демонстрируют в первую очередь языки Балканского языкового союза, развившие в качестве общей инновации наиболее богатую из представленных где-либо в мире систему двойного маркирования объектов, затрагивающую все три роли Р, Т и R. За пределами балканского ареала представлены случаи возникновения или расширения сферы действия двойного маркирования в результате заимствования падежных показателей (тибетские языки), моделей индексирования (возможно, некоторые языки пама-ньонга) или перестройки правил кодирования (баскские диалекты под влиянием испанского). При этом, несмотря на то, что прямо подтверждающих это данных нет, представляется вероятным, что, раз возникнув под действием естественных тенденций внутреннего развития языка или контактным путем, двойное маркирование, как и другие признаки «языковой сложности», может сохраняться в языковых системах в течение длительного времени, т. е. может быть стабильным типологическим признаком в смысле [Nichols 2003].

6) Несмотря на все вышесказанное, в свете рассмотренных в статье данных (особенно см. раздел 3.2, где систематически изучаются случаи несоответствия между ЗМ и ВМ) невозможно не признать, что двойное маркирование объектов — явление в значительной степени производное по отношению к независимо функционирующим и подчиняющимся ограничениям разного типа более базовым грамматическим механизмам зависимостного и вершинного маркирования. Тем более нетривиален и заслуживает пристального внимания теоретиков грамматики тот факт, что синтагматическое сочетание ЗМ и ВМ одного и того же актанта в одной клаузе столь часто встречается в языках мира и, более того, в некоторых языках принимает совершенно систематический характер.

Однако же не будет лишним отметить, что, по всей видимости, в естественном дискурсе случаи двойного маркирования объектов встречаются сравнительно редко (ср. [Siewierska 1999]). Действительно, для этого необходимо выполнение по меньшей мере двух условий: с одной стороны, объект должен быть в достаточной степени «выделенным» (например, одушевленным или топикальным), чтобы индексироваться, с другой стороны, в достаточной степени «неочевидным», чтобы дополнительно к редуцированному референциальному средству, которым является индексированный показатель [Kibrik 2011], говорящий счел нужным ввести в клаузу также маркированную падежом или служебным словом именную группу или полное местоимение, выражающие тот же актант (ср. в этой связи замечание в статье [Ханина, Шлуинский 2015: 409] о том, что вершинное маркирование в энецком языке «используется для... референции неочевидного при наличии именной группы прямого дополнения»). Как представляется, такие ситуации в языках мира, особенно в тех, где вершинное и/или зависимостное маркирование объектов является необязательным, встречаются не так уж и часто.

¹⁹ Это обобщение получает подтверждение даже в работе [Bickel et al. 2015: 38], основной вывод которой, полученный на основании статистического анализа большой выборки, состоит в том, что связь дифференцированного маркирования актантов с именными иерархиями скорее привязана к конкретным географическим ареалам (Евразии и Австралии с Новой Гвинеей), нежели универсальна. В этом свете не случайно, что именно указанные ареалы представляют львиную долю рассматриваемых здесь языков — несмотря на то, что как Африка, так и Новый Свет «охвачены» в достаточной мере.

Действительно, в некоторых современных описательных грамматиках даже приводятся соответствующие статистические данные²⁰. Так, в грамматике юто-ацтекского языка купеньо [Hill 2006: 448—454] обсуждается распределение способов выражения объектов переходных глаголов в дискурсе и указывается, что, например, при глаголе ‘делать’ объект выражается полной именной группой в 43 случаях из 56, однако лишь в 4 случаях (менее 10 %) такое выражение сопровождается индексированием [ibid.: 449]. Там же Дж. Хилл говорит о том, что объектные проклитики в купеньо появляются, как правило, при перфективных глагольных формах, маркирующих основную линию нарратива, в то время как имперфективные глагольные формы и сказуемые зависимых клауз обычно объектов не индексировуют [ibid.: 451]. Аналогично, Т. Гивон [Givón 2011: 179—180] в грамматике родственного языка юте пишет о том, что во всем корпусе устных нарративов на 208 примеров употребления местоименных клитик (индексировующих абсолютный актанта; цифры отдельно для Р не приводятся) ему встретилось лишь 40 случаев (19 %) сочетания клитики с кореферентной полной именной группой или местоимением, из которых 18 (9 %) в роли объекта. Редкость «местоименного повтора» как прямого, так и непрямого дополнений в текстах на новогреческом языке отмечается в работе [Борисова 2005]²¹.

Тем самым, избыточность грамматического маркирования, возможно, оправдывается специфическими дискурсивными ограничениями на его использование, которые, однако, оказываются достаточно «мягкими», позволяя самим моделям зависимостного и вершинного маркирования грамматикализироваться, подчас достигая полной обязательности. В любом случае, каковы бы ни были функциональные мотивации и ограничения двойного маркирования объектов и в какой бы мере вторично не было само это явление по отношению к вершинному и зависимостному способам кодирования актантов самим по себе, данная работа, как можно надеяться, показала необходимость и плодотворность его типологического исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ИССЛЕДОВАННЫЕ ЯЗЫКИ

В приложении приводятся названия всех исследованных языков (включая международный код ISO 639-3), ареальная и генетическая информация, источники, а также представленный в данном языке тип двойного маркирования. В таблице используются следующие сокращения: австроаз — австроазиатские, восткавк — восточнокавказские, запкавк — западнокавказские, индоевр — индоевропейские, картвел — картвельские, мисумал — мисумальпские, САМ — Северная Америка, сино-тиб — сино-тибетские, чук-камч — чукотско-камчатские, ЮАм — Южная Америка, юто-ацт — юто-ацтекские.

Язык	Код	Ареал	Семья	Источник	Тип
агуаруна	agr	ЮАм	хиваро	[Overall 2013]	P+R
адыгейский	ady	Европа	запкавк	[Аркадьев и др. 2009; Кумахов, Вамлинг 2006]	P+R+T
аймара (южный)	auc	ЮАм	аймара	[Coler 2014]	P+R
албанский	als	Европа	индоевр	[Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
амхарский	amh	Африка	семитские	[Leslau 1995; Baker 2012]	P+R+T
анамгура	imi	Океания	маданг	[Ingram 2001]	P+R

²⁰ Для более надежных утверждений, разумеется, следует провести соответствующие подсчеты по текстам на всех языках моей выборки или, по крайней мере, представительного их подмножества; данная работа, однако, возможна лишь в рамках отдельного исследования.

²¹ Я благодарю М. Л. Кисилиера за любезное указание на эту неопубликованную работу.

Язык	Код	Ареал	Семья	Источник	Тип
арабский (ливанский)	arc	Азия	семитские	[Aoun 1999]	P+R
балканский цыганский	gmn	Европа	индоевр	[Friedman 2000; Mišeska Tomić 2006]	P+R
баскский (лекеито)	eus	Европа	баскский	[Hualde et al. 1994]	P+R+T
баскский (стандарт)	eus	Европа	баскский	[Hualde, Ortiz de Urbina 2003; Заика 2009]	P+R+T
билинара	nbj	Австралия	пама-ньюнга	[Nordlinger 1990; Nordlinger, Meakins 2014]	R
болгарский	bul	Европа	индоевр	[Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
бурушаски	bsk	Азия	изолят	[Munshi 2006]	R
вагиман	waq	Австралия	гунвиньгу	[Cook 1987]	P+R
валматяри	wmt	Австралия	пама-ньюнга	[Hudson 1978]	R
вальбири	wbp	Австралия	пама-ньюнга	[Nash 1980; Hale 1982; Simpson 1983]	R
вамбая	wmb	Австралия	минди	[Nordlinger 1998]	P+R
венгерский	hun	Европа	уральские	[Майтинская 1955; Szende, Kassai 2007]	P+T
гаагудю	gbu	Австралия	гунвиньгу	[Harvey 2002]	R
геэз	gez	Африка	семитские	[Weninger 1999; Schneider 1959]	P+R
грузинский	kat	Азия	картвел	[Vogt 1971; Harris 1981]	P+R
гунтай	gnt	Океания	ям	[Quinn 2014]	R
дера	kbv	Океания	сенаги	[de Sousa 2006]	P+R
дьяминдьюнг	djd	Австралия	минди	[Schulze-Berndt 2010]	R
дяру	ddj	Австралия	пама-ньюнга	[Tsunoda 1981]	R
испанский	spa	Европа	индоевр	[Melis, Flores 2009]	P+R
ительменский	itl	Азия	чук-камч	[Bobaljik, Wurmbrand 2002]	R
кабийский	kab	Африка	берберские	[Mettouchi 2005; 2008]	P+R
каваису	xaw	САМ	юто-ацт	[Zigmond et al. 1990]	P+R+T
карби	mjw	Азия	сино-тиб	[Konnerth 2014]	P+R
кауилья	chl	САМ	юто-ацт	[Seiler 1977]	P+R
кашмири	kas	Азия	индоевр	[Wali, Koul 1997]	P+R
квотари	kwo	Океания	квотари	[Honsberger et al. 2008]	P+R
кенузи	kzh	Африка	нубийские	[Abdel-Hafiz 1988]	P+R
кечуа (имбабура)	qvi	ЮАм	кечуа	[Cole 1985; Cohen 2013]	P+R
кечуа (куско)	quz	ЮАм	кечуа	[Ebina 2012]	P+R
купеньо	cup	САМ	юто-ацт	[Hill 2006]	P+R
кхам	kjl	Азия	сино-тиб	[Watters 2002]	P+R
лазский (архавский)	lzz	Азия	картвел	[Lacroix 2009]	R
леко	lec	ЮАм	изолят	[van de Kerke 1998; 2000]	P+R
магахи	mag	Азия	индоевр	[Verma 1991], Нараян Прасад (личное сообщение)	P+R

Язык	Код	Ареал	Семья	Источник	Тип
майтхили	mai	Азия	индоевр	[Yadav 1996]	P+R
македонский	mkd	Европа	индоевр	[Lunt 1952; Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
мальтийский	mlt	Европа	семитские	[Borg, Comrie 1984; Borg, Azzopardi-Alexander 1997]	P+R
манамбу	mle	Океания	нду	[Aikhenvald 2008]	P+R
меглено- румынский	guq	Европа	индоевр	[Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
меня	mcr	Океания	ангские	[Whitehead 2004]	P+R
молалла	mbe	САМ	изолят	[Pharris 2006]	P+R
моно	mnr	САМ	юто-ацт	[Norris 1986]	P+R
мокша- мордовский	mdf	Европа	уральские	[Колядёнков 1954; Толдова 2016]	P+T
мундари (кера)	unr	Азия	австроаз	[Kobayashi, Murmu 2008]	P+R
мурин-пага	mwf	Австралия	дейли	[Walsh 1976]	R
нгалакан	nig	Австралия	гунвиньгу	[Merlan 1983]	R
нганасанский	nio	Азия	уральские	[Терещенко 1979]	P+T
нганди	nid	Австралия	гунвиньгу	[Heath 1978]	P+R
нен	nqn	Океания	ям	[Evans 2015]	R
ненецкий (тундровый)	ugk	Азия	уральские	[Nikolaeva 2014]	P+T
нобиин	fia	Африка	нубийские	[Lepsius 1880; Khalil 2015]	P+R
новоарамейский (телкепе)	clt	Азия	семитские	[Coghill 2010; 2014]	P+R
новогреческий	ell	Европа	индоевр	[Mackridge 1985; Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
панара	kre	ЮАМ	же	[Dourado 2001; Dourado, Gildea 2008]	R
персидский	pes	Азия	индоевр	[Lazard 1957; Samvelian, Tseng 2010; Bahrami, Rezai 2014]	P+T
пинтупи	piu	Австралия	пама-нюнга	[Hansen, Hansen 1975]	R
пума	pum	Азия	сино-тиб	[Sharma 2014]	P+R
пурепеча	tsz	САМ	тараско	[Chamoreau 2000; 2008]	P+R+T
румынский	ron	Европа	индоевр	[Mallinson 1986; Mišeska Tomić 2006]	P+R+T
сванский	sva	Азия	картвел	[Schmidt 1991; Tuite 1997]	R
селькупский	sel	Азия	уральские	[Кузнецова и др. 1980]	P+T
табасаранский	tab	Европа	восткавк	[Богомолова 2012]	R
табла	tnm	Океания	сентани	[Collier, Gregerson 1985]	P+R
тигре	tig	Африка	семитские	[Jake 1980]	P+R
тхулунг	tdh	Азия	сино-тиб	[Lahaussais 2002]	P+R
ульва	ulw	САМ	мисумал	[Green 1999]	P+R
усан	wnu	Океания	маданг	[Reesink 1987]	R
форе	for	Океания	горока	[Scott 1978]	R
чукотский	ckt	Азия	чук-камч	[Dunn 1999]	P+R+T

Язык	Код	Ареал	Семья	Источник	Тип
энецкий	enf, enh	Азия	уральские	[Ханина, Шлуинский 2015]	P+T
эниндияква	aoi	Австралия	гунвиньгу	[van Egmond 2012]	P+R
юте	ute	САМ	юто-ацт	[Givón 2011]	P+R
явур	ywt	Австралия	нюлнюл	[Hosokawa 1991]	R
якима	yak	САМ	сахаптин	[Jansen 2010]	P+R
яле	nse	Океания	изолят	[Campbell, Campbell 1987]	P+R

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 1-е, 2-е, 3-е лицо	DIR директивный	OVL косвенный падеж
X>Y участник X	показатель	P пациент
воздействует	DO прямой объект	PFV перфектив
на участника Y	DS разносубъектность	PL множественное число
A агент	DU двойственное число	PNC пунктив
ABS абсолютив	DUR дуратив	PR посессор
ACC аккумулятив	DYN динамичность	PRED предикативность
ACT действительный залог	ERG эргатив	PRF перфект
ADV адвербиализатор	F женский род	PROG прогрессив
AFF аффикс	FUT будущее время	PROX ближний дейксис
AGR согласовательный	GEN генитив	PRS настоящее время
элемент	H гонорифичность	PRV преверб
ALL аллатив	HAB хабишуалис	PST прошедшее время
AN андушевность	IN неодушевность	PTCL частица
AOR аорист	INDEF неопределенность	PTCP причастие
ASS ассертив	INV инверсив	RES результив
AUX вспомогательный	IO непрямой объект	SBD субординатор
глагол	IPF имперфектив	SBJ субъект
BEN бенефактив	IRR ирреалис	SG единственное число
CAUS каузатив	M мужской род	SNG сингулятив
CL клитика	NC именной класс	TH «тематический
CLAS классификатор	NEG отрицание	элемент»
CNT континуатив	NH негонорифичность	в картвельских языках
DAT датив	NML номинализация	TNS время
DEF определенность	NOM номинатив	TOP топик
DEM указательное	NPST не прошедшее время	UO неопределенный
местоимение	OVL объект, объектный	объект
	падеж	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2011 — Аркадьев П. М. Падеж в языках с вершинным маркированием: опыт эмпирически-ориентированного типологического исследования. Доклад на международной Конференции к 50-летию Петербургской типологической школы, Санкт-Петербург, ИЛИ РАН. [Arkad'ev P. M. *Padezh v yazykakh s vershinnym markirovaniem: opyt empiricheskii-orientirovannogo tipologicheskogo issledovaniya. Doklad na mezhdunarodnoi Konferentsii k 50-letiyu Peterburgskoi tipologicheskoi shkoly, Sankt-Petersburg, ILI RAN* [Case in the languages with head marking: An attempt of empirically based typological study. Talk at the International Conference on the occasion of the 60th anniversary of St. Petersburg Typological School. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2011.]
- Аркадьев 2014 — Аркадьев П. М. О некоторых особенностях склонения в адыгских языках // Плунган В. А. (отв. ред.). Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетей, 2014. С. 552—563. [Arkad'ev P. M. On some peculiarities of declension in the Circassian

- languages. *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 552—563.]
- Аркадьев и др. 2009 — Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Тестелец Я. Г. (отв. ред.). *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 2009. С. 17—120. [Arkad'ev P. M., Lander Yu. A., Letuchiy A. B., Sumbatova N. R., Testelets Ya. G. Introduction. Essentials of the Adyge language. *Aspekty polisintetizma: Ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka*. Testelets Ya. G. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2009. Pp. 17—120.]
- Берсиров 2013 — Берсиров Б. М. (ред.). Толковый словарь адыгейского языка в трех томах. Том III. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2013. [Bersirov B. M. (ed.). *Tolkovyi slovar' adygeiskogo yazyka v trekh tomakh* [The Adyge explanatory dictionary in three volumes]. Vol. III. Maikop: Poligraf-YuG, 2013.]
- Богомолова 2012 — Богомолова Н. К. Личное согласование в табасаранском языке: концептуализатор и его адресат в структуре ситуации // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 101—124. [Bogomolova N. K. Personal agreement in Tabasaran: Conceptualiser and addressee in the event structure. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 4. Pp. 101—124.]
- Борисова 2005 — Борисова А. Б. Местоименный повтор дополнения: синтаксический и прагматический аспекты (на материале новогреческого языка). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2005. [Borisova A. B. *Mestoimennyy povtor dopolneniya: sintaksicheskii i pragmaticheskii aspekty (na materiale novogrecheskogo yazyka)*. Kand. diss. [Pronominal doubling of the object: Syntactic and pragmatic aspects (a case study of Modern Greek). Cand. diss.] St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2005.]
- Заика 2009 — Заика Н. М. Глаголы с дативным актантом в баскском языке (проблемы вариативности валентности и персональности глагола). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2009. [Zaika N. M. *Glagoly s dativnym aktantom v baskskom yazyke (problemy variativnosti valentnosti i personal'nosti glagola)*. Kand. diss. [Verbs with the dative argument in Basque (problems of variation of valency and personality of the verb). Cand. diss.]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2009.]
- Кибрик 1992 — Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во Московского университета, 1992. [Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija* [Essays in general and applied linguistics]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1992.]
- Кибрик 1997 — Кибрик А. Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 27—57. [Kibrik A. E. Hierarchies, roles, zeroes, markedness and «anomalous» packaging of grammatical semantics. *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 4. Pp. 27—57.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. [Kibrik A. E. *Konstanty i peremennyye yazyka* [Constants and variables of language]. St. Petersburg: Aleteiya, 2003.]
- Колядёнков 1954 — Колядёнков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Часть II. Синтаксис. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1954. [Kolyadenkov M. N. *Grammatika mordovskikh (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov. Chast' II. Sintaksis* [The Mordvin (Erzya and Moksha) grammar. Part II. Syntax]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1954.]
- Колядёнков 1959 — Колядёнков М. Н. Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1959. [Kolyadenkov M. N. *Struktura prostogo predlozheniya v mordovskikh yazykakh. Predlozhenie i ego glavnyye chleny* [Simple sentence structure in the Mordvin languages. The sentence and its main parts]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1959.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том I. М.: Изд-во Московского университета, 1980. [Kuznetsova A. I., Khelinskii E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Vol. I. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1980.]
- Кумахов 1971 — Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. [Kumakhov M. A. *Slovoizmenenie adygskich yazykov* [Inflection in the Circassian languages]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Кумахов, Вамлинг 2006 — Кумахов М. А., Вамлинг К. Эргативность в черкесских языках. Malmö: IMER, 2006. [Kumakhov M. A., Vamling K. *Ergativnost' v cherkesskich yazykakh* [Ergativity in the Circassian languages]. Malmö: IMER, 2006.]
- Лопашов 1978 — Лопашов Ю. А. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. Л.: Наука, 1978. [Lopashov Yu. A. *Mestoimennyye povtory dopolneniya v balkanskikh yazykakh* [Pronominal doubling of the object in the Balkan languages]. Leningrad: Nauka, 1978.]

- Майтинская 1955 — Майтинская К. Е. Венгерский язык. Часть I. Введение. Фонетика. Морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1955. [Maitinskaya K. E. *Vengerskii yazyk. Chast' I. Vvedenie. Fonetika. Morfologiya* [The Hungarian language. Part I. Introduction. Phonetics. Morphology]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955.]
- Рогав, Керашева 1966 — Рогав Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966. [Rogava G. V., Kerasheva Z. I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* [Adyge grammar]. Krasnodar, Maikop: Krasnodarskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1966.]
- Сердобольская, Толдова 2012 — Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Кузнецова А. И. (отв. ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59—142. [Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differential marking of the direct object in the Finno-Ugric languages. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Kuznetsova A. I. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 59—142.]
- Терещенко 1979 — Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. [Tereshchenko N. M. *Nganasanskii yazyk* [The Nganasan language]. Leningrad: Nauka, 1979.]
- Тестелец 2003 — Тестелец Я. Г. Грамматические иерархии и типология предложения. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: РГГУ, 2003. [Testelets Ya. G. *Grammaticheskie ierarkhii i tipologiya predlozheniya. Dokt. diss.* [Grammatical hierarchies and sentence typology]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2003.]
- Тестелец 2014 — Тестелец Я. Г. Структура именных конструкций и проблема чередования падежей в адыгских языках // Плуноян В. А. (отв. ред.). Язык. Константы. Переменные: Памяти Александры Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 536—551. [Testelets Ya. G. Noun phrase structure and the problem of case alternation in the Circassian languages. *Yazyk. Konstanty. Peremennyye: Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 536—551.]
- Толдова 2016 — Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в мокшанском языке. Доклад на Международном совещании по дифференцированному маркированию актантов, Институт языкознания РАН, 22—23 апреля 2016. [Toldova S. Yu. *Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v mokshanskom yazyke. Doklad na Mezhdunarodnom soveshchaniy po differentsirovannomu markirovaniyu aktantov, Institut yazykoznaniiya RAN, 22—23 aprelya 2016* [Differential marking of the direct object in Moksha. Talk at the International conference on differential argument marking, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, April 22—23, 2016.]
- Ханина, Шлуинский 2015 — Ханина О. В., Шлуинский А. Б. Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола // Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. М.: МПГУ, 2015. С. 392—410. [Khanina O. V., Shluinskii A. B. Direct object in Enets: Object agreement of the verb. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2015»*. No. 2. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. (eds.). Moscow: Moscow Pedagogical State Univ., 2015. Pp. 392—410.]
- Abdel-Hafiz 1988 — Abdel-Hafiz A. S. *A reference grammar of Kunuz Nubian*. PhD dissertation. Buffalo (NY): SUNY, 1988.
- Aikhenvald 2008 — Aikhenvald A. Yu. *The Manambu language of East Sepik, Papua New Guinea*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Amberber 2005 — Amberber M. Differential subject marking in Amharic. *Competition and variation in natural languages: The case for case*. Amberber M., de Hoop H. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2005. Pp. 295—319.
- Aoun 1999 — Aoun J. Clitic-doubled arguments. *Beyond Principles and Parameters: Essays in memory of Osvaldo Jaeggli*. Johnson K., Roberts I. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1999. Pp. 13—42.
- Austin 2006 — Austin J. R. Dative overmarking in Basque: Evidence of Spanish-Basque convergence. *Euskalingua*. 2006. Vol. 9. Pp. 136—145.
- Bahrami, Rezai 2014 — Bahrami F., Rezai V. Information structure and direct object indexation in Persian. *Theory and Practice in Language Studies*. 2014. Vol. 4. No. 3. Pp. 551—561.
- Baker 2012 — Baker M. C. On the relationship of object agreement and accusative case: Evidence from Amharic. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43. No. 2. Pp. 255—274.

- Bakker, Siewierska 2009 — Bakker D., Siewierska A. Case and alternative strategies: Word order and agreement marking. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 290—303.
- Bickel 2013 — Distributional biases in language families. *Language typology and historical contingency: In honor of Johanna Nichols*. Bickel B., Grenoble L., Peterson D., Timberlake A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 415—444.
- Bickel et al. 1999 — Bickel B., Bisang W., Yādava Y. P. Face vs. empathy: The social foundation of Maithili verb agreement. *Linguistics*. 1999. Vol. 37. No. 3. Pp. 481—518.
- Bickel et al. 2015 — Bickel B., Witzlack-Makarewitsch A., Zakharko T. Typological evidence against universal effects of referential scales on case alignment. *Scales and hierarchies. A cross-disciplinary perspective*. Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A., Richards M. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. Pp. 7—43.
- Bleam 1999 — Bleam T. *Leísta Spanish and the syntax of clitic doubling*. PhD dissertation. Newark (DE): Univ. of Delaware, 1999.
- Bobaljik, Wurmbbrand 2002 — Bobaljik J. D., Wurmbbrand S. Notes on agreement in Itelmen. *Linguistic Discovery*. 2002. Vol. 1. No. 1. DOI:10.1349/PS1.1537-0852.A.21.
- Borg, Azzopardi-Alexander 1997 — Borg A. J., Azzopardi-Alexander M. *Maltese*. London: Routledge, 1999.
- Borg, Comrie 1984 — Borg A. J., Comrie B. Object diffuseness in Maltese. *Objects: Towards a theory of grammatical relations*. Plank F. (ed.). London: Academic Press, 1984. Pp. 109—126.
- Bossong 1985 — Bossong G. *Empirische Universalienforschung: Differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Bossong 1991 — Bossong G. Differential object marking in Romance and beyond. *New Analyses in Romance Linguistics*. Kibbee D., Wanner D. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1991. Pp. 143—170.
- Bossong 1998 — Bossong G. Vers une typologie des indices actanciels: Les clitiques romans dans une perspective comparative. *Sintassi storica*. Ramat P., Roma E. (eds.). Roma: Bulzoni, 1998. Pp. 9—43.
- Campbell, Campbell 1987 — Campbell C., Campbell J. *Yade Grammar Essentials*. Unpublished Ms., 1987.
- Chamoreau 2000 — Chamoreau Cl. *Grammaire de purepecha parlé sur des îles du lac de Patzcuaro*. München: LINCOM Europa, 2000.
- Chamoreau 2008 — Chamoreau Cl. Ditransitive constructions in Purepecha: A hybrid type. *Amerindia, numéro spécial "Relations grammaticales dans les langues d'Amazonie"*. 2008. No. 31. Pp. 157—180.
- Coghill 2010 — Coghill E. Ditransitive constructions in the Neo-Aramaic dialect of Telkepe. *Studies in ditransitive constructions. A comparative handbook*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 221—242.
- Coghill 2014 — Coghill E. Differential object marking in Neo-Aramaic. *Linguistics*. 2014. Vol. 52. No. 2. Pp. 335—364.
- Cohen 2013 — Cohen Cl. Hierarchies, subjects, and the lack thereof in Imbabura Quichua subordinate clauses. *Survey of California and other Indian languages. Structure and contact in the languages of the Americas*. Sylak-Glassman J., Spence J. (eds.). Berkeley: Univ. of California Press, 2013. Pp. 51—68.
- Cole 1985 — Cole P. *Imbabura Quechua*. London: Croom Helm, 1985.
- Coler 2014 — Coler M. *A grammar of Muylaq' Aymara. Aymara as spoken in Southern Peru*. Leiden: Brill, 2014.
- Collier, Gregerson 1985 — Collier K., Gregerson K. Tabla verb morphology. *Papers in New Guinea Linguistics*. 1985. Vol. 22. Pp. 155—172.
- Company 2001 — Company C. Multiple dative-marking grammaticalization. Spanish as a special kind of primary object language. *Studies in Language*. 2001. Vol. 25. Pp. 1—47.
- Comrie 2003 — Comrie B. Recipient person suppletion in the verb "give". *Language and life: Essays in memory of Kenneth L. Pike*. Wise M. R., Headland Th. N., Brend R. M. (eds.). Dallas: SIL International and the Univ. of Texas at Arlington, 2003. Pp. 265—281.
- Cook 1987 — Cook A. R. *Wagiman Matyin: A description of the Wagiman language of the Northern Territory*. PhD dissertation. Melbourne: La Trobe University, 1987.
- Coppock, Wechsler 2012 — Coppock E., Wechsler S. The objective conjugation in Hungarian: Agreement without phi-features. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2012. Vol. 30. Pp. 699—740.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- David 2014 — David O. Subjectification in the development of clitic doubling: A diachronic study of Romanian and Spanish. *Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 2014. Pp. 42—61.

- David 2015 — David O. Clitic doubling and differential object marking. A study in diachronic Construction Grammar. *Constructions and Frames*. 2015. Vol. 7. Pp. 103—135.
- de Sousa 2006 — de Sousa H. *The Menggwa Dla language of New Guinea*. PhD dissertation. Sydney: Univ. of Sydney, 2006.
- Dourado 2001 — Dourado L. *Aspectos morfossintáticos da Língua Panará (Jê)*. Campinas: UNICAMP, 2001.
- Dourado, Gildea 2008 — Dourado L., Gildea S. Object relations in Panará (Jê). Paper presented at *Syntax of the World's Languages-3*, Berlin, 2008.
- Dryer 1986 — Dryer M. Primary objects, secondary objects, and antitativity. *Language*. 1986. Vol. 62. No. 4. Pp. 808—845.
- Dryer 2000 — Dryer M. Counting genera vs. counting languages. Commentary on Maslova. *Linguistic Typology*. 2000. Vol. 4. Pp. 334—356.
- Dunn 1999 — Dunn M. *A Grammar of Chukchi*. PhD dissertation. Canberra: Australian National Univ., 1999.
- Ebina 2012 — Ebina D. Object in Cusco Quechua. *Senri Ethnological Studies*. 2012. Vol. 77. Pp. 209—220.
- Evans 2015 — Evans N. Inflection in Nen. *The Oxford handbook of inflection*. Baerman M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. Pp. 543—576.
- Fernández, Rezac to appear — Fernández B., Rezac M. Differential object marking in Basque varieties. *Microparameters in the grammar of Basque*. To appear. Available at: <http://www.iker.cnrs.fr/IMG/pdf/dom.pdf>, 10.03.2016.
- Fernández-Ordóñez 1999 — Fernández-Ordóñez I. Leísmo, laísmo y loísmo. *Gramática descriptiva de la lengua Española*, Vol. I. Bosque I., Demonte V. (dirs.). Madrid: Espasa Calpe, 1999. Pp. 1317—1397.
- Foley 1991 — Foley W. A. *The Yimas language of New Guinea*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991.
- Foster 1969 — Foster M. L. *The Tarascan language*. Berkeley (CA): Univ. of California Press, 1969.
- Friedman 2000 — Friedman V. A. Proleptic and resumptive object pronouns in Romani. A Balkan noun phrase perspective. *Grammatical relations in Romani. The noun phrase*. Elšik V., Matras Y. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2000. Pp. 187—204.
- Friedman 2008 — Friedman V. A. Balkan object reduplication in areal and dialectological perspective. *Clitic doubling in the Balkan languages*. Kalluli D., Tasmowski L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 35—63.
- Galand 1979 — Galand L. Relations du verbe et du nom dans l'énoncé berbère. *Relations prédicat-actant(s) dans les langues de types divers*. Paris C. (éd.). Paris: Éditions CNRS, 1979. Pp. 131—146.
- Givón 1976 — Givón T. Topic, pronoun, and grammatical agreement. *Subject and topic*. Li Ch. (ed.). New York: Academic Press, 1976. Pp. 149—188.
- Givón 2011 — Givón T. *Ute reference grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Green 1999 — Green Th. M. *A lexicographic study of Ulwa*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1999.
- Grünthal 2008 — Grünthal R. Transitivity in Erzya Mordvin. *Ünnepi írások Havas Ferenc tiszteletére*. Berezki A., Csepregi M., Klima L. (szerk.). Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék — Numi-Tórem Finnugor Alapítvány, 2008. Pp. 219—239.
- Hale 1982 — Hale K. L. Some essential features of Warlpiri verbal clauses. *Papers in Warlpiri Grammar. In memory of Lothar Jagst*. Swartz S. (ed.). Darwin: SIL, 1982. Pp. 217—315.
- Hansen, Hansen 1975 — Hansen K. C., Hansen L. E. *The core of Pintupi grammar*. Alice Springs: Institute of Aboriginal Development, 1975.
- Harris 1981 — Harris A. C. *Georgian syntax. A study in Relational Grammar*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.
- Harris 1985 — Harris A. C. *Diachronic syntax: The Kartvelian case*. San Diego: Academic Press, 1985.
- Harvey 2002 — Harvey M. *A grammar of Gaagudju*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2002.
- Haspelmath 2004 — Haspelmath M. Explaining the ditransitive person-role constraint: A usage-based approach. *Constructions*. 2004. Vol. 2. Available at: <http://journals.linguisticsociety.org/elanguage/constructions/article/view/3073.html>.
- Haspelmath 2005 — Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types. *Linguistic Discovery*. 2005. Vol. 3. No. 1. Pp. 1—21. Available at: <http://journals.dartmouth.edu/cgi-bin/WebObjects/Journals.woa/1/xmlpage/1/article/280>.
- Haspelmath 2011 — Haspelmath M. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*. 2011. Vol. 45. No. 1. Pp. 31—80.
- Haspelmath 2013 — Haspelmath M. Argument indexing: A conceptual framework for the syntax of bound person forms. *Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska*. Bakker D., Haspelmath M. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. Pp. 197—226.

- Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Defining vs. diagnosing linguistic categories: A case study of clitic phenomena. *How Categorical are Categories?* Błaszczak J., Klimek-Jankowska D., Migdalski Krz. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. Pp. 273—304.
- Heath 1978 — Heath J. *Ngandi grammar, texts, and dictionary*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1978.
- Hill 2006 — Hill J. H. *A grammar of Cupeño*. Berkeley: Univ. of California Press, 2006.
- Honsberger et al. 2008 — Honsberger M., Honsberger C., Tupper I. *Kwomtari phonology and grammar essentials*. Ukarumpa: SIL, 2008.
- Hosokawa 1991 — Hosokawa K. *The Yawuru language of West Kimberley: A meaning-based description*. PhD dissertation. Canberra: Australian National Univ., 1991.
- Hualde, Ortiz de Urbina 2003 — *A grammar of Basque*. Hualde J. I., Ortiz de Urbina J. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Hualde et al. 1994 — Hualde J. I., Elordieta G., Elordieta A. *The Basque dialect of Lekeitio*. Bilbo: Univ. del País Vasco, 1994.
- Hudson 1978 — Hudson J. *The core of Walmatjari grammar*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1978.
- Iemmolo 2010 — Iemmolo G. Topicality and differential object marking: Evidence from Romance and beyond. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. No. 2. Pp. 239—272.
- Iemmolo 2011 — Iemmolo G. *Towards a typological study of differential object marking and differential object indexation*. Tesi di dottorato. Pavia: Univ. degli studi di Pavia, 2011.
- Ingram 2001 — Ingram A. *Anamuxra. A language of Madang province, Papua New Guinea*. PhD dissertation. Sydney: Univ. of Sydney, 2001.
- Jaeger et al. 2011 — Jaeger T. F., Graff P., Croft W., Pontillo D. Mixed effects models for genetic and areal dependencies in linguistic typology. *Linguistic Typology*. 2011. Vol. 15. Pp. 281—320.
- Jake 1980 — Jake J. L. Object verb agreement in Tigre. *Studies in the Linguistic Sciences*. 1980. Vol. 10. No. 1. Pp. 71—84.
- Jansen 2010 — Jansen J. W. *A grammar of Yakima Ichishkiin/Sahaptin*. PhD dissertation. Eugene (OR): Univ. of Oregon, 2010.
- Khalil 2015 — Khalil M. K. The verbal plural marker in Nobiin (Nile Nubian). *Dotawo: A Journal of Nubian Studies*. 2015. Vol. 2. Pp. 59—71.
- Khan 1984 — Khan G. Object markers and agreement pronouns in Semitic languages. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1984. Vol. 47. Pp. 468—500.
- Kibrik 2011 — Kibrik A. A. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Kittilä 2006a — Kittilä S. Object-, animacy- and role-based strategies: A typology of object marking. *Studies in Language*. 2006. Vol. 30. No. 1. Pp. 1—32.
- Kittilä 2006b — Kittilä S. The woman showed the baby to her sister: On resolving animacy-driven ambiguity in ditransitives. *Case, valency and transitivity*. Kulikov L., Malchukov A., de Hoop H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006. Pp. 291—309.
- Kobayashi, Murmu 2008 — Kobayashi M., Murmu G. Kera' Mundari. *The Munda languages*. Anderson G. D. S. (ed.). London: Routledge, 2008. Pp. 165—194.
- Konnerth 2014 — Konnerth L. A. *A Grammar of Karbi*. PhD dissertation. Eugene (OR): Univ. of Oregon, 2014.
- Lacroix 2009 — Lacroix R. *Description du dialecte laze d'Arhavi (caucasique du sud, Turquie)*. *Grammaire et textes*. Thèse du doctorat. Lyon: Univ. Lumière de Lyon 2, 2009.
- Lacroix 2011 — Lacroix R. Ditransitive constructions in Laz. *Linguistic Discovery*. 2011. Vol. 9. No. 2. Pp. 78—103.
- Lahaussais 2002 — Lahaussais A. *Aspects of the grammar of Thulung Rai: An endangered Himalayan language*. PhD dissertation. Berkeley (CA): Univ. of Berkeley, 2002.
- Lazard 1957 — Lazard G. *Grammaire du persan contemporain*. Paris: Klincksieck, 1957.
- Leafgren 2002 — Leafgren J. *Degrees of explicitness: Information structure and the packaging of Bulgarian subjects and objects*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Lehmann 1988 — Lehmann Chr. On the function of agreement. *Agreement in natural language. Approaches, theories, descriptions*. Barlow M., Ferguson C. A. (eds.). Stanford (CA): CSLI Publications, 1988. Pp. 55—66.
- Lehmann 1995 — Lehmann Ch. *Thoughts on grammaticalization*. München: LINCOM Europa, 1995.
- Leonetti 2004 — Leonetti M. Specificity and object marking: The case of Spanish *a*. *Catalan Journal of Linguistics*. 2004. Vol. 3. Pp. 75—114.

- Leonetti 2008 — Leonetti M. Specificity in clitic doubling and differential object marking. *Probus*. 2008. Vol. 20. No. 1. Pp. 33—66.
- Lepsius 1880 — Lepsius R. *Nubische Grammatik mit einer Einleitung über die Völker und Sprachen Afrikas*. Berlin: Verlag von Wilhelm Hertz, 1880.
- Leslau 1995 — Leslau W. *A reference grammar of Amharic*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
- Lunt 1952 — Lunt H. G. *Grammar of the Macedonian literary language*. Skopje: Државно книгоиздателство на НР Македонија, 1952.
- Mackridge 1985 — Mackridge P. *The Modern Greek language. A descriptive analysis of Standard Modern Greek*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1985.
- Malchukov, Spencer 2009 — Malchukov A., Spencer A. Typology of case systems. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. Pp. 651—668.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. Ditransitive constructions: A typological overview. *Studies in ditransitive constructions. A comparative handbook*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 1—64.
- Mallinson 1986 — Mallinson Gr. *Rumanian*. London: Croom Helm, 1986.
- Mallinson, Blake 1981 — Mallinson Gr., Blake B. J. *Language typology. Cross-linguistic studies in syntax*. Amsterdam: North Holland, 1981.
- Manzini, Franco 2016 — Manzini M. R., Franco L. Goal and DOM datives. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2016. Vol. 34. No. 1. Pp. 197—240.
- McConvell 2010 — McConvell P. Contact and indigenous languages in Australia. *The handbook of language contact*. Hickey R. (ed.). Oxford: Blackwell, 2010. Pp. 770—794.
- McGregor 2004 — McGregor W. *The languages of the Kimberley, Western Australia*. London: Routledge, 2004.
- Melis, Flores 2009 — Melis Ch., Flores M. On the interplay between forces of erosion and forces of repair in language change: A case study. *Folia Linguistica Historica*. 2009. Vol. 30. Pp. 271—310.
- Merlan 1983 — Merlan Fr. *Ngalakan grammar, texts and vocabulary*. Canberra: Australian National Univ., 1983.
- Mettouchi 2005 — Mettouchi A. Discourse-configurationality and the encoding of semantic macroroles in Taqbaylit Berber. *Studi afroasiatici. Contributi presentati all'XI Incontro italiano di linguistica camito-semitica*. Mengozzi A. (ed.). Milano: Franco Angeli editore, 2005. Pp. 83—96.
- Mettouchi 2008 — Mettouchi A. Case-marking, syntactic domains and information structure in Kabyle (Berber). *Interaction of syntax and morphology: Case studies in Afroasiatic*. Frajzyngier Z., Shay E. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 7—40.
- Mišeska Tomić 2004 — Mišeska Tomić O. The Balkan Sprachbund properties: An introduction. *Balkan syntax and semantics*. Mišeska Tomić O. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2004. Pp. 1—55.
- Mišeska Tomić 2006 — Mišeska Tomić O. *Balkan Sprachbund morphosyntactic features*. Dordrecht: Springer, 2006.
- Mišeska Tomić 2008 — Mišeska Tomić O. Variation in clitic doubling in South Slavic. *Syntax and Semantics 36: Microvariation in syntactic doubling*. Barbiers S. et al. (eds.). Bingley: Emerald, 2008. Pp. 443—468.
- Munshi 2006 — Munshi S. *Jammu and Kashmir Burushaski: Language, language contact, and change*. PhD dissertation. Austin (TX): Univ. of Texas at Austin, 2006.
- Nash 1980 — Nash D. G. *Topics in Warlpiri grammar*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1980.
- Nichols 1986 — Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar. *Language*. 1986. Vol. 62. No. 1. Pp. 56—119.
- Nichols 2003 — Nichols J. Diversity and stability in language. *The handbook of historical linguistics*. Joseph Br., Janda R. (eds.). Oxford: Blackwell, 2003. Pp. 283—310.
- Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. *Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Nordlinger 1990 — Nordlinger R. *A sketch grammar of Bilinarra*. Honors thesis. Melbourne: Univ. of Melbourne, 1990.
- Nordlinger 1998 — Nordlinger R. *A grammar of Wambaya, Northern Territory (Australia)*. Canberra: Australian National Univ., 1998.
- Nordlinger, Meakins 2014 — Nordlinger R., Meakins F. *A grammar of Bilinarra. An Australian aboriginal language of the Northern Territory*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Norris 1986 — Norris E. J. *A grammar sketch and comparative study of Eastern Mono*. PhD dissertation. San Diego (CA): Univ. of California, 1986.
- Overall 2013 — Overall S. Multiple and differentially marked objects in Aguaruna (Jivaroan). Paper presented at Monash University, Melbourne, July 2013.

- Peterson 2007 — Peterson D. A. *Applicative constructions*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
- Pharris 2006 — Pharris N. J. *Winuunsi Tm Talapaas: A grammar of the Molalla language*. PhD dissertation. Ann Arbor (MI): Univ. of Michigan, 2006.
- Quinn 2014 — Quinn K. A description of the verbal morphology of Wartha Thuntai. BA thesis. Canberra: Australian National Univ., 2014.
- Reesink 1987 — Reesink G. P. *Structures and their functions in Usan: a Papuan language of Papua New Guinea*. Amsterdam: John Benjamins, 1987.
- Rezac, Fernández 2013 — Rezac M., Fernández B. Dative displacement in Basque. *Variation in datives: A microcomparative perspective*. Fernández B., Etxepare R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. Pp. 256—282.
- Rodríguez-Ordóñez 2013 — Rodríguez-Ordóñez I. Contact-induced phenomena in Gernika Basque: The case of dative over-marking. *Selected proceedings of the 15th Hispanic Linguistics Symposium*. Somerville (MA): Cascadilla Proceedings Project, 2013. Pp. 236—251.
- Samvelian, Tseng 2010 — Samvelian P., Tseng J. Persian object clitics and the syntax-morphology interface. *Proceedings of the 17th International conference on Head-driven Phrase Structure Grammar*. Müller S. (ed.). Stanford: CSLI Publications, 2010. Pp. 212—232.
- Sandfeld 1930 — Sandfeld Kr. *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris: Klincksieck, 1930.
- Schmidt 1991 — Schmidt K. H. Svan. *The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 1. The Kartvelian languages*. Harris A. C. (ed.). Delmar: Caravan, 1991. Pp. 473—556.
- Schneider 1959 — Schneider R. *L'expression des compléments de verbe et de nom et la place de l'adjectif épithète en guèze*. Paris: Champion, 1959.
- Schulze-Berndt 2010 — Schulze-Berndt E. Grammatical properties and classification of three-participant predicates in Jaminjung. *Studies in ditransitive constructions. A comparative handbook*. Malchukov A., Haspelmath M., Comrie B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 510—528.
- Scott 1978 — Scott Gr. *The Fore language of Papua New Guinea*. Canberra: Australian National Univ., 1978.
- Seiler 1977 — Seiler H. *Cahuilla grammar*. Banning (CA): Malki Museum Press, Morongo Indian Reservation, 1977.
- Sharma 2014 — Sharma N. P. *Morphosyntax of Puma, a Tibeto-Burman language of Nepal*. PhD dissertation. London: SOAS, 2014.
- Siewierska 1997 — Siewierska A. The formal realization of case and agreement marking. A functional perspective. *Reconnecting language. Morphology and syntax in functional perspectives*. Simon-Vandenbergen A.-M. et al. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1997. Pp. 181—210.
- Siewierska 1999 — Siewierska A. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't do it? *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33. No. 2. Pp. 225—251.
- Siewierska 2003 — Siewierska A. Person agreement and the determination of alignment. *Transactions of the Philological Society*. 2003. Vol. 101. No. 2. Pp. 339—370.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. M. W. (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112—171.
- Simpson 1983 — Simpson J. H. *Aspects of Warlpiri morphology and syntax*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1983.
- Smeets 1992 — Smeets R. On valencies, actants and actant coding in Circassian. *Caucasian perspectives*. Hewitt B. G. (ed.). München: LINCOM Europa, 1992. Pp. 98—144.
- Song 2001 — Song J.-J. *Linguistic typology. Morphology and syntax*. London: Routledge, 2001.
- Spencer, Luis 2012 — Spencer A., Luis A. *Clitics. An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Suñer 1988 — Suñer M. The role of agreement in clitic-doubled constructions. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1988. Vol. 6. Pp. 391—434.
- Szende, Kassai 2007 — Szende Th., Kassai G. *Grammaire fondamentale du hongrois*. Paris: Langues & Mondes — L'Asiathèque, 2007.
- Tsunoda 1981 — Tsunoda T. *The Djaru language of Kimberley, Western Australia*. Canberra: Australian National Univ., 1981.
- Tuite 1997 — Tuite K. *Svan*. München: LINCOM Europa, 1997.
- van de Kerke 1998 — van de Kerke S. Verb formation in Leko: Causatives, reflexives and reciprocals. *Typology of verbal categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Kulikov L., Vater H. (eds.). Tübingen: Niemeyer, 1998. Pp. 195—203.

- van de Kerke 2000 — van de Kerke S. Case marking in the Leko language. *Essays on indigenous languages of Lowland South America. Contributions to the 49th International congress of americanists in Quito 1997*. Van der Voort H., van de Kerke S. (eds.). Leiden: Univ. Leiden, 2000. Pp. 25—37.
- van Egmond 2012 — van Egmond M.-E. *Enindhilyakwa phonology, morphosyntax and genetic position*. PhD dissertation. Sydney: Univ. of Sydney, 2012.
- Verma 1991 — Verma M. K. Exploring the parameters of agreement: The case of Magahi. *Language Sciences*. 1991. Vol. 13. No. 2. Pp. 125—143.
- Vogt 1971 — Vogt H. *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.
- von Heusinger, Kaiser 2005 — von Heusinger K., Kaiser G. A. The evolution of differential object marking in Spanish. *Proceedings of the workshop “Specificity and the evolution/emergence of nominal determination systems in Romance”*. von Heusinger K., Kaiser G. A., Stark E. (eds.). Konstanz: Univ. Konstanz, 2005. Pp. 33—70.
- von Heusinger, Onea 2008 — von Heusinger K., Onea E. Triggering and blocking effects in the diachronic development of DOM in Romanian. *Probus*. 2008. Vol. 20. No. 1. Pp. 71—118.
- Wali, Koul 1997 — Wali K., Koul O. N. *Kashmiri. A cognitive-descriptive grammar*. London: Routledge, 1997.
- Walsh 1976 — Walsh M. J. *The Murinypata language of North-West Australia*. PhD dissertation. Canberra: Australian National Univ., 1976.
- Watters 2002 — Watters D. E. *A grammar of Kham*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Weninger 1999 — Weninger S. *Ge‘ez*. München: LINCOM Europa, 1999.
- Whitehead 2004 — Whitehead C. R. *A reference grammar of Menya, an Angan language of Papua New Guinea*. PhD dissertation. Winnipeg: Univ. of Manitoba, 2004.
- Yadav 1996 — Yadav R. *A reference grammar of Maithili*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996.
- Zigmond et al. 1990 — Zigmond M. L., Booth C. G., Munro P. *Kawaiisu: A grammar and dictionary with texts*. Berkeley: Univ. of California Press, 1990.

Статья поступила в редакцию 03.02.2016.

МЕСТОИМЕНИЕ ЭТО КАК СРЕДСТВО МОДИФИКАЦИИ ИСТИННОСТНОГО СТАТУСА

(о конструкции вида *если <когда, хотя...> p, это q*)*

© 2016

Ольга Евгеньевна Пекелис

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, 125993, Российская Федерация
opekelis@gmail.com

В статье рассмотрены семантико-синтаксические свойства полипредикативной конструкции с местоимением *это*, анафорически связанным с обстоятельственным придаточным (ср.: *Если светит солнце, это хорошо*). Функциональное назначение такой конструкции предлагается усматривать в модификации истинностного статуса пропозиции, входящей в конструкцию дважды (сначала в виде придаточного, затем в форме местоимения *это*). Показано, что возможность такой модификации обусловлена свойствами двух составляющих конструкцию компонентов — обстоятельственного союза и местоимения *это*. Предложенный анализ позволяет объяснить основные формальные особенности конструкции, в частности набор допустимых в ее составе союзов и матричных предикатов.

Ключевые слова: истинностный статус, корпус, местоимение *это*, сентенциальное обстоятельство, сентенциальный актант, союз

PRONOUN *ETO* AS A MEANS OF MODIFYING TRUTH VALUE (case study of *если p, это q* ‘if p, it is q’ construction)

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation
opekelis@gmail.com

In this paper a semantic and syntactic analysis is provided of a biclausal construction containing the pronoun *eto* (‘it’) in Russian, where *eto* is anaphorically bound by a prepositive adverbial clause (cf.: *Если светит солнце, это хорошо*, lit. ‘If the sun shines, it is good’). It is argued that this construction serves to modify the truth value of the proposition which enters the construction twice (first, as an adverbial clause, and then as an *eto*-pronoun). The very possibility of this modification is shown to be linked to the inherent properties of the construction’s basic components, that is, of the conjunction introducing the adverbial clause and the *eto*-pronoun. The suggested analysis helps to explain the formal properties of the construction in question, in particular, the range of conjunctions and matrix predicates allowed.

Keywords: adverbial clause, complement clause, conjunction, corpus, pronoun, truth value

Введение

Предметом рассмотрения в настоящей работе служит полипредикативная конструкция с местоимением *это*, иллюстрируемая следующими предложениями¹:

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-06-00226.

¹ Примеры с указанием источника здесь и далее, если не сказано иное, заимствованы из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

- (1) а. *Если такая мысль прочитывается, это хорошо* [Юрий Гладильщиков. Спайк ЛИ: «Я вовсе не хотел обидеть русских» (2003) // «Известия», 2003.02.16].
- б. *Когда же видишь его воочию, это воспринимается как чудо* [Сергей Чесноков. Леонид Витальевич Канторович: штрихи к портрету. Несколько юбилейных слов об авторе (2003) // «Вестник США», 2003.08.20].
- в. *И хотя некоторые данные наблюдений необъяснимы в рамках рассмотренной модели, это еще не говорит о ее несостоятельности* [Александр Власов. Шаровая молния — индукционный разряд в вихревом кольце? // «Наука и жизнь», 2009].

Данная конструкция (далее — **это-конструкция**) обладает следующими характерными особенностями:

- начальную позицию в ней занимает придаточное, вводимое союзом, обычно возглавляющим синтаксическое обстоятельство (*если, когда, хотя, раз* и др.);
- в постпозитивной главной клаузе один из актантов матричного предиката выражен местоимением *это*, связанным анафорическим отношением с придаточным.

Так, в (1а) препозитивное финитное придаточное вводится союзом *если*, прототипически возглавляющим синтаксическое обстоятельство, а местоимение *это*, будучи актантом матричного предиката *хорошо*, находится в анафорической связи с придаточным.

Отметим, что *это* может занимать позицию не только подлежащего, как в (1а—в), но и дополнения. Ср. следующие примеры, где *это* выступает, соответственно, в роли прямого и косвенного дополнения.

- (2) *Когда солнце садится, барсук это знает в своей темной норе и, немного спустя, с большой осторожностью пробует выйти на свою ночную охоту* [М. М. Пришвин. Лесная капля (1943)].
- (3) *Если какие-то недоделки и нашлись, этим воспользовались импрессионисты и Ван Гог* [Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды // «Звезда», 2003].

С *это-конструкцией* связан ряд вопросов:

- Какие союзы (не)допустимы в *это-конструкции* и почему?

Так, временной союз *после того как*, в отличие от временного *когда*, в *это-конструкции* не употребляется, ср. (2) и (4).

- (4) ^{??} *После того как солнце садится, барсук это знает в своей темной норе.*

- Какие матричные предикаты допустимы в *это-конструкции*?

Скажем, глагол *хотеть*, в отличие от предикатива *хорошо*, в *это-конструкции* невозможен, ср. (5а) и (5б).

- (5) а. *Если светит солнце, это хорошо.*
- б. **Если светит солнце, я этого хочу.*

- Что именно является антецедентом местоимения *это*?

Говорить о том, что антецедентом является в точном смысле придаточное, по-видимому, было бы неверно, ср. невозможно заменить *это* на придаточное, например, в (1б):

- (6) **Когда же видишь его воочию, воспринимается как чудо.*

Помимо перечисленных вопросов, касающихся формального устройства *это*-конструкции, осмысленным представляется вопрос о ее функциональном назначении: для чего нужна — какой цели служит — сложноподчиненная конструкция, в которой одна и та же пропозиция фигурирует дважды, в составе сначала придаточного, а затем главной клаузы. Ответ на этот вопрос должен быть таким, чтобы им хотя бы частично объяснялись и формальные особенности конструкции.

Настоящая статья представляет собой попытку ответить на основные вопросы, связанные с *это*-конструкцией. Мы стремимся показать, что центральная функция *это*-конструкции, обуславливающая ее формальные свойства, состоит в преобразовании истинностного статуса повторенной пропозиции. А реализация этой функции опирается на существенные свойства двух составляющих конструкцию компонентов — соответствующего обстоятельного союза и местоимения *это*.

Наиболее подробно в статье рассмотрены свойства *это*-конструкции с союзами *если* и *когда*, которые представляются центральными для данной конструкции. Это интуитивное ощущение подкрепляется тем, например, что сфера употребления *это*-конструкции с *если* и *когда* шире, чем сфера ее употребления с другими союзами. Так, союз в составе *это*-конструкции, отличный от *если* и *когда*, часто заменим на *когда* или *если*, но обратное неверно. Ср. возможность заменить *хотя* в (1в) на *если* и *когда* и невозможность заменить *если* на *хотя* в (1а):

- (7) (=1в) *Хотя* ⟨*Когда, Если*⟩ некоторые данные наблюдений необъяснимы в рамках рассмотренной модели, это еще не говорит о ее несостоятельности [Александр Власов. Шаровая молния — индукционный разряд в вихревом кольце? // «Наука и жизнь», 2009].
- (8) (=1а) *Если* ⟨*Когда, *Хотя*⟩ такая мысль прочитывается, это хорошо [Юрий Гладильщиков. Спайк ЛИ: «Я вовсе не хотел обидеть русских» (2003) // «Известия», 2003.02.16].

Статья имеет следующую структуру. Раздел 1 посвящен *это*-конструкции с союзами *если* и *когда* — ее формальным свойствам (раздел 1.1), семантической интерпретации (раздел 1.2) и взаимосвязи между первым и вторым (раздел 1.3). В разделе 2 рассмотрены прочие союзы, употребляющиеся в составе *это*-конструкции: (*до тех пор*) *пока*, *раз*, *поскольку*, *так как*, *хотя* и *несмотря на то что*. В разделе 3 предлагается ответ на вопрос, почему другие союзы не употребляются в *это*-конструкции.

1. *Это*-конструкция с союзами *если* и *когда*

1.1. Формальные свойства *это*-конструкции

В настоящем разделе рассмотрены три вопроса, связанные с формальным устройством *это*-конструкции: статус придаточного в терминах оппозиции актанта vs. сирконстанта (см. раздел 1.1.1); вопрос об antecedente местоимения *это* (см. раздел 1.1.2); ограничения на выбор матричного предиката в составе *это*-конструкции (см. раздел 1.1.3).

1.1.1. Статус придаточного: **сентенциальное обстоятельство или сентенциальный актант?**

Вопрос о статусе придаточного в *это*-конструкции встает по двум причинам.

Во-первых, хотя союзы *если* и *когда* прототипически вводят сентенциальное обстоятельство, в *это*-конструкции вводимое ими придаточное связано анафорическим отношением с местоимением *это*; последнее же заполняет позицию актанта матричного глагола. Для сравнения, в структурно близкой конструкции с союзом *что* местоимение *это* явно замещает придаточное — сентенциальный актант (см. подробнее раздел 1.1.2, а также [Падучева 1982: 85]):

(9) *Что отнимут дипломы и звания, это определено* [Василь Быков. Бедные люди (1998)].

Во-вторых, *если* и *когда* наряду со своей основной обстоятельственной функцией имеют и второстепенную — актантную, которая реализуется преимущественно при глаголах эмоции и оценки (*нравиться, любить, ненавидеть, удивлять* и т. п.; *хорошо, плохо, весело* и т. п.). Ср. актантные употребления *когда* и *если* (аргументы в пользу актантного статуса таких придаточных см., например, в [Сердобольская 2011]):

(10) *«Еще так обидчиво плачет, если кто его испугал:» боится, когда руками возле него машут* [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)].

(11) *«Когда она училась в школе, к ней постоянно приходили друзья, и) никого не удивляло, если меня не заставляли дома* [Людмила Уварова. Одинокий с собакой снимет комнату // Библиотека «Огонек», 1990].

Как и положено актанту, придаточное в (10) и (11) заполняет семантическую валентность матричного глагола: в (10) оно выражает предмет страха, в (11) — предмет удивления.

Считается, что актантное и сирконстантное употребления *когда* и *если* различаются позицией придаточного: при актантном употреблении возможна только постпозиция [Letuchiy 2015: 162]. Действительно, замена постпозитивного актантного придаточного с *если* и *когда* препозитивным обычно или меняет смысл предложения, или превращает его в грамматически неправильное. Первая возможность имеет место в (10): при переносе придаточного в препозицию значение матричного предиката несколько меняется. Ср. (12а) и (12б):

(12) а. (=10) *Он боится, когда руками возле него машут.*

б. *Когда возле него машут руками, он боится.*

В (12б), по сравнению с (12а), роль пропозиции придаточного как предмета страха затемнена; в семантике глагола *бояться* на первый план вынесена собственно эмоция страха, взятая как бы вне ее источника. Это согласуется с актантным статусом придаточного в (12а) и сирконстантным — в (12б).

Иллюстрацией того, что перенос придаточного из постпозиции в препозицию может превратить предложение в грамматически неправильное, служат примеры (13а) и (13б):

(13) а. (=11) *Никого не удивляло, если меня не заставляли дома.*

б. ^{??}*Если меня не заставляли дома, никого не удивляло.*

Глагол *удивлять* (в отличие от *бояться*) не допускает, по-видимому, такого семантического ракурса, при котором предмет удивления отодвигается на задний план. Поэтому соответствующая валентность при данном глаголе должна быть заполнена. Однако при переносе придаточного в препозицию оно приобретает сирконстантный статус, т. е. перестает служить заполнению валентности глагола. Этим объясняется сомнительность (13б).

В интересующей нас *это*-конструкции придаточное препозитивно. Ввиду того, что актантные употребления *если* и *когда* жестко связаны с постпозицией, уже сама по себе препозиция придаточного в *это*-конструкции свидетельствует о его сирконстантном статусе.

Другой аргумент находим в поведении местоимения *это*. В *это*-конструкции, т. е. в условиях препозиции придаточного, опустить *это* невозможно. Ср.²:

² В примерах здесь и далее используется следующий принятый в лингвистике способ обозначения: знаки «*» и «?» перед скобкой (ср. *(*это*)) означают, что помещенное в скобки слово не может быть опущено без ущерба для грамматической правильности; знаки «*» и «?» внутри скобок (ср. (**это*)) означают, наоборот, что для сохранения грамматической правильности данное слово должно быть опущено.

- (14) *Однако, если вдруг закон нарушается неожиданно, *(это) всегда радует ученого, так как сулит открытие более глубоких и полных закономерностей* [В. Кронгауз. Как толковать законы // «Химия и жизнь», 1968].
- (15) *Когда я сажусь за руль гоночной Ferrari или Jaguar E-type, *(это) хорошо для производителей машин и самого фестиваля в целом, но мало значит для меня лично* [Борис Мурадов. Восставший из ада (2001) // «Формула», 2001.11.15].
- (16) *Когда болеют и страдают дети, ?(это) страшно* [Помогите, пожалуйста! (2002) // «Домовой», 2002.05.04].

Между тем в контексте постпозитивного придаточного наличие *это* может быть не только не обязательно, но иногда и невозможно одновременно с придаточным. Так происходит в случае, когда постпозитивное придаточное выступает в роли актанта, т. е. преимущественно в контексте матричных предикатов, обозначающих эмоцию или оценку. Ср. результат перестановки придаточного в примерах (14) и (16) (примеры (17б) и (18б) соответственно). Обратим внимание, что элиминация *это* в контексте постпозитивного придаточного может потребовать изменения порядка слов, ср. (17б) с исходным примером (14). Однако в контексте препозитивного придаточного и при измененном порядке устранить *это* не удастся, ср. (17а):

- (17) а. *Если вдруг закон нарушается неожиданно, *(это) ученого всегда радует.*
 б. *Ученого ^{ок}(это) всегда радует, если вдруг закон нарушается неожиданно.*
- (18) а. (=16) *Когда болеют и страдают дети, ?(это) страшно* [Помогите, пожалуйста! (2002) // «Домовой», 2002.05.04].
 б. ^{ок}*(Это) страшно, когда болеют и страдают дети.*

В (17б) и (18б) наличие *это* необязательно, но не исключено³. В примерах (19б), (20б) использовать *это*, по-видимому, невозможно, хотя в аналогичных конструкциях с препозитивным придаточным, ср. (19а), (20а), *это*, наоборот, нельзя элиминировать:

- (19) а. *Если солдат называет товарищем белого генерала Куропаткина, ??(это) вас не удивляет?*
 б. *А (??это) вас не удивляет, если солдат называет товарищем белого генерала Куропаткина?* [Б. Б. Вахтин. Одна абсолютно счастливая деревня (1965)].
- (20) а. *Когда жесты или походка, взгляды или интонации голоса появлялись как бы сами собой, меня ??(это) почему-то всегда больше радовало.*
 б. *Но все-таки меня всегда почему-то (??это) больше радовало, когда жесты или походка, взгляды или интонации голоса появлялись как бы сами собой — то есть от верного ощущения человека целиком* [Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982)].

До сих пор мы сравнивали препозитивные и постпозитивные придаточные при эмоциональных и оценочных предикатах, присоединяющих сентенциальный актанта с *если* и *когда*. При других предикатах, валентность которых придаточное с *если* и *когда* заведомо не заполняет, наличие *это* обязательно независимо от позиции такого придаточного. Так, в следующих примерах матричные глаголы *создать* и *называться* не присоединяют сентенциальный актанта, вводимый союзами *если* и *когда*, и элиминировать *это* невозможно:

³ Если при актантажном статусе постпозитивного придаточного *это* в предложении наличествует, как в (17б) и (18б), оно, по-видимому, дублирует сентенциальный актанта, ср. близкую трактовку *это* в конструкции вида *Это плохо, что ты уходишь* в [Падучева 1982: 85].

- (21) а. *Если в результате будет наказан хоть один чиновник, *(это) создаст прецедент* [Марина Миронова. Мир дворцам, война ларькам // «Русский репортер», № 45 (173), 18 ноября 2010].
- б. **(Это) создаст прецедент, если в результате будет наказан хоть один чиновник.*
- (22) а. *Когда умирают русские, *(это) называется «потери», или еще говорят «погибли»* [Герман Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны // «Знамя», 2005].
- б. **(Это) называется «потери», когда умирают русские.*

Итак, в *это*-конструкции, характеризующейся препозицией придаточного, опустить *это* невозможно никогда, а при постпозиции опущение обычно возможно или даже обязательно в случае, когда придаточное выступает в роли актанта. Последний факт наводит на мысль, что затруднения с опущением *это* возникают тогда, когда других заполнителей актантной позиции, кроме самого местоимения *это*, в предложении нет. Если это верно, отсюда следует, что в *это*-конструкции, где опущение *это* невозможно, придаточное имеет статус не актанта, а сирконстанта.

Закljučаем, что из двух связанных анафорическим отношением единиц, составляющих *это*-конструкцию, одна (местоимение *это*) имеет статус актанта, а другая (придаточное) — статус сирконстанта при том же предикате⁴.

1.1.2. Что замещает местоимение *это*?

Проформой какой составляющей служит местоимение *это* в *это*-конструкции? Для ответа на этот вопрос сравним *это*-конструкцию со структурно близкой *то, что*-конструкцией; ср. (23а) и (23б):

- (23) а. *Если приходится моргать, это ужасно.*
- б. *То, что приходится моргать, — это ужасно* [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

В *то, что*-конструкции antecedентом *это* естественно считать *то, что*-придаточное. Это интуитивное ощущение косвенно подтверждается возможностью замены в (23б) местоимения придаточным при опущении первого придаточного — бывшего antecedента:

- (24) *То, что приходится моргать, ужасно.* (← ~~*То, что приходится моргать,*~~ — *то, что приходится моргать, ужасно.*)

Однако в *это*-конструкции antecedентом *это* невозможно считать ни целиком придаточное, ни внутреннюю его часть без союза, ср. сомнительность соответствующей замены в (25а) и (25б):

⁴ По мнению анонимного рецензента «Вопросов языкознания», не исключена еще одна, отличная от рассмотренных, синтаксическая трактовка *это*-конструкции, согласно которой придаточное синтаксически связано с местоимением *это* (а не с матричным предикатом) пролептической связью, как в конструкциях вида *Ужин-то, он на столе*. Представляется, однако, что по меньшей мере два соображения свидетельствуют против такого анализа. Во-первых, в конструкциях, традиционно причисляемых к пролептическим (см. о них, например, [Санников 2008: 89—100]), местоимение дублирует значение «пролептического зависимого», тогда как в *это*-конструкции, как демонстрируется в разделе 1.1.2, antecedент *это* не совпадает с придаточным. Во-вторых, пролептическая трактовка *это*-конструкции предполагает, что принципиально разная синтаксическая структура признается у предложений типа *Если светит солнце, все радуются* и *Если светит солнце, все этому радуются*, что, как кажется, противоречит интуиции.

(25) а. ^{??}Если приходится моргать, ужасно.

б. ^{??}Приходится моргать, ужасно.

Это означает, по-видимому, что синтаксического antecedента (такого, который «физически» наличествует и который можно «подставить» вместо *это*) у местоимения *это* в *это*-конструкции нет. Однако есть то, что можно условно назвать семантическим antecedентом: таковым уместно считать пропозицию, получаемую из придаточного в составе *это*-конструкции заменой обстоятельственного союза показателем *то, что*. В самом деле, *то, что*-придаточное в *это*-конструкции почти всегда подразумевается (об одном редком исключении см. ниже), ср. результат «развертывания» *это* в (23а) в *то, что*-придаточное:

(26) Если приходится моргать, то, что приходится моргать, ужасно.

Предложение (26), конечно, стилистически неудачно, раз в нем дублируется одна и та же клауза, однако грамматически приемлемо и семантически адекватно исходному предложению (23а).

Чтобы убедиться, что заменимость *это* в составе *это*-конструкции на *то, что*-придаточное действительно представляет собой общее правило, сравним общие условия употребления *то, что*-придаточного с условиями употребления *это*-конструкции. Если оказалось бы, что какие-то контексты допускают *это*-конструкцию, но запрещают *то, что*-придаточное, предложенная семантическая трактовка *это*, возможно, потребовала бы пересмотра.

Нам известно три случая, допускающих *это*-конструкцию, но не *то-что*-придаточное.

Во-первых, это контекст матричных предикатов эмоциональной семантики, в котором и сам матричный, и вложенный предикат получают форму будущего времени или сослагательного наклонения. Придаточное в этом случае обычно вводится союзом *если*, а не союзами *то, что* или *что*; см. подробнее [Letuchiy 2015]. Ср. (27а) с (27б) и (27в) с (27г):

(27) а. Всех удивит, если Иван добьется своего.

б. ^{??}Всех удивит, (то) что Иван добьется своего.

в. Всех бы удивило, если бы Иван добился своего.

г. *Всех бы удивило, (то) что Иван добился бы своего.

Как и придаточное с союзом *если*, *это*-конструкция с *если* в данных условиях приемлема:

(28) а. Если Иван добьется своего, это всех удивит.

б. Если бы Иван добился своего, это бы всех удивило.

Ограничение на употребление *то, что*-придаточного в указанном контексте связано с тем, что союзы *то, что* и *что* при глаголах эмоции вводят реальную ситуацию, тогда как будущее время и сослагательное наклонение представляют собой контексты снятой утвердительности (в смысле [Падучева 2005]). Союз *если* между тем маркирует вводимую им ситуацию как не определенную с точки зрения истинности статуса (см. об этом свойстве условного союза, например, [Подлеская 1995: 77]), снимая указанное противоречие.

Дискредитируют ли контрастные примеры типа (27а) vs. (27б) идею о том, что за местоимением *это* в составе *это*-конструкции стоит *то, что*-придаточное? Нам кажется, что нет, поскольку «развертывание» *это* в *то, что*-придаточное в этом случае все равно возможно, но требует замены формы будущего времени предиката формой прошедшего, в соответствии с «реальным» статусом *то, что*-придаточного. Применительно к примеру (28а) такое развертывание дает стилистически неудачный, но грамматически приемлемый и сохраняющий исходную семантику результат:

(29) Если Иван добьется своего, то, что он добился своего, всех удивит.

Семантика конструкции не меняется потому, что истинностный статус пропозиции 'он добьется своего' в конечном счете задается здесь не показателем *то, что*, а препозитивным союзом *если*, маркирующим эту пропозицию как не определенную с точки зрения истинности⁵.

Второй контекст, в котором замена местоимения *это то, что*-придаточным невозможна, представлен в (30а, б):

(30) а. Если керамзит пропитался влагой, это надолго [Недоделстрой (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.06.15].

б. *Если керамзит пропитался влагой, то, что он пропитался влагой, надолго.

Данный контекст характеризуется тем, что позицию матричного предиката в нем как будто бы занимает наречие с семантикой времени. «Как будто бы», потому что в действительности наречие, в соответствии со своей обычной дистрибуцией, употреблено здесь не-предикативно; оно модифицирует предикат, к которому отсылает местоимение *это* (в примере (30а) — предикат *пропитался*, ср.: *Если керамзит пропитался влагой, он пропитался влагой надолго*). При замене в (30а) временного наречия *надолго*, например, оценочным предикативом *плохо*, замена *это то, что*-придаточным перестает вызывать затруднения:

(31) а. Если керамзит пропитался влагой, это плохо.

б. Если керамзит пропитался влагой, то, что он пропитался влагой, плохо.

Контекст временного наречия, таким образом, действительно свидетельствует против представления о *то, что*-придаточном как об антецеденте *это*. Однако такой контекст для *это*-конструкции нехарактерен. В порядке аргументации приведем данные НКРЯ: доля *это*-конструкций с союзом *если* и наречием времени крайне мала среди общего числа *это*-конструкций с *если* и наречием в позиции матричного предиката и заметно ниже, чем доля *это*-конструкций с оценочными предикативами (см. таблицу).

Оговоримся, что при поиске в корпусе в запросе указывались только наречия (временные и оценочные), но не предикативы (см. пример запроса в сноске б). Ввиду широкой омонимии предикативов с наречиями, в особенности нужных нам оценочных предикативов, такой запрос позволяет находить примеры *это*-конструкции и с оценочными предикативами типа *хорошо*, *плохо* и с собственно наречиями типа *надолго*. Поэтому в представленной ниже таблице речь условно идет о временных и об оценочных наречиях. При таком поисковом запросе, конечно, без учета остаются оценочные предикативы, не омоничные наречию (ср., например, *грех*), однако это только укрепляет предполагаемый общий вывод о преобладании оценочных предикативов над временными наречиями: первые, в действительности, еще частотнее в составе *это*-конструкции, чем указано в таблице.

Таблица

Сравнительная частотность *это*-конструкций с наречием времени (НВ), наречием оценки (НО) и с наречием вообще в основном корпусе НКРЯ

Это-конструкции			Доля это-конструкций	
с НВ ⁶	с НО	с наречием	с НВ	с НО
2	38	48	0,04	0,80

⁵ О том, как снятая утвердительность придаточного, вводимого *если*, совмещается в *это*-конструкции с реальностью подразумеваемого *то, что*-придаточного, см. раздел 1.2.

⁶ Пример запроса: «если на расстоянии от 1 до 10 от «это» асomma на расстоянии 1 от ADV (t:time | t:time:dur | t:time:dur:max | t:time:dur:min | t:time:age) (t:time | t:time:dur | t:time:dur:max | t:time:dur:min | t:time:age) bdot».

Таким образом, контекст временного наречия является для *это*-конструкции периферийным и может считаться исключением из правила⁷.

Наконец, третьей причиной того, что замена *это* на *то, что*-придаточное в составе *это*-конструкции не удастся, может быть затрудненная сочетаемость матричного предиката с показателем *то, что*, обусловленная индивидуальными особенностями этого предиката. Проиллюстрируем этот случай на примере предикатива *невыгодно*.

В корпусном примере (32а) с предикативом *невыгодно* замена *это* на *то, что*-придаточное затруднена:

(32) а. *Если в каждом городе открывать пункт продаж, это невыгодно* [Владимир Сысов. Паевые инвестиционные фонды — это не пирамиды и не банки // «Газета», 2003].

б. ^{??}*Если в каждом городе открывать пункт продаж, то, что в каждом городе открывают* (откроют, открыли, открыт) пункт продаж, невыгодно.

Но (32а) в действительности не является *это*-конструкцией, а только напоминает ее. В самом деле, antecedентом *это* естественно считать здесь подчиненную союзу *если* инфинитивную клаузу, ср. нормальное *в каждом городе открывать пункт продаж невыгодно*. При такой трактовке между тем пример (32а) оказывается лишен качества, которое мы считаем определяющим для *это*-конструкции (см. подробнее раздел 1.2): преобразование значения истинностного статуса повторяемой пропозиции. При совпадении *это* с инфинитивным оборотом такого преобразования, как кажется, не происходит.

Однако если заменить в (32а) инфинитив финитной формой, как в (32в), замена *это* на *то, что*-придаточное все равно оказывается затруднена, ср. (32г)⁸. При этом, в отличие от (32а), (32в) есть основания считать *это*-конструкцией.

(32) в. *Если мы в каждом городе откроем пункт продаж, это будет невыгодно*.

г. ^{??}*Если мы в каждом городе откроем пункт продаж, то, что в каждом городе открыт пункт продаж, будет невыгодно*.

Дело в том, что помимо финитности придаточного, (32в) отличается от (32а) обязательным наличием связки *будет* в составе главной клаузы (ср. сомнительное ^{??}*Если мы в каждом городе откроем пункт продаж, это невыгодно*). Причина этого видится в том, что матричный предикат в *это*-конструкции всегда выражает реакцию на положение дел, обозначенное местоимением *это* (см. раздел 1.2), и потому должен локализоваться в будущем относительно этого положения дел. Обязательное наличие *будет* в (32в) можно, таким образом, считать доводом в пользу того, что в (32в), в отличие от (32а), представлена, действительно, *это*-конструкция.

Почему же *это* в (32в) не заменяется на *то, что*-придаточное? Запрет обусловлен, как кажется, индивидуальными свойствами предиката *невыгодно*, который в целом с трудом присоединяет не только *то, что*-придаточное, но и *что*-придаточное. Так, в НКРЯ последовательности *То, что...невыгодно* (где *что* — союз, а не союзное слово) не найдено, а последовательность *невыгодно, что* встречается лишь дважды, что составляет 0,2 % от общего числа вхождений *невыгодно* в корпусе. Для сравнения, аналогичная последовательность с предикативом *странно* (*странно, что*) представлена в корпусе 1709 вхождениями, что составляет 7,4 % от всех вхождений *странно*.

Случаи, подобные *невыгодно*, по-видимому, единичны. Так, в первой сотне из случайной выборки примеров *это*-конструкции (запрос «если first на расстоянии от 1 до 8 от «это» асотта») примеров, подобных *невыгодно*, не оказалось. Можно думать, что

⁷ О взаимосвязи между невозможностью заменить *это* на *то, что*-придаточное в контексте временного наречия и другими свойствами *это*-конструкции см. Примечание 2 в разделе 1.2.

⁸ Мы признательны анонимному рецензенту за это наблюдение.

это-конструкция, в силу своих свойств, избегает матричных предикатов, для которых сочетаемость с *то, что* затруднена.

Итак, за вычетом немногочисленных исключений, подтверждается высказанное выше предположение: местоимение *это* в *это*-конструкции служит проформой *то, что*-придаточного, получаемого из соответствующей обстоятельственной клаузы заменой обстоятельственного союза показателем *то, что* (возможно, с сопутствующими изменениями видо-временной формы зависимого предиката, как в (29))⁹.

1.1.3. Какие матричные предикаты допустимы в *это*-конструкции?

Ниже сформулированы два ограничения, которым подчиняется в *это*-конструкции матричный предикат.

Во-первых, это должен быть фактивный предикат, т. е. предикат с сентенциально заполняемой валентностью, имеющей статус семантической презумпции. Синтаксическим заполнителем этой валентности выступает местоимение *это*. Семантическим же заполнителем можно считать пропозицию, выражаемую скрывающимся за *это то, что*-придаточным — именно этому придаточному должна соответствовать в *это*-конструкции семантическая презумпция. Данное условие выполнено во всех примерах *это*-конструкции, рассмотренных выше¹⁰. Так, значение *то, что*-придаточного, подразумеваемого в предложении (1а) (=33а)), сохраняется под отрицанием (об этом конституирующем свойстве семантической презумпции см., например, [Падучева 1977]). Ср. «эксплицированную» *то, что*-конструкцию в (33б) и ее отрицание в (33в) (для снижения громоздкости препозитивное придаточное в (33б,в) опущено):

- (33) а. (=1а) *Если такая мысль прочитывается, это хорошо* [Юрий Гладильщиков. Спайк ЛИ: «Я вовсе не хотел обидеть русских» (2003) // «Известия», 2003.02.16].
 б. *То, что такая мысль прочитывается, хорошо* → ‘*Такая мысль прочитывается*’.
 в. *То, что такая мысль прочитывается, нехорошо* → ‘*Такая мысль прочитывается*’.

Обратим внимание, что термин «фактивный предикат» мы понимаем шире, чем он используется традиционно. Фактивными обычно называют такие предикаты, которые приписывают статус презумпции своему сентенциальному актанту; см., например, [Kiparsky P., Kiparsky S. 1968]. Мы же относим этот термин не только к предикатам, присоединяющим сентенциальный актант, но и к предикатам с именным актантом, способным получать сентенциальное заполнение — при условии, что этому актанту соответствует семантическая презумпция. В таком широком смысле фактивными являются, например, глаголы *создать* и *восприниматься*, прототипически присоединяющие не сентенциальный, а именной актант, но допускающие его сентенциальное заполнение. Ср.:

- (34) *Если Германия не будет в НАТО, это может создать проблемы в Европе* [М. С. Горбачев. Как это было. Объединение Германии (1999)].

⁹ Как демонстрирует пример (30б), местоимение *это* в составе *это*-конструкции не всегда заменимо на *то, что*-придаточное. Обратное тоже верно: не всякое *то, что*-придаточное может быть преобразовано в *это*-конструкцию, ср. обсуждение примеров (40), (41) в разделе 1.1.3. Таким образом, условия употребления *то, что*-придаточного «пересекаются» с условиями употребления *это*-конструкции, но не совпадают с ними.

¹⁰ Исключением, казалось бы, служит *это*-конструкция с наречием времени типа *Если керамзит пропитался влагой, это надолго*, обсуждавшаяся в разделе 1.1.2: в ней матричного предиката как бы и нет — он «спрятан» в местоимении *это* (ср. *Если керамзит пропитался влагой, он пропитался влагой надолго*). Однако фрагменту смысла, выражаемого местоимением *это*, и здесь соответствует презумпция, ср. устойчивость этого смысла перед отрицанием: НЕ(*Керамзит пропитался влагой надолго*) ≈ *Керамзит пропитался влагой не надолго* → ‘*Керамзит пропитался влагой*’.

- (35) (=16) *Когда же видишь его воочию, это воспринимается как чудо* [Сергей Чеснов. Леонид Витальевич Канторович: штрихи к портрету. Несколько юбилейных слов об авторе (2003) // «Вестник США», 2003.08.20].

Подразумеваемое под местоимением *это то, что*-придаточное (*то, что Германия не будет в НАТО* в (34); *то, что видишь его воочию* в (35)) имеет при данных предикатах статус семантической презумпции, ср. сохранение смысла придаточного под отрицанием:

- (36) *То, что Германия не будет в НАТО, не может создать проблем в Европе* → ‘Германия не будет в НАТО’.
- (37) *То, что видишь его воочию, не воспринимается как чудо* → ‘видишь его воочию’.

Требование фактивности исключает из числа предикатов, способных образовать *это*-конструкцию, целые лексико-семантические классы. Так, в *это*-конструкции невозможны манипулятивные (*позволить, требовать, запрещать* и т. п.) и дезидеративные глаголы (*хотеть, желать* и др.), поскольку присоединяемому ими сентенциальному актанту не соответствует семантическая презумпция¹¹. Ср. (38а,б):

- (38) а. **Если Нина приедет, я этого хочу* (я этого не позволю) (невозможно при кореферентной связи *это* с придаточным).
- б. **Когда Нина приезжает, я этого хочу* (я это запрещаю) (невозможно при кореферентной связи *это* с придаточным)¹².

¹¹ По мнению анонимного рецензента, причина неграмматичности примеров типа (38а) в другом: с одной стороны, ситуация, выраженная в придаточном (‘Нина приедет’), предшествует во времени ситуации, выраженной главной клаузой (‘Я хочу / не позволю’); с другой стороны, в составе главной клаузы та же ситуация подается как будущая по отношению к времени матричного глагола (‘Я хочу / не позволю, чтобы Нина приехала’). Между тем аналогичный запрет является общим для *это*-конструкции в целом: ситуация, выраженная в придаточном, не может в составе главной клаузы подаваться как будущая по отношению к времени матричного предиката, потому что выражаемое этим предикатом действие или состояние является — по общему замыслу *это*-конструкции — реакцией на данную ситуацию (см. о функциональном назначении *это*-конструкции раздел 1.2). Требование фактивности, предъявляемое к матричному предикату, как раз и является способом обеспечить выполнение указанного запрета: если предикат фактивный, получение вложенной в него пропозицией истинностного статуса заведомо предшествует во времени получению истинностного статуса пропозицией, выраженной самим матричным предикатом. Так, предложение *Петя знает, что Маша приедет завтра* предполагает, что к моменту, когда Петя узнал о Машинном завтрашнем приезде, пропозиция ‘Маша приедет завтра’ уже полагалась истинной. Таким образом, объяснение неграмматичности предложений типа (38а) отсутствием у манипулятивных глаголов свойства фактивности представляется более общим, чем объяснение, предлагаемое рецензентом. Показательно, что апелляция к свойству фактивности позволяет учесть не только манипулятивные, но и другие нефактивные предикаты.

¹² Анонимным рецензентом предложен следующий контрпример:

- (i) *Если Нина приезжает слишком часто, я ей это запрещаю.*

Представляется, однако, что этот пример следует интерпретировать как синонимичный предложению с фазовым глаголом, возглавляющим инфинитивный оборот, например: *Если Нина начинает приезжать слишком часто, я ей это запрещаю.* Последнее предложение между тем *это*-конструкцией не является, поскольку *это* замещает здесь только часть придаточного (*Я ей запрещаю приезжать слишком часто*). Доводом в пользу такой интерпретации может служить тот факт, что при удалении выражения *слишком часто*, как раз и лицензирующего, за счет значения повторяемого действия, интерпретацию ‘начинает приезжать’, исходный пример становится невозможным:

- (ii) **Если Нина приезжает, я ей это запрещаю.*

Для сравнения, в контексте предиката с сентенциально заполненной валентностью, имеющей статус презумпции, аналогичная *это*-конструкция допустима:

- (39) а. *Если Нина приедет, я буду этому рад* (мне об этом сообщат; я это сразу узнаю).
- б. *Когда Нина приезжает, я всегда этому рад* (мне об этом сразу сообщают; я узнаю об этом первым).

Широкий класс предикатов, неспособных употребляться в *это*-конструкции из-за несоблюдения требования фактивности — это предикаты, выражающие вероятность осуществления подчиненной пропозиции (а значит, автоматически не приписывающие ей статуса презумпции). Сюда относятся, прежде всего, глаголы мнения (*думать, полагать, считать* и т. п.) и такие предикаты, как *возможно, определенно, маловероятно, неправда* и т. п. (о предикатах с семантикой вероятности см. [Зализняк 1992: 49—58]). Отметим, что глаголы мнения имеют и своего рода «механическое» препятствие для использования в *это*-конструкции: они не выражают свой сентенциальный актант ни с помощью местоимения *это*, ни с помощью *то, что*-придаточного, ср.: **я это думаю, *я думаю то, что*; см. подробнее [Зализняк 1992: 50]. Однако, скажем, предикат *неправда* присоединяет и *это*, и *то, что*-придаточное (ср. (40а,б)), но тем не менее в *это*-конструкции не используется (ср. (40в))¹³:

- (40) а. *Это неправда.*
- б. *Но то, что я не являюсь на допросы по повесткам, — неправда* [Григорий Пунанов. Андрей Вавилов, бывший первый заместитель министра финансов РФ: «Кто-то платается кого-то купить» (2002) // «Известия», 2002.06.14].
- в. **Если я не являюсь на допросы по повесткам, это неправда.*

Аналогично, матричный предикат *маловероятно* не может быть использован в *это*-конструкции, хотя и присоединяет *то, что*-придаточное (ср. (41)); а, скажем, фактивный предикат *хорошо* используется и с *то, что*-придаточным, и в составе *это*-конструкции (ср. (42)).

- (41) а. *То, что он вчера был в кино, маловероятно* (пример из [Зализняк 1992: 36]).
- б. **Если он вчера был в кино, это маловероятно.*
- (42) а. *То, что он вчера был в кино, хорошо.*
- б. *Если он вчера был в кино, это хорошо.*

Следующее предложение с *то, что*-придаточным (43а) не допускает преобразования в *это*-конструкцию (ср. (43б)), поскольку матричный глагол *говорить* в данном контексте имеет семантику вероятности ('высказываться в пользу того что...'). Но при замене *говорить* фактивным глаголом *объявлять* *это*-конструкция становится допустимой, ср. (43в):

- (43) а. *О том, что процент по кредитованию не будет централизованно снижаться, говорит и Алексей Корнеев* [Михаил Попов. За тридевять нулей (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.16].

¹³ Предикат *неправда* может использоваться в предложениях, внешне похожих на *это*-конструкцию, но не обладающих свойствами таковой. Так, предложение *Если они говорят, что я не являюсь на допросы, то это неправда* не является *это*-конструкцией: местоимение *это* соотносится здесь не с *то, что*-кlausулой, полученной из придаточного (*То, что они говорят, что я не являюсь на допросы*), а с фрагментом *то, что они говорят*, где *то, что* содержит союзное слово *что*, а не союз. Ср. результат замены *это* на указанный фрагмент, синонимичный, как кажется, исходному примеру: *Если они говорят, что я не являюсь на допросы, то то, что они говорят, неправда.*

- б. *Если процент по кредитованию не будет централизованно снижаться, об этом говорит Алексей Корнеев.
- в. Если процент по кредитованию не будет централизованно снижаться, об этом объявит Алексей Корнеев.

Второе, более частное и менее категоричное, требование к матричному предикату в составе *это*-конструкции состоит в том, что в качестве такого предиката не могут выступать глаголы эмоции, при которых местоимение *это* занимает позицию прямого дополнения. Ср. сомнительность *это*-конструкций с глаголами *ненавидеть*, *любить* и *обожать*, в которых *это* находится в указанной позиции:

(44) ?*Когда ты так говоришь, я это ненавижу* ⟨люблю, обожаю⟩.

Отметим, что вне *это*-конструкции при данных глаголах допустимо и придаточное с *когда* (ср. (45)), и местоимение *это* в позиции прямого объекта (ср. (46)):

(45) *Я ненавижу* ⟨люблю, обожаю⟩, *когда ты так говоришь*.

(46) *Я это ненавижу* ⟨люблю, обожаю⟩.

Кроме того, *это*-конструкция возможна в контексте эмоциональных предикатов при условии, что *это* занимает позицию подлежащего, а не прямого дополнения. Ср.:

(47) *Когда ты так говоришь, это меня огорчает* ⟨вызывает во мне неприязнь⟩.

(48) *Когда что-то непонятно, это вызывает раздражение* [Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (1999)].

(49) *Когда ваши люди воруют, а наши видят, что они воруют, это обижает нас* [Никита Хрущев. Воспоминания (1971)].

Это свидетельствует о том, что сама по себе семантика обсуждаемых предикатов совместима с *это*-конструкцией.

Обратим внимание, наконец, что данное ограничение независимо от первого ограничения, связанного с фактивностью. Так, синтаксическому актанту при глаголе *любить* может соответствовать семантическая презумпция, ср. (50а, б):

(50) а. *Я люблю, как ты чихаешь и сморкаешься в платочек* [Геннадий Алексеев. Зеленые берега (1983—1984)] → ‘ты чихаешь и сморкаешься в платочек’.

б. *Я не люблю, как ты чихаешь и сморкаешься в платочек* → ‘ты чихаешь и сморкаешься в платочек’.

Правда, придаточное в этом случае вводится не союзом (*то,*) *что*, а союзным словом *как*; союз *что* глаголы *любить*, *обожать*, *ненавидеть* и т. п. присоединяют как раз неохотно, ср. сомнительное ?*Я не люблю, что ты чихаешь*. Однако это связано не с тем, что придаточное в контексте этих глаголов не может иметь статуса презумпции, как демонстрирует (50); а с тем, что такому придаточному несвойственно иметь статус факта (см. подробнее раздел 1.3). О том, что статус семантической презумпции и статус факта — не одно и то же, см. раздел 1.2, а также [Зализняк 1992: 36].

Резюмируем два выявленных ограничения:

- в *это*-конструкции допустимы только фактивные матричные предикаты;
- при условии, что *это* занимает позицию прямого дополнения, *это*-конструкция сомнительна с эмоциональными предикатами.

1.2. Семантическая интерпретация *это*-конструкции с союзами *если* и *когда*

Семантика *это*-конструкции определяется двумя конституирующими конструкцию компонентами — обстоятельственным союзом (*если, когда*) и местоимением *это*. Два этих компонента, как демонстрируется ниже, устроены принципиально различно с точки зрения следующих двух свойств:

- пропозиция, обозначаемая местоимением *это*, имеет в контексте *это*-конструкции статус семантической презумпции, тогда как истинностный статус придаточного, вводимого союзами *если* и *когда*, наоборот, характеризуется полной или частичной неопределенностью (об одном исключении см. Примечание 1);
- референтом местоимения *это* и референтом обстоятельственного придаточного с союзами *если* и *когда*, как правило, служат сущности разной природы: факт и ситуация соответственно (об одном исключении см. Примечание 2).

Прокомментируем два названных свойства.

О презумптивном статусе пропозиции, обозначаемой местоимением *это* (точнее — пропозиции, обозначаемой подразумеваемым *то, что*-придаточным), мы выше уже сказали (см. раздел 1.1.3). Скажем теперь об истинностном статусе обстоятельственного придаточного с союзами *если* и *когда*.

Придаточное, вводимое союзом *если*, является контекстом снятой утвердительности: соответствующая пропозиция, как правило, не оценивается говорящим по параметру истинности¹⁴. Союз *когда* в некоторых случаях синонимичен *если*. Так, в (51) *когда* заменяется на *если* без очевидного изменения смысла, а пропозиция придаточного ‘оно возникает’ не получает статуса истинной (о тонких различиях между *когда* и *если* см. [Урысон 2011: 34—45]):

- (51) *⟨А еще нужно, чтобы в компании людей, работающих над спектаклем, было доброе и какое-то влюбленное отношение друг к другу.⟩ Когда ⟨Если⟩ оно возникает, пьеса по-настоящему раскрывается и рождается в образе спектакля [Ольга Романцова. Сергей Женовач: «Театр не может быть индивидуальным» (2003) // «Известия», 2003.01.30].*

В других случаях вводимая *когда* пропозиция характеризуется как истинная, но все равно ее истинность безусловна — в том смысле, что она ограничена определенным промежутком или моментом времени. Так, в (52) зависимая пропозиция ‘ликвидировали комитет по делам молодежи’ полагается говорящим истинной, однако ее истинность не является «вневременной», она привязана к определенному временному промежутку (тому, в который ликвидировали комитет по делам молодежи):

- (52) *Когда ликвидировали комитет по делам молодежи, ликвидационная комиссия работала полгода [Игорь Пылаев. Полицейское прикрытие (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.03.17].*

Так же и в (53) пропозиция *время терпит* представлена как истинная время от времени:

¹⁴ Исключением служит контрафактическое условие, в контексте которого вложенная пропозиция получает статус «ложь», ср.: *Если бы вчера ты пришел на пять минут раньше, все было бы иначе*. Излагаемая ниже интерпретация *это*-конструкции применима и к случаю контрафактического условия (ср.: *Если бы вчера ты пришел на пять минут раньше, это бы все изменило*): для этой интерпретации существенно, что посылка условной конструкции — в том числе и при контрафактическом прочтении — не получает статуса истины. Рамки статьи не позволяют прокомментировать случай контрафактического придаточного подробнее.

О семантике условных конструкций см. [Добрушина (в печати)].

- (53) *Когда время терпит, движемся ближе к лесу за шлюзами* [коллективный. Форум: Горный двухподвесочный (2010)].

Для сравнения, при замене в (53) *когда* на, скажем, союз *поскольку* акцент на ограниченности соответствующей ситуации временным промежутком теряется (хотя общее представление о том, что подобная ситуация не может быть вневременной, конечно, остается):

- (54) *Поскольку время терпит, движемся ближе к лесу за шлюзами.*

Зависимость вводимой *когда* пропозиции от отрезка или точки на временной оси прямо следует из семантики этого союза: *когда* ограничивает истинностный статус главной пропозиции (точнее — временные рамки этого статуса) временем протекания вложенной пропозиции. Ограничивать же временную локализацию вневременным положением дел вряд ли имеет смысл¹⁵.

Итак, в отличие от пропозиции, обозначаемой местоимением *это*, вводимому *если* и *когда* придаточному не соответствует семантическая презумпция. Наоборот, такое придаточное или вовсе не охарактеризовано по параметру истинностного статуса, или обозначает положение дел, имеющее место в одни промежутки времени и не имеющее места в другие. В последнем случае можно говорить о неполной определенности истинностного статуса или, иначе, о безусловной (не свободной от условий) истинности. Подчеркнем, что речь идет о выражаемой союзом неопределенности истинностного статуса, а не об общих представлениях о возможной длительности той или иной ситуации. Последние имеют силу независимо от конкретного союза, как в примере (54) с союзом *поскольку*.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Все сказанное выше относится к ядерным употреблением союза *если* — так называемым гипотетическим, при которых вводимая союзом пропозиция не получает статуса истины. Существует, однако, другой, особый тип условных конструкций, придаточному которых соответствует данное («*если* данного положения дел» в терминологии [Урысон 2011], «*factual conditionals*» в типологической литературе [Bhatt, Pancheva 2006]). Ср.:

- (55) *Если уж зашла речь, то скажу свое отношение к биатлону* [коллективный. Биатлон — это жизнь!!! (2005—2011)].

В составе *это*-конструкции *если* в данном значении также может употребляться, ср.:

- (56) *Если я окончила университет и работаю по специальности, то этим я обязана своему мужу* (пример из [Урысон 2011: 50]).
- (57) *Если теперь он хуже к тебе относится, то это потому, что ты сама оттолкнула его* (то же).

С точки зрения своей функции такая конструкция заметно отличается от примеров *это*-конструкции, рассматривавшихся до сих пор. Аналоги конструкций типа (56), (57) в европейских языках принято квалифицировать как разновидность клефтовых конструкций, имеющих основной целью топикализацию пропозиции условного придаточного; ср. [Lambrecht 2001; Palermo 2012]. Между тем *это*-конструкция с «гипотетическим» *если*, как мы надеемся ниже продемонстрировать, имеет другую функцию, напрямую связанную с неопределенностью истинностного статуса у вводимого *если* придаточного. «Фактивные» употребления *если* далее не рассматриваются.

¹⁵ Тем же свойством обладают, по-видимому, и другие временные союзы — все они выражают зависимость истинностного статуса одной пропозиции от временной локализации другой. См. о союзах *после того как* и *прежде чем* раздел 3.

Обратимся ко второму отличию местоимения *это* от обстоятельственного придаточного, выше сформулированному в терминах оппозиции «факт» vs. «ситуация».

Скажем сначала о самой этой оппозиции.

Традиционно под «фактом» понимают единицу ментальной природы, не имеющую пространственно-временной локализации, противопоставляя факт «ситуации» как единице физической природы, локализованной в пространстве и времени; см. [Арутюнова 1988; Зализняк 1992] и др.

Комментария требует вопрос о том, обладает ли факт (точнее: лингвистический объект, обозначаемый термином «факт») свойством истинности. В соответствии с одной из традиций, ответ на этот вопрос положительный (см., например, [Peterson 1997: 7; НОСС 2003: L]; ср. также термин «фактивный глагол», обозначающий наличие у подчиненной пропозиции презумпции истинности). Однако существует и другая точка зрения, не признающая истинность неотъемлемым свойством факта. Так, в [Зализняк 1992: 36] обозначением факта считается подчиненная пропозиция не только в примере (58а) с фактивным предикатом *хорошо*, но и в примере (58б) с предикатом *неправда*¹⁶:

(58) а. *То, что он переехал в Москву, хорошо* (подчиненная пропозиция истинна).

б. *То, что он переехал в Москву, неправда* (подчиненная пропозиция нейтральна относительно истинности).

Правда, в контексте рассмотрения *это*-конструкции дискуссия о наличии у факта свойства истинности отчасти теряет свое значение, поскольку, напомним, пропозиции, обозначаемой местоимением *это*, соответствует семантическая презумпция. За счет последнего свойства факты, обозначаемые местоимением *это* в составе *это*-конструкции, априори истинны. Тем самым, для дальнейшего рассмотрения признание или непризнание фактов истинными как будто бы не играет роли. Тем не менее отметим, что статус факта и статус семантической презумпции мы рассматриваем как независимые свойства пропозиции, выражаемой местоимением *это* в *это*-конструкции. Против того, чтобы два этих статуса отождествлять, говорит существование предложений, в которых подчиненная пропозиция имеет одновременно статус ситуации (а не факта) и статус семантической презумпции. Ср.:

(59) *Я слышал, как ты звал меня* [Сергей Жемайтис. Большая лагуна (1977)].

(60) *Видимо, маме неприятно, что он помнит, как она была невнимательна к нему трехлетнему* [Галина Щербакова. Мальчик и девочка (2001)].

С одной стороны, союз *как*, согласно общепринятой трактовке, всегда вводит ситуацию, а не факт, отличаясь этим от союза *что*; см. [Арутюнова 1985; Зализняк 1992: 40—41]. С другой стороны, придаточному с *как* может соответствовать семантическая презумпция, ср. сохранение истинностного значения придаточного под отрицанием в (59) и (60) ('Я не слышал, как ты звал меня' → 'ты звал меня'; 'он не помнит, как она была невнимательна к нему...' → 'она была невнимательна к нему...').

Покажем, что с точки зрения оппозиции ситуация vs. факт местоимение *это* и придаточные с *если* и *когда* в составе *это*-конструкции проявляют себя по-разному.

Местоимение *это*, как отмечено в [Падучева 1982: 89], обычно служит обозначением факта в случаях, когда оно отсылает к отпредикатному имени. Так, в следующем примере

¹⁶ Термин «фактивный глагол», опирающийся на традицию отождествления факта и семантической презумпции, таким образом, вводит в заблуждение, игнорируя существование традиции противоположной — разграничивающей два данных понятия. Это неудобство термина «фактивный глагол» наглядно проявляет себя в контексте настоящей работы, задействующей и понятие факта, и понятие семантической презумпции как нетождественные (см. ниже). Тем не менее, ввиду бесспорной общепринятости термина «фактивный глагол», указанным неудобством мы пренебрегаем.

замена местоимения *это*, выражающего факт, местоимением *он*, обозначающим ситуацию, создает соответствующее смысловое противопоставление [Там же]:

- (61) *Приезд Анны взволновал хутор. Весь день только об этом (≠ о нем) и говорили (об этом = 'о том, что приехала', о нем = 'о тех или иных обстоятельствах приезда')*.

Это в составе *это*-конструкции отсылает, правда, не к отпредикатному имени, а к *то, что*-придаточному (см. подробнее раздел 1.1.2). Но такое придаточное иногда считается разновидностью номинализованной группы: оно объединяет в себе свойства клаузы (финитность) со свойствами имени (например, наличие значения категории падежа у местоимения *тот*)¹⁷.

То, что-придаточное и само по себе, вне связи с *это*-конструкцией, ассоциируют с обозначением факта (см., например, [Зализняк, Микаэлян 1988; Зализняк 1992: 40]). Этим и обусловлена, очевидно, естественность интерпретации *это* через *то, что* (ср. в (61): *об этом* = 'о том, что приехала').

Примечание 2. Исключением служит *это*-конструкция с наречием времени в позиции матричного предиката, уже обсуждавшаяся в разделе 1.1.2:

- (62) (=30a) *Если керамзит пропитался влагой, это надолго* [Недоделстрой (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.06.15].

Как отмечено выше, *это* в такой конструкции не заменяется на *то, что*-придаточное. Это обстоятельство взаимосвязано с другим — *это* не служит здесь обозначением факта, поскольку факт по определению не сочетается с временными наречиями.

Существование *это*-конструкции с такими свойствами свидетельствует о том, что статус факта является пусть типичным, но необязательным для местоимения *это* в составе *это*-конструкции. Значит, из двух свойств *это*-конструкции, названных в начале настоящего раздела, первое (о статусе презумпции) является более постоянным, чем второе (о статусе факта).

В отличие от местоимения *это*, придаточные, вводимые *когда* и *если*, наоборот, служат обозначением ситуации. Применительно к *когда* этот вывод лежит на поверхности: именно ситуация, но не факт, локализована во времени, и поэтому ее истинностный статус может зависеть от момента на временной оси (в [Падучева 1986] контекст союза *когда* даже признан диагностирующим для ситуации). О «ситуативной» семантике придаточного, вводимого *если*, свидетельствует семантическая близость, а в некоторых контекстах и синонимия *если* и *когда*. Определяющим доводом, однако, можно считать то соображение, что подчиняющий клаузу с *если* предикат не обязан включать и обычно не включает в свое значение ментальный компонент, определяющий сущность факта. Показательно, что в случае, когда *если* вводит сентенциальный акт при глаголе эмоции, он противопоставлен аналогичной конструкции с союзом *что* как раз отсутствием в значении подчиняющего предиката ментального компонента. Так, предложения (63a) и (63б) различаются тем, в частности, что в (63a) выражена собственно эмоция счастья, а в (63б) — еще и сопутствующий эмоции мыслительный процесс (ср. близкую трактовку подобных пар в [Краткая русская грамматика 2002: 585]):

- (63) а. *Он счастлив, если его работа помогает спасти кому-то жизнь* [Михаил Калужский, Юрий Козырев. Правда хорошего снимка // «Русский репортер», № 1 (1), 17—24 мая 2007].

б. *Он счастлив, что его работа помогает спасти кому-то жизнь.*

¹⁷ См. в [Лютюкова 2010: 54] иллюстрацию того, что указательное местоимение *тот* сообщает изъяснительному придаточному некоторые свойства именной группы.

Итак, в *это*-конструкции одна и та же пропозиция предстает дважды (в виде придаточного и в виде местоимения *это*), но в разном качестве: сначала как ситуация, истинностный статус которой в указанном выше смысле не определен, а затем как факт и семантическая презумпция. Попытаемся ответить на вопрос о том, в чем состоит функция такого преобразования.

Обозначенная в придаточном ситуация, не охарактеризованная по параметру истинности или получившая истинностный статус, зависимый от момента времени, при своем воплощении в виде факта и семантической презумпции приобретает истинностный статус, взятый вне связи с временной локализацией. Тем самым, то, что было только что представлено как неизвестное или привязанное к точке на временной оси, предстает как свершившаяся данность, свободная от временных границ. Это дает возможность говорящему абстрагироваться от своего незнания истинностного статуса ситуации или от привязки этого статуса к временной оси; позволяет ему обращаться с соответствующей информацией как с истинной вне всяких условий — предварительно, в придаточном, сообщив, что в действительности она, возможно, таковой не является.

Оговоримся, что речь не идет об отсутствии у пропозиции, выражаемой местоимением *это*, временной референции. Так, в предложении *Когда целый день шел дождь, это никого не огорчало* подразумеваемое *то, что-придаточное* (*то, что целый день шел дождь*) реферирует к прошлому. Речь о том, что воплощенная в местоимении *это* пропозиция подается говорящим в отвлечении от временной локализации; последняя, по контрасту с первым вхождением той же пропозиции в составе придаточного, выносится говорящим за рамки рассмотрения.

Так, в предложении (64) смысл 'Россия снова сможет уравнивать мощь других стран' сначала подается как ситуация, истинностный статус которой неизвестен. А затем, под видом местоимения *это*, тот же смысл рассмотрен уже как не подвергаемый сомнению факт. Такая точка зрения позволяет говорящему высказаться о последствиях той воображаемой ситуации, в которой соответствующая информация является истинной.

(64) *Если Россия снова сможет уравнивать мощь других стран, это даст шанс многим слабым странам выбирать, на чьей стороне быть, возможность перебежать из одного лагеря в другой* [Они о нас // «Коммерсантъ-Власть», 2002].

Предложенная интерпретация примера (64), как кажется, становится нагляднее при «развертывании» *это* в *то, что-придаточное*:

(65) *Если Россия снова сможет уравнивать мощь других стран, то, что она снова смогла уравнивать мощь других стран, даст шанс многим слабым странам выбирать, на чьей стороне быть, возможность перебежать из одного лагеря в другой.*

В следующем примере смысл 'реклама появилась', реализуясь в форме придаточного, подается как ситуация, имевшая место в определенный момент времени:

(66) *Когда реклама появилась, этого никто не заметил* [Культурасвет уже все заметнее. Теленеделя с Ириной Петровской (2003) // «Известия», 2003.02.07].

При воплощении этого смысла в местоимении *это* в фокусе внимания оказывается свершившийся факт *появления рекламы*, зависимость которого от временной локализации вынесена за рамки рассмотрения. Ср. иллюстрирующее эту смысловую метаморфозу «развертывание» *это* в *то, что-придаточное*:

(67) *Когда реклама появилась, того, что она появилась, никто не заметил.*

Тем самым, говорящий сначала сообщает о ситуации появления рекламы, имевшей место в определенный момент времени, а затем обсуждает уже факт ее появления, освободившись от привязки ситуации к временной оси.

Отметим, что эффект абстрагирования от временной локализации *то, что*-пропозиции обеспечивается не только собственными свойствами местоимения *это* (его связью с обозначением факта), но и контрастным отличием этих свойств от свойств союза (*если* или *когда*). В самом деле, указанному эффекту способствует м е н а истинностного значения повторенной пропозиции, происходящая в *это*-конструкции. Для сравнения: в сочинительном, а не подчинительном контексте, т. е. вне *это*-конструкции аналогичный эффект ощущается в меньшей степени, ср. (66) с (66')¹⁸:

(66') *Реклама появилась, но этого никто не заметил.*

Здесь подразумеваемому *то, что*-придаточному (*то, что реклама появилась*) предшествует независимое предложение, истинностный статус которого не контрастирует с истинностным статусом *то, что*-придаточного. В отличие от (66), здесь нет союза *когда*, акцентирующего привязку истинностного значения к точке на временной оси. Поэтому нет и выраженного эффекта «абстрагирования».

Подведем итог. Главным в семантике *это*-конструкции с союзами *если* и *когда* представляется происходящая в ней смена семантического ракурса рассмотрения информации — от ситуации, истинность которой в том или ином смысле безусловна, к факту и семантической презумпции, дающим в сумме безусловную истинность. Близкое семантическое преобразование, как мы надеемся показать ниже, отличает *это*-конструкцию и в контексте других союзов.

1.3. Объяснение формальных свойств *это*-конструкции предлагаемой семантической интерпретацией

Предложенная интерпретация *это*-конструкции подтверждается тем, что она позволяет объяснить некоторые ее формальные свойства. Речь идет об ограничениях, которым подчиняется в *это*-конструкции матричный предикат (см. раздел 1.1.3); напомним их:

- в *это*-конструкции допустимы только фактивные предикаты;
- при условии, что *это* занимает позицию прямого дополнения, *это*-конструкция сомнительна с эмоциональными предикатами.

Первое ограничение прямо следует из предполагаемой семантической функции *это*-конструкции. Как мы стремились показать, основное назначение *это*-конструкции состоит в том, чтобы говорящий мог обращаться с информацией, истинностный статус которой неизвестен или зависит от временной локализации, как с безусловно истинной. Таковую безусловную истинность и обеспечивает статус семантической презумпции.

Второе ограничение объясняется тем, что местоимение *это* в составе *это*-конструкции обозначает факт. Будучи единицей ментальной природы, лишенной пространственно-временной локализации, факт не годится на роль объекта эмоции, ср. странность выражений *я люблю <ненавижу> этот факт* и т. п. Ту же причину имеет, по-видимому, затрудненная сочетаемость некоторых предикатов эмоциональной семантики с придаточным, вводимым союзом *что*, — такое придаточное «всегда несет в себе значение факта»; см. [Зализняк 1992: 41]. Единичные примеры сочетаний типа *люблю, что; ненавижу, что* и т. п., наличествующие в корпусе, представляются по меньшей мере нестандартными, ср.:

(68) *Я люблю, что ее начинают тихие мужские голоса* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961].

Заметим, что указанное ограничение касается только таких предикатов, которые выражают чистую эмоцию, без примеси ментального компонента. Большинство же предикатов с семантикой эмоции имеет смешанную природу [Зализняк 1992: 39], ср. такие глаголы,

¹⁸ Благодарим анонимного рецензента за это наблюдение.

как *бояться, надеяться* и т. п., а потому закономерно присоединяют *что*-придаточное. Можно думать, что наличием ментального компонента, в частности, отличается от предиката *любить* предикат *нравиться*, чем и обусловлена стандартность сочетания *нравиться* с союзом *что*.

Итак, на основе предлагаемой семантической интерпретации *это*-конструкции удается объяснить два формальных требования, предъявляемых к ее матричному предикату.

2. Это-конструкция с другими союзами

Помимо *если* и *когда*, в *это*-конструкции употребляются союзы (*до тех пор*) *пока, раз, поскольку, так как, хотя, несмотря на то что*¹⁹. Семантически эти союзы распадаются на два класса. К первому относится временной союз (*до тех пор*) *пока* (см. раздел 2.1). Второй составляют все прочие союзы: *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что* (см. раздел 2.2). Несмотря на то, что эти союзы выражают разные семантические отношения (*раз* — причинно-условное, *поскольку* и *так как* — причинное, *хотя* и *несмотря на то что* — уступительное), объединяющим их семантическим компонентом служит отсылка к некоторой общей закономерности, входящая в значение каждого из союзов.

Это-конструкция с указанными союзами ниже рассмотрена через призму предложенного описания *это*-конструкции с союзами *если* и *когда*.

2.1. Это-конструкция с союзом (*до тех пор*) *пока*

Приведем примеры *это*-конструкции с союзом (*до тех пор*) *пока*:

- (69) *До тех пор, пока рост цен на недвижимость опережает ставки по кредитам, это делает вас богаче* [Анна Рудницкая, Джеймс Кук. Почему аборигены не съели Кука // «Русский репортер», № 18 (48), 21—28 февраля 2008].
- (70) *⟨На нем огромная творческая ответственность и нагрузка.⟩ Пока он ее тянет, это дает ему силы оставаться в седле* [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

Поведение союза *пока* в составе *это*-конструкции, по-видимому, мало чем отличается от поведения союза *когда*. Это обусловлено семантическим сходством двух союзов: оба указывают на факт соприкосновения двух ситуаций во времени; только *когда* выражает «точечное» соприкосновение, а *пока* представляет зависимую ситуацию как временной интервал, рамками которого ограничена главная ситуация [РГ 1980: § 2965].

Подобно *когда*, *пока* вводит ситуацию, истинность которой представлена как зависящая от интервала на временной оси. Так, в (69) истинность ситуации ‘рост цен на недвижимость опережает ставки по кредитам’ не является вневременной — семантика союза *пока* ограничивает ее определенным временным промежутком. Так же и в (70) акцентировано, что имеющая место ситуация ‘он ее тянет’ не будет длиться вечно.

Как и в контексте *когда*, в контексте *пока* соответствующая ситуация, появляясь в предложении повторно в виде местоимения *это*, получает статус факта и семантической презумпции. Так, в предложениях (69) и (70) подразумевается, соответственно, *то, что*-конструкция (71a) и (72a), где смысл придаточного устойчив к воздействию отрицания (ср. (71б), (72б)):

¹⁹ В *это*-конструкции допустимы также более редкие синонимы перечисленных союзов, в настоящей работе не рассматриваемые: *ежели, коли, коль скоро, покуда* и т. п. Ср.:

- (i) *Ежели кофту порвали, это не означает, что ты должна телешом быть* [Виль Липатов. Деревенский детектив / Панка Волошина (1967—1968)].
- (ii) *Коли я застану его дома, это высвободит завтра массу времени* [Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)].

- (71) а. *То, что рост цен на недвижимость опережает ставки по кредитам, делает вас богаче* → ‘рост цен на недвижимость опережает ставки по кредитам’.
- б. *То, что рост цен на недвижимость опережает ставки по кредитам, не делает вас богаче* → ‘рост цен на недвижимость опережает ставки по кредитам’.
- (72) а. *То, что он ее тянет, дает ему силы оставаться в седле* → ‘он ее тянет’.
- б. *То, что он ее тянет, не дает ему сил оставаться в седле* → ‘он ее тянет’.

Таким образом, нет оснований усматривать у *это*-конструкции с *пока* иное функциональное назначение, чем у *это*-конструкции с *когда* и *если*. Это назначение, напомним, состоит по нашей гипотезе в смене семантического ракурса рассмотрения информации: от ситуации с «небезусловным» истинностным статусом (в контексте *пока* безусловность обеспечивается зависимостью от временной локализации) к факту с «безусловным» истинностным статусом.

2.2. *Это*-конструкция с союзами *раз, поскольку, так как, хотя, несмотря на то что*

Помимо *если, когда* и *пока*, в *это*-конструкции употребляются союзы *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что*. Приведем примеры с каждым из них:

- (73) а. *Раз половина меня осталась жить, и прожила так долго, в этом должен быть какой-то смысл* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)].
- б. *Поскольку сегодня у меня есть немного денег в банке, это значит, что в итоге я оказался в выигрыше* [Георгий Хабаров. «Красота может все испортить» (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.04].
- в. *Но так как Маяковский звонил и днем и ночью, это навело моих хозяев на грустные мысли* [С. С. Шамардина. Футуристическая юность (1960—1970)].
- г. *Хотя Советский Союз назывался Федерацией, это ничего не значило, до 1990-х годов Грузия фактически была частью России* [Виктор Лихачев. Поговорим о политике (2003) // «Встреча» (Дубна), 2003.06.18].
- д. *Несмотря на то что нашей стране сейчас есть чем гордиться, это практически не находит отражения в средствах массовой информации* [Александра Новикова. Государство должно иметь свой голос (2003) // «Независимая газета», 2003.04.28].

Это-конструкция с *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что* имеет ряд отличий от *это*-конструкции с *если* и *когда* и ряд сходств с ней. Перечислим основные из них.

Важное отличие, общее для союзов *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что*, заключается в том, что эти союзы привносят в значение *это*-конструкции отсылку к некоторой общей закономерности, проистекающей из знаний о мире или конситуации. Так, предложения (73а—д) отсылают, соответственно, к следующим общим представлениям: ‘если что-то случается, в этом должен быть смысл’; ‘наличие денег в банке — положительный факт’; ‘звонки и днем и ночью — тревожный знак’; ‘статус федерации влечет за собой определенные последствия’; ‘о достижениях страны не стоит умалчивать’. Такого рода обобщения — часть семантики обсуждаемых союзов (*о раз, несмотря на то что* и *хотя* см. [Урысон 2011]; *о поскольку* и *так как* см. [Латышева 1982]). При этом ассерция синонимичных *несмотря на то что* и *хотя* состоит в опровержении соответствующего обобщения (‘в данном случае это не так’), а ассерция семантически близких *раз, поскольку* и *так как* состоит, наоборот, в подтверждении его (‘это так и в данном случае’).

Отмеченная семантическая особенность данных союзов особым образом ограничивает возможное лексическое наполнение *это*-конструкции с ними: наполнение должно быть

таким, чтобы семантические свойства союзов могли реализоваться. Так, в примере (74а) (=73г) обязательно наличие отрицания при матричном предикате *значить* — в отсутствие отрицания не находится естественной общей закономерности, опровергнуть которую призван союз *хотя*. Ср. странность этого примера без *не* в (74б):

(74) а. (=73г) *Хотя Советский Союз назывался Федерацией, это ничего не значило.*

б. ^{??}*Хотя Советский Союз назывался Федерацией, это что-то значило.*

Союз *раз* в этом контексте ведет себя противоположным образом — требует отсутствия *не*, поскольку в соответствии с семантикой *раз* подразумеваемая общая закономерность должна быть не опровергнута, а подтверждена. Ср.:

(75) а. ^{??}*Раз Советский Союз назывался Федерацией, это ничего не значило.*

б. *Раз Советский Союз назывался Федерацией, это что-то значило.*

Приведем также следующую пару контрастных примеров, заимствованных из работы [Подлеская 1999: 269]:

(76) а. **Поскольку он женится, это никого не удивит.*

б. ^{ок}*Если он женится, это никого не удивит.*

Согласно интерпретации этих примеров в указанной работе, вводимое *поскольку* придаточное (в отличие от придаточного, вводимого *если*) не может быть антецедентом местоимения *это*, входящего в состав главной клаузы. В наших терминах, это эквивалентно утверждению, что союз *поскольку*, в отличие от союза *если*, не употребляется в *это*-конструкции. Однако причина неприемлемости примера (76а) видится не в том, что *поскольку* вообще недопустим в составе *это*-конструкции (такое предположение опровергается примером (73б)), а в том, что в (76а) трудно усмотреть общую закономерность, отсылка к которой входит в значение *поскольку*.

Обратимся к сходствам *это*-конструкции с *раз*, *поскольку*, *так как*, *хотя* и *несмотря на то что* с *это*-конструкцией в контексте *если* и *когда*²⁰.

Прежде всего, местоимение *это* и в рассматриваемом случае отсылает к *то, что*-придаточному, получаемому заменой на *то, что* союзов *раз*, *поскольку*, *так как*, *хотя* и *несмотря на то что*. Так, для примеров (73а—д) развергивание *это* в *то, что*-придаточное дает следующий результат, не искажающий, как кажется, семантику исходных предложений (в (77а) для краткости и большей естественности замены восстановлено не само подразумеваемое придаточное, а замещающее его анафорическое выражение *так случилось*):

(77) а. *Раз половина меня осталась жить, и прожила так долго, в том, что так случилось, должен быть какой-то смысл.*

б. *Поскольку сегодня у меня есть немного денег в банке, то, что деньги есть, значит, что в итоге я оказался в выигрыше.*

²⁰ Не исключено, что в контексте, по крайней мере, некоторых из рассматриваемых пяти союзов не происходит преобразования ситуации в факт, отмеченного нами для контекста союзов *когда* и *если*. Такое предположение оправдано прежде всего для случая союза *несмотря на то что*, содержащего компонент *то, что*, ассоциируемый с обозначением факта (см. подробнее раздел 1.2). Если это верно, то налицо еще одно важное отличие *это*-конструкции с *если* и *когда* от *это*-конструкции в контексте других союзов (по крайней мере, в контексте *несмотря на то что*). Подробное рассмотрение вопроса оставлено за рамками работы: как демонстрируется ниже, общее функциональное назначение, не зависящее от выбора союза, обнаруживается у *это*-конструкции и без обращения к оппозиции ситуация vs. факт.

- в. *Но так как Маяковский звонил и днем и ночью, то, что он звонил, наводило моих хозяев на грустные мысли.*
- г. *Хотя Советский Союз назывался Федерацией, то, что он так назывался, ничего не значило.*
- д. *Несмотря на то что нашей стране сейчас есть чем гордиться, то, что ей есть чем гордиться, практически не находит отражения в средствах массовой информации.*

Другое сходство состоит в том, что и здесь подразумеваемому *то, что*-придаточному соответствует семантическая презумпция. Для примеров (73а—д) отрицание соответствующих *то, что*-конструкций (ср. (78а), (79а), (80а), (81а), (82а)) дает предложения (78б), (79б), (80б), (81б), (82б), в которых смысл *то, что*-придаточного отрицанием не затронут:

- (78) а. *В том, что половина меня осталась жить, и прожила так долго, должен быть какой-то смысл* → ‘Половина меня осталась жить, и прожила так долго’.
- б. *В том, что половина меня осталась жить, и прожила так долго, не должно быть никакого смысла* → ‘Половина меня осталась жить, и прожила так долго’.
- (79) а. *То, что сегодня у меня есть немного денег в банке, значит, что в итоге я оказался в выигрыше* → ‘Сегодня у меня есть немного денег в банке’.
- б. *То, что сегодня у меня есть немного денег в банке, не значит, что в итоге я оказался в выигрыше* → ‘Сегодня у меня есть немного денег в банке’.
- (80) а. *То, что Маяковский звонил и днем и ночью, наводило моих хозяев на грустные мысли* → ‘Маяковский звонил и днем и ночью’.
- б. *То, что Маяковский звонил и днем и ночью, не наводило моих хозяев на грустные мысли* → ‘Маяковский звонил и днем и ночью’.
- (81) а. *То, что Советский Союз назывался Федерацией, ничего не значило* → ‘Советский Союз назывался Федерацией’.
- б. *То, что Советский Союз назывался Федерацией, что-то значило* → ‘Советский Союз назывался Федерацией’.
- (82) а. *То, что нашей стране сейчас есть чем гордиться, практически не находит отражения в средствах массовой информации* → ‘Нашей стране сейчас есть чем гордиться’.
- б. *То, что нашей стране сейчас есть чем гордиться, находит отражение в средствах массовой информации* → ‘Нашей стране сейчас есть чем гордиться’.

Наконец, третье сходство мы усматриваем в том, что, подобно контексту союза *когда*, придаточные, вводимые союзами *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что*, получают истинностный статус, в определенном смысле «небезусловный». Напомним, что под *небезусловностью истинностного статуса* мы понимаем выражаемую союзом зависимость истинностного значения от тех или иных условий. Так, в контексте *когда* безусловность вызвана зависимостью истинностного значения подчиненной пропозиции от отрезка или точки на временной оси. В контексте *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что* безусловность также наличествует, хотя и имеет иную природу.

Дело в том, что в конструкции вида *Раз* ⟨*Поскольку, Так как, Хотя, Несмотря на то что*⟩ *A, B*, с одной стороны, утверждается истинность *A*, а с другой стороны — имплицитруется ‘в других обстоятельствах могло бы быть не *A*’. Так, в предложении

- (83) *Раз ты просишь, я подожду!* [Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)]

«угадывается»: ‘мог бы не просить’. Аналогично смысл ‘могло бы быть не А’ (или: ‘бывает, что не А’) ощущается в (84)—(87):

- (84) *Поскольку эти матрицы симметрические, то достаточно указать лишь одну симметричную часть каждой из матриц* [Задачи синтеза сетей синхронной иерархии // «Информационные технологии», 2003] — ‘Матрицы могли бы быть несимметрические’.
- (85) *Так как в двухтомнике моем множество имен, дат и цитат на древнерусском языке, то корректура будет трудная* [Ю. Сазонова, Н. Н. Евреинов, А. А. Евреинова. Переписка (1937—1954)] — ‘В книге могло бы и не быть множества имен на древнерусском’.
- (86) *Хотя руководство лиги дало зеленый свет фармацевтической рекламе, оно ввело некоторые новые запреты* [NFL отменяет запрет на рекламу компаний, производящих лекарственные товары (2003) // «Рекламный мир», 2003.04.28] — ‘Фармацевтическую рекламу могли бы и не разрешить’.
- (87) *Несмотря на то что в Костином ответе была своя железная логика, я все-таки решил ему задать еще один вопрос* [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)] — ‘В Костином ответе могло бы и не быть железной логики’.

Вообще говоря, любое утверждение А порождает, по-видимому, импликацию ‘могло бы быть не А’. Так, высказывание *Ты пришел* подразумевает ‘ты мог бы не прийти’. Возникновение такой импликации объяснимо «постулатом информативности» Грайса [Grice 1975]: если априори известно, что не может быть не А, то сообщение, что А, лишено информативности.

Однако пропозиция, выражаемая в придаточном, такой импликации может и не иметь. Чтобы убедиться в этом, сравним союз *поскольку* с также причинным союзом *оттого что*:

- (88) а. *Оттого, что окна почти всюду забиты фанерой, в комнате темно* [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994—2003)].
- б. *Поскольку окна почти всюду забиты фанерой, в комнате темно.*

Представляется, что предложение с *поскольку* (88б) в большей степени стимулирует мысль ‘окна могли бы не быть забиты фанерой’, чем предложение с *оттого что* (88а). Формулировка «стимулирует мысль», конечно, неформальная, однако мы не находим способа выразить данное тонкое различие между (88а) и (88б), используя общепринятую терминологию. В (88а) и в (88б) подчиненная пропозиция получает одно и то же истинностное значение: говорящий в обоих случаях считает истинным, что *окна почти всюду забиты фанерой*. Различие — в способе представления этого истинностного значения: в (88а) истинность зависимой пропозиции только констатирована, а в (88б) констатации сопутствует мысль о нереализовавшейся, но в других обстоятельствах допустимой альтернативной возможности.

Три перечисленных сходства (стоящее за местоимением *это то, что*-придаточное; презумптивный статус этого придаточного; «небезусловный»), в указанном выше смысле, истинностный статус придаточного) позволяют заключить, что в контексте союзов *раз, поскольку, так как, хотя и несмотря на то что это*-конструкция служит, в сущности, той же смысловой метаморфозе, которую мы выше усмотрели в контексте *если и когда*. Пропозиция А, представленная сначала, в придаточном, как безусловно истинная (‘могло бы быть не А’), затем, с помощью местоимения *это*, превращается в безусловно истинную. Это дает возможность говорящему абстрагироваться от потенциальной (пусть не реализовавшейся) возможности неосуществления А, сосредоточившись на свершившейся данности.

Так, в предложении (89) говорящий сначала (в придаточном) представляет пропозицию ‘мы появились здесь’ как потенциально неосуществленную, а затем (в местоимении *это*) выносит возможность ее неосуществления за рамки рассмотрения:

- (89) «Раз мы появились здесь, это не случайно», — заявила журналистам жена Руцкого [Вячеслав Костиков. Роман с президентом (1996)].

Можно говорить, таким образом, что функция преобразования «небезусловно истинного» в «безусловно истинное» является для *это*-конструкции общей, не зависящей от выбора союза.

Рассмотренный материал позволяет, вместе с тем, предположить, почему, несмотря на наличие указанной общей функции, *это*-конструкция с союзами *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что* ощущается как периферийная по сравнению с *это*-конструкцией, содержащей *если* и *когда*.

Во-первых, пропозиция, вводимая *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что*, получает истинностный статус, независимый от момента времени. Ее безусловная истинность основывается на одной лишь «деликатной», не бросающейся в глаза импликация 'в других обстоятельствах могло бы быть не А'. Между тем в случае *если* и *когда* «небезусловность» более весомая: в контексте *если*, напомним, истинностный статус у зависимой пропозиции не определен вовсе, а в контексте *когда* он зависит от момента на временной оси — чего-то более осязаемого, чем воображаемые другие обстоятельства. В результате переход от «небезусловно истинного» к «безусловно истинному» более резкий и наглядный в контексте *если* и *когда*, чем в контексте *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что*.

Во-вторых, союзы *раз, поскольку, так как, хотя* и *несмотря на то что* создают более узкие условия употребления *это*-конструкции, поскольку обладают специфическими семантическими свойствами (указание на общую закономерность; опровержение ее в случае *хотя* и *несмотря на то что* и подтверждение в случае *раз, поскольку* и *так как*). Реализация этих свойств теснит, а иногда и отодвигает на задний план отмеченную общую функцию *это*-конструкции.

3. Почему именно эти союзы употребляются в *это*-конструкции?

Союзов, употребляющихся в *это*-конструкции, в общей сложности восемь (если не считать их синонимов, см. сноску 19): *если, когда, (до тех пор) пока, раз, поскольку, так как, хотя, несмотря на то что*. Для сравнения, причинные союзы *оттого что* и *из-за того что* (семантически близкие *поскольку* и *так как*) в составе *это*-конструкции недопустимы. Ср. *это*-конструкцию с *оттого что* в (90а), (91а), с *из-за того что* в (90б), (91б) и с *так как* в (90в), (91в):

- (90) а. **Оттого что Маяковский звонил и днем и ночью, это наводило моих хозяев на грустные мысли.*
 б. **Из-за того что Маяковский звонил и днем и ночью, это наводило моих хозяев на грустные мысли.*
 в. (= (73в)) *Так как Маяковский звонил и днем и ночью, это наводило моих хозяев на грустные мысли* [С. С. Шамардина. Футуристическая юность (1960—1970)].
- (91) а. **Оттого что сначала она не знала ни слова по-русски, это много способствовало нашим успехам и мы очень скоро стали свободно болтать по-французски.*
 б. **Из-за того что сначала она не знала ни слова по-русски, это много способствовало нашим успехам и мы очень скоро стали свободно болтать по-французски.*
 в. *Так как сначала она не знала ни слова по-русски, это много способствовало нашим успехам и мы очень скоро стали свободно болтать по-французски* [Н. П. Карабчевский. Что глаза мои видели. Том первый. В детстве (1921)].

Не употребляются в *это*-конструкции и союзы *после того как* и *прежде чем*, так же, как и союзы *когда* и *пока*, временные. Ср. (92а) с (92б) и (93а) с (93б):

- (92) а. ^{??}*После того, как они расстались, это не пошло на пользу ни тому, ни другому.*
 б. *Когда они расстались, это не пошло на пользу ни тому, ни другому* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)].
- (93) а. **Прежде чем Колеватова арестовали, это всех нас повергло в шок.*
 б. *Когда Колеватова арестовали, это всех нас повергло в шок* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)].

Чем объяснить, что круг союзов, допустимых в составе *это*-конструкции, именно таков?

Рассмотренный материал позволяет высказать следующее предположение. Допустимость союза в составе *это*-конструкции обусловлена наличием у предложения с этим союзом импликации: ‘может или могло бы быть не А’, где А — пропозиция вводимого союзом придаточного.

В контексте восьми союзов, употребляющихся в *это*-конструкции, указанная импликация, как мы убедились выше, наличествует. Так, у придаточного, вводимого *если*, истинностный статус неопределен. Истинностный статус придаточного, вводимого *когда*, или также неопределен, или зависит от отрезка (точки) на временной оси, что равносильно импликации ‘А имеет место в одни периоды (моменты) и не имеет места в другие’. Аналогичную импликацию порождает и временной союз (*до тех пор*) *пока*. Наконец, в контексте *раз, поскольку, так как, хотя и несмотря на то что* действует импликация ‘в других обстоятельствах могло бы быть не А’.

Однако, например, союз *оттого что*, недопустимый в составе *это*-конструкции, не порождает и указанной импликации, см. обсуждение примеров (88а, б) в разделе 2.2.

Отсутствие у *оттого что* соответствующей импликации — при ее наличии у *раз, поскольку, так как, хотя и несмотря на то что* — может, в свою очередь, объясняться следующим обстоятельством. Союзы *раз, поскольку, так как, хотя и несмотря на то что* выражают присущее им значение через отсылку к некоторой общей закономерности (см. подробнее раздел 2.2). Последняя же удачно формулируется с помощью условно-следственной конструкции *если А, то В*; не случайно предлагавшиеся толкования этих союзов (см. [Латышева 1982; Урысон 2011] и др.) включают условно-следственный компонент. Поскольку посылка условного отношения не определена по параметру истинностного статуса, можно думать, что импликация ‘могло бы быть не А’ как раз и привносится в значение обсуждаемых союзов наличием условного компонента. Союз *оттого что*, выражающий причинное значение без отсылки к условию, не получает и соответствующей импликации.

Так же, как *оттого что*, ведет себя и союз *из-за того что*: не содержит отсылки к общей закономерности и не употребляется в составе *это*-конструкции.

Предполагаемая потребность в импликации ‘может или могло бы быть не А’ естественно следует из предложенной семантической интерпретации *это*-конструкции. Если общая для всех союзов функция *это*-конструкции — в том, чтобы «небезусловное» представить как «безусловное», то обсуждаемая импликация как раз и обеспечивает требуемую «небезусловность».

ПРИМЕЧАНИЕ 3. В работе [Подлеская 1999: 269] пример *это*-конструкции (*Если он женится, это никого не удивит*) рассмотрен как иллюстрация известного свойства условного придаточного — его топикальности; см. [Haiman 1978; Podlesskaya 2001] и др. Наша интерпретация материала связывает существование *это*-конструкции с другим (не менее, а может быть, более характерным) свойством условного придаточного — его неопределенностью в терминах истинностного статуса (иначе — снятой утвердительностью).

Наличие указанной импликации, однако, — необходимое, но недостаточное условие для того, чтобы союз был допустим в составе *это*-конструкции. Так, временные союзы *после того как* и *прежде чем*, как и союзы *когда* и *пока*, указывают на зависимость истинностного статуса подчиненной пропозиции от временной локализации и, стало быть, порождают нужную импликацию. Тем не менее в составе *это*-конструкции данные союзы не употребляются (ср. (92а), (93а)). Почему?

Причина, как кажется, в том, что индивидуальные семантические свойства союзов *после того как* и *прежде чем* вступают в противоречие с семантикой *это*-конструкции. Проиллюстрируем это утверждение на материале следующего неприемлемого предложения (94) (=93а):

(94) (=93а)**Прежде чем Колеватова арестовали, это всех нас повергло в шок.*

Союз *прежде чем* выражает смысл: ‘ситуация, выраженная в главной клаузе, предшествует по времени ситуации, выраженной в зависимой клаузе’. Напомним, что в составе *это*-конструкции зависимая ситуация (‘Колеватова арестовали’ в (94)) представлена дважды — в придаточном и в местоимении *это*, причем в последнем случае она получает статус семантической презумпции, снимающий зависимость истинностного статуса от временной локализации. В результате в (94) главная ситуация ‘повергло в шок’, которая по замыслу союза *прежде чем* должна предшествовать во времени зависимой ситуации ‘Колеватова арестовали’, оказывается реакцией на эту ситуацию как на свершившуюся данность. Более наглядным это семантическое противоречие становится при развертывании *это* в *то, что*-придаточное:

(95) #*Прежде чем Колеватова арестовали, то, что его арестовали, всех нас повергло в шок.*

Иной семантический конфликт возникает в контексте союза *после того как*; проиллюстрируем его на следующем примере:

(96) (=92а) ^{??}*После того, как они расстались, это не пошло на пользу ни тому, ни другому.*

После того как выражает, что зависимая ситуация (‘они расстались’) предшествует во времени главной ситуации (‘не пошло на пользу’). При этом всякое предложение с этим союзом (*После того как А, В*) порождает импликацию, представляемую с помощью антонимичного союза *до того как*: ‘до того как А, не В’. Так, предложение *После того как картошка сварится, нужно слить воду* порождает импликацию ‘До того, как картошка сварится, воду сливать не нужно’. В контексте *это*-конструкции (96) указанная импликация принимает следующий вид: ‘до того, как они расстались, то, что они расстались, пошло на пользу и тому и другому’. Но этот смысл семантически аномален: реакция на расставание не может предшествовать во времени самому расставанию. Таким образом, употреблению союза *после того как* в *это*-конструкции препятствует то обстоятельство, что импликация, порождаемая этим союзом, в контексте *это*-конструкции оказывается семантически аномальной.

Итак, наша гипотеза такова: к числу союзов, недопустимых в составе *это*-конструкции, относятся, во-первых, все те союзы, которые не порождают импликации ‘может или могло бы быть не А’, и во-вторых, союзы, порождающие требуемую импликацию, но не совместимые с *это*-конструкцией в силу индивидуальных семантических особенностей. Гипотеза подтверждена поведением восьми союзов, употребляющихся в *это*-конструкции (*если, когда, (до тех пор) пока, раз, поскольку, так как, хотя, несмотря на то что*), а также поведением союзов *оттого что, из-за того что, после того как и прежде чем*, в *это*-конструкции не употребляющихся. Анализ прочих союзов, необходимый для дальнейшего подтверждения (или опровержения) гипотезы, остается за рамками рассмотрения.

Заключение

Рассмотренная полипредикативная конструкция с местоимением *это* (ср. *Если (Когда, Хотя...) P, это Q*) привлекает к себе внимание нестандартными семантико-синтаксическими свойствами.

С семантической точки зрения необычно вхождение одной и той же пропозиции сначала в состав зависимой, затем в состав главной клаузы. При этом говорить о том, что придаточное просто вводит в рассмотрение соответствующую пропозицию в рамках своего рода стратегии топикализации (как, например, в конструкции вида *Что солнце светит, это хорошо*) — не приходится: местоимение *это* не является в чистом виде «дублером» придаточного.

С синтаксической точки зрения нестандартным представляется вхождение в одну и ту же полипредикативную конструкцию двух пропозиций, с одной стороны, анафорически связанных, а с другой стороны, обладающих разным синтаксическим статусом относительно матричного предиката: статусом сирконстанта (придаточное) и актанта (местоимение *это*).

По нашему предположению, основная семантическая функция *это*-конструкции состоит в том, чтобы пропозицию, чей истинностный статус в том или смысле безусловен (неизвестен или зависит от времени и/или обстоятельств), представить как безусловно истинную, с тем чтобы прокомментировать эту пропозицию с точки зрения ее безусловной истинности. Данная функция реализуется посредством получения пропозицией в ее втором вхождении (в виде местоимения *это*) статуса семантической презумпции.

В контексте союз *если* и *когда*, центральных для *это*-конструкции, второе вхождение соответствующей пропозиции отличается от первого вхождения не только приобретением статуса семантической презумпции, но и заменой статуса ситуации на статус факта. То, что два статуса — факта и семантической презумпции — в ядерных употреблениях *это*-конструкции идут рука об руку, кажется неслучайным. Ситуации (единице физической природы) свойственно зависеть от времени и обстоятельств, а факт (единица ментальной природы), наоборот, представляет собой результат абстрагирования от них.

Предложенный анализ позволил объяснить основные формальные свойства *это*-конструкции, в частности то, что матричный предикат в ее составе обязан обладать свойством фактивности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1985 — Арутюнова Н. Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 13—24. [Arutyunova N. D. Processes and facts as objects of axiological attitude. *Voprosy jazykoznanija*. 1985. No. 3. Pp. 13—24.]
- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. [Arutyunova N. D. *Typy jazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Добрушина (в печати) — Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Москва: Языки славянской культуры. (в печати). [Dobrushina N. R. *Soslagatel'noe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoi semantiki* [Subjunctive mood in Russian: A study of grammatical semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury. In print.]
- Зализняк 1992 — Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner Verlag, 1992. [Zaliznyak Anna A. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Studies in the semantics of inner state predicates]. München: Otto Sagner Verlag, 1992.]
- Зализняк, Микаэлян 1988 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. Об одном способе разрешения неоднозначности в глаголах пропозициональной установки // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Школа-семинар «Боржоми-88». Тезисы докладов. М.: ВИНТИ, 1988. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L. A means of disambiguation in the verbs of propositional attitude. *Semioticheskie aspekty formalizatsii intellektual'noi deyatel'nosti. Shkola-seminar «Borzhomi-88». Tezisy dokladov*. Moscow: VINITI, 1988.]

- Краткая русская грамматика 2002 — Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др.; Под ред. Шведовой Н. Ю., Лопатина В. В. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. [Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N. et al. *Kratkaya russkaya grammatika* [Condensed Russian grammar]. Shvedova N. Yu., Lopatin V. V. (eds.). Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2002.]
- Латышева 1982 — Латышева А. Н. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1982. № 5. С. 51—59. [Latysheva A. N. On the semantics of conditional conjunctions, conjunctions of reason and concessive conjunctions in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 1982. No. 5. Pp. 51—59.]
- Лютикова 2010 — Лютикова Е. А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 36—76. [Lyutikova E. A. On the categorial status of noun phrases in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2010. No. 6. Pp. 36—76.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Апресяна Ю. Д. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka [The new explanatory dictionary of Russian synonyms]. Under general supervision of acad. Apresjan Yu. D. 2nd edition. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Падучева 1977 — Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М.: ВНИТИ, 1977. С. 91—124. [Paducheva E. V. The concept of presumption in linguistic semantics. *Semiotics and informatics*. No. 8. Moscow: VNIIT, 1977. Pp. 91—124.]
- Падучева 1982 — Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства слова *это* // Григорьев В. П. (ред.). Проблемы структурной лингвистики 1980. М.: Наука, 1982. С. 76—91. [Paducheva E. V. The meaning and syntactic characteristics of the word *ETO*. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1980*. Grigor'ev V. P. (ed.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 76—91.]
- Падучева 1986 — Падучева Е. В. О референции языковых выражений с непредметным значением // НТИ. Сер. 2. 1986. № 1. С. 23—31. [Paducheva E. V. On the referential status of linguistic expressions with nonobject meaning. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*. Ser. 2. 1986. No. 1. Pp. 23—31.]
- Падучева 2005 — Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2(10). С. 17—42. [Paducheva E. V. Effects of suspended assertion: Global negation. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2005. No. 2 (10). Pp. 17—42.]
- Подлеская 1995 — Подлеская В. И. Импликативные конструкции: некоторые проблемы типологической классификации // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 77—84. [Podlesskaya V. I. Implicative structures: Some problems of typological classification. *Voprosy yazykoznaniya*. 1995. No. 6. Pp. 77—84.]
- Подлеская 1999 — Подлеская В. И. Условные конструкции: стратегии кодирования и функциональная мотивация // Тестелец Я. Г., Рахилина Е. В. (ред.) Типология и теория языка: от описания к объяснению (К 60-летию А.Е.Кибрика). Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 255—273. [Podlesskaya V. I. Conditional structures: Coding strategies and functional motivation. *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'asneniyu (K 60-letiyu A. E. Kibrika)*. Testelet's Ya. G., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999. Pp. 255—273.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]: in 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in the semantic-pragmatic space]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Сердобольская 2011 — Сердобольская Н. В. К типологии выражения значения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами // Доклад на восьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2011. [Serdobol'skaya N. V. On the typology of generic event meaning expression in structures with sentential actants. *Doklad na vos'moi konferentsii po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. St. Petersburg, 2011.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [An attempt of description of conjunctions semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Bhatt, Pancheva 2006 — Bhatt R., Pancheva R. Conditionals. *The Blackwell companion to syntax*. Vol. 1. Evertaert M., van Riemsdijk H. (eds.). Boston: Blackwell, 2006. Pp. 638—687.

- Grice 1975 — Grice H. P. Logic and conversation. *Syntax and Semantics. Vol. III. Speech Acts*. Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York: Academic Press, 1975. Pp. 41—58.
- Haiman 1978 — Haiman J. Conditionals are Topics. *Language*. 1978. Vol. 54. No 3. Pp. 564—589.
- Kiparsky P., Kiparsky C. 1968 — Kiparsky P., Kiparsky C. Fact. *Recent advances in linguistics*. Bierwisch M., Heidolph K. (eds.). The Hague: Mouton, 1968.
- Lambrech 2001 — Lambrecht K. A framework for the analysis of cleft constructions. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. No 3. Pp. 463—516.
- Letuchiy 2015 — Letuchiy A. Factivity and unreal contexts: The Russian case. *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Arkadiev P., Kapitonov I., Lander Yu., Rakhilina E. V., Tatevosov S. (eds.). Moscow: Languages of Slavic culture, 2015. Pp. 156—178.
- Palermo 2012 — Palermo M. Le scisse pseudocondizionali a focus causale e finale nella storia dell'italiano. *La variazione nell'italiano e nella sua storia. Varietà e varianti linguistiche e testuali*. Bianchi P., De Blasi N., De Caprio C., Montuori F. (a c. di). Firenze: Cesati, 2012. Pp. 347—358.
- Peterson 1997 — Peterson P. Fact. *Proposition. Event*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1997.
- Podlesskaya 2001 — Podlesskaya V. I. Conditional constructions. *Language typology and language universals*. Vol. 2. Haspelmath M., Koenig E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2001. Pp. 998—1010.

Статья поступила в редакцию 22.01.2016.

ФЕНОМЕН ПЕРИФЕРИЙНОГО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ СЕТЕЙ: РУССКИЕ ПРИСТАВКИ *ПРИ-* И *ПОД-*

© 2016

Анастасия Борисовна Макарова

Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Тромсё, 9037, Норвегия
anastasia.makarova@uit.no

В статье на примере сопоставительного анализа семантики русских приставок *при-* и *под-* показаны преимущества представления лингвистических единиц со сложной семантикой в терминах сетей значений с прототипом и периферией перед прочими способами описания (списки значений, инварианты). Подобный анализ позволяет обнаружить сходства и различия между лингвистическими единицами, а также лучше понять устройство частичных синонимов. В отличие от существующих работ, в которых описывается пересечение прототипов и центральных элементов сетей значений, в центре внимания данной работы оказывается пересечение таких сетей в периферийной области. Так, в статье показано, что сети значений приставок *при-* и *под-* с разными пространственными прототипами обнаруживают значительную зону пересечения на периферии. В зоне пересечения, в частности, оказывается аттенуативность и значения, сопредельные с аттенуативным. В работе, выполненной на материале данных Национального корпуса русского языка с привлечением инструментария когнитивной лингвистики, предлагается описание связи аттенуативного (в широком смысле) значения с пространственным у этих двух приставок и объясняется существование зоны пересечения.

Ключевые слова: аттенуативы, периферийное пересечение, радиальные категории, русский язык, семантика, частичная синонимия

THE PHENOMENON OF PERIPHERAL OVERLAP IN SEMANTIC NETWORKS: RUSSIAN PREFIXES *PRI-* AND *POD-*

Anastasia B. Makarova

University of Tromsø — The Arctic University of Norway, Tromsø, 9037, Norway
anastasia.makarova@uit.no

Using a comparative analysis of the semantics of Russian prefixes *pri-* and *pod-*, the present article demonstrates the advantages of representing linguistic units characterized by complex semantics in terms of semantic networks with prototype and periphery. This kind of analysis enables us to identify similarities and differences between linguistic units, as well as helps us better understand partial synonymy. Unlike other existing works, where the overlap in the prototype and central elements of semantic networks is described, we focus on the peripheral overlap of semantic networks. We show that semantic networks of the prefixes *pri-* and *pod-* in Russian, which have different spatial prototypes, display a significant overlap on the periphery of their radial categories. In the overlapping zone we find attenuativity and the related submeanings. Using the toolbox of cognitive linguistics and data from the Russian National Corpus, we reveal connections between attenuative and spatial submeanings of the two prefixes and explain the existence of the overlap between their semantic networks.

Keywords: attenuatives, partial synonymy, peripheral overlap, radial categories, Russian, semantics

Введение

Вряд ли лингвиста или любого носителя русского языка придется долго убеждать в том, что приставки *при-* и *под-* имеют разные значения. Однако такие примеры, как (1) и (2), указывают на то, что ситуация не является столь однозначной¹:

- (1) *...в последние дни могло показаться, что люди уже **призабыли** об этих убийцах в белых халатах, но сегодняшние газеты дали новую встряску* [Аркадий Львов. Двор (1981)].
- (2) *Гостья уже **подзабыла** колхозные председательские обычаи, но даже вспомнив, все равно удивилась* [Борис Екимов. Пиночет (1999)].

Чем объясняется взаимозаменяемость приставок в вышеприведенных примерах, и в чем же на самом деле состоят различия и сходства между приставками *при-* и *под-*? Являются ли *при-* и *под-* (частичными) синонимами, когда употребляются в качестве маркеров аттенуативности, то есть пониженной интенсивности по сравнению с заданным стандартом [Isačenko 1982: 396; Зализняк, Шмелев 2000: 120], как в (1) и (2)? Если да, то как объяснить выбор приставки в каждом конкретном случае?

Представляется, что поиск инвариантного значения приставок в духе Р. О. Якобсона [Jakobson 1936; Flier 1975; Gallant 1979; Paillard 1995] не поможет найти удовлетворительного ответа на эти вопросы, так как инвариантные значения часто оказываются излишне абстрактными, и объяснить конкретные употребления на основе инварианта зачастую не просто [Wierzbicka 1980]. Более информативными могут оказаться списки значений приставок как полисемичных единиц [Bogusławski 1963]. Однако наиболее продуктивным для выявления сходств и различий между приставками видится подход к семантике приставок в терминах сети взаимосвязанных значений, где одно из значений является центральным. Одним из первых такой подход применил К. Робертс в своей работе о приставке *о(б)-* [Roberts 1974]. С работами Э. Рош [Rosch 1973; 1975] в лингвистику из психологии стали проникать идеи о прототипах и радиальных категориях, которые со временем легли в основу когнитивной лингвистики [Lakoff 1987]. Поиски внутренних систематических отношений между подзначениями русских приставок активно начались с работы Ж. Вейренка [Veuyens 1980], который постулировал, что пространственное значение является прототипическим для приставок. Позднее идея прототипов и семантических сетей была использована Л. Яндой, которая описывает связи между подзначениями в терминах метафоры и метонимии [Janda 1986; 1988; Janda et al. 2013]. Подобный подход, несмотря на терминологические различия, был принят М. А. Кронгаузом [1995; 1997; 1998; 2001], который пользуется понятием сценария, где сценарий есть набор ситуаций и правил, определяющих переходы от одной ситуации к другой.

В данной статье мы рассматриваем значения приставок как сети связанных между собой значений, которые организованы вокруг прототипа. Особое внимание в статье занимает теоретический вопрос о типах взаимодействия сетей значений. Сети значений лингвистических единиц могут иметь зоны пересечения, в которых эти единицы оказываются синонимичными. Зоны пересечения могут существовать в центральной части сети значений, а могут обнаруживаться на периферии, таким образом, наличие общей семантики может быть более и менее очевидным.

В отличие от большинства существующих исследований, сосредоточенных на отдельных приставках, где сопоставления с другими префиксами носят побочный характер, наша работа имеет своей целью именно сопоставительный анализ семантики русских глагольных приставок *при-* и *под-* и выявление различий и зон пересечения между этими двумя морфемами. Основывая свой анализ на существующих описаниях приставок

¹ Все примеры в тексте взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

при- и *под-* по отдельности, мы рассматриваем сходства и различия между ними, которые в перспективе облегчают анализ примеров типа (1) и (2), где *призабыть* и *подзабыть* используются как синонимы и имеют значение аттенуатива. Оговоримся, что в данной статье идея аттенуативности понимается широко (см. описание зоны аттенуативности и смежных подзначений приставок в разделе 3) и, в частности, не ограничивается случаями «чистых аттенуативов», образованных от глаголов совершенного вида типа *открыть* — *приоткрыть*, которые, несомненно, представляют собой прототипический случай. Анализ аттенуативного способа действия и его сопоставление с другими способами действия не является центральной задачей данной работы, аргументы в пользу широкого понимания зоны аттенуативности подробно изложены в [Макарова 2014: 101—113].

Локальная проблема синонимичного употребления приставок *при-* и *под-* как маркеров аттенуативности может быть представлена в контексте более широкого теоретического вопроса о природе и свойствах синонимии в языке. Предлагаемый ниже анализ соответствует идеям Ф. де Соссюра [de Saussure 1916/1972], Л. Блумфилда [Bloomfield 1933: 145] и А. Голдберг [Goldberg 1995: 67] об отсутствии синонимии в языке, во всяком случае, полной синонимии. Работы Московской семантической школы также наглядно демонстрируют, что детальный анализ семантики лексических синонимов приводит к их разграничению (см., в частности, [НОСС 2003]). В данной статье мы сосредоточимся на вопросе о синонимии морфем.

Статья структурирована следующим образом. В разделах 1 и 2 представлен обзор существующих работ по семантике приставок *при-* и *под-*, раздел 3 посвящен описанию зоны пересечения в семантике двух приставок. В разделе 4 предлагается описание прототипического значения двух приставок, а также семантическая мотивация развития аттенуативного значения у обеих приставок. Общие выводы представлены в Заключение.

1. *При-* в лингвистической литературе

Существующие описания приставки *при-* можно разделить на две основные группы в зависимости от использованного подхода. С одной стороны, существуют работы, в которых наибольший акцент сделан на определении формальной схемы и абстрактных свойств приставки [Ле Гийю де Пенанрос 1997; Добрушина, Пайар 2001; Kagan 2013], с другой стороны, есть работы, в которых наиболее пристальное внимание уделяется семантическим функциям приставки в конкретных употреблениях и связям между различными функциями [Якунина 2001; Endresen et al. 2012; Kuznetsova 2012; Janda et al. 2013]. Коротко остановимся на некоторых работах.

Согласно анализу Е. Р. Добрушиной и Д. Пайара [2001], в основе которого лежит исследование Э. Ле Гийю де Пенанрос, действия, описываемые глаголами с приставкой *при-*, соотносены и осмысляются в связи с некоторым другим событием, а не сами по себе. Авторы выделяют четыре типа *при-*глаголов: глаголы совмещения, перемещения, неполного действия и одиночные глаголы, не относящиеся к указанным трем типам².

Д. В. Якунина соотносит подзначения приставки *при-* друг с другом и предлагает единую диаграмму, в которой выделены две центральные схемы (абстрактные подзначения), контакт и сравнительная величина [Якунина 2001: 154—155]. Группа подзначений контакт объединяет пространственные употребления приставки, а группа сравнительная величина включает менее пространственные употребления, такие как изменение типа протекания действия. Значение приставки взаимодействует со значением глагольной основы по-разному в этих двух группах. Согласно Д. В. Якуниной, идея контакта и идея чего-то меньшего по сравнению с чем-то большим присутствуют во всех приставочных глаголах на *при-*, однако в большинстве случаев один из этих компонентов оказывается более явным.

² Здесь и далее подзначения представлены малыми прописными буквами.

Похожая по подходу, но менее дробная классификация глаголов с приставкой *при-* представлена в работах Ю. Л. Кузнецовой [Kuznetsova 2012], А. А. Эндресен и соавторов [Endresen et al. 2012] и Л. Янды и соавторов [Janda et al. 2013], далее CLEAR³. Эти работы основаны на анализе 125 приставочных глаголов с более чем сотней вхождений в НКРЯ. Авторы выделяют только четыре подзначения *при-*: 1) ПРИБЫТИЕ (ARRIVE); 2) ПРИСОЕДИНЕНИЕ (ATTACH); 3) ДОБАВЛЕНИЕ (ADD) и 4) АТТЕНУАТИВ (ATTENUATE). При этом значение прибытия является прототипическим, а прочие три значения связаны друг с другом и с прототипом⁴. Прототипическое значение выделено из употреблений *при-* с глаголами движения типа *прилететь* и включает также метафорические употребления приставки типа *придумать*, где мысль метафорически посещает человека или человек метафорически *приходит* к мысли. ПРИСОЕДИНЕНИЕ тесно связано с прибытием, в результате присоединения некий объект (трактор, трактор) оказывается зафиксирован в каком-то месте, то есть присоединение можно рассматривать как метафорическое прибытие в точку назначения. Присоединение может быть физическим, как в случае глагола *приклеить*, и метафорическим, как в глаголе *приласкаться*, где, помимо физического контакта, речь идет об эмоциональной привязанности. ДОБАВЛЕНИЕ, в свою очередь, связано с прибытием (то, что добавляется, «прибывает» к тому, к чему добавляется) и ПРИСОЕДИНЕНИЕМ (что-то меньшее присоединяется к чему-то большему) и может быть проиллюстрировано глаголом *пристроить*. АТТЕНУАТИВНОЕ значение связано с ПРИСОЕДИНЕНИЕМ и ДОБАВЛЕНИЕМ и подразумевает небольшую «порцию» некого действия. В случае ПРИСОЕДИНЕНИЯ и ДОБАВЛЕНИЯ меньший объект присоединяется к большему, а в случае АТТЕНУАТИВА в фокусе внимания оказывается меньшая «порция» действия, которая добавляется к ситуации в целом. Все подзначения представлены в виде сети значений, где наглядно показаны связи между ее частями [Endresen et al. 2012: 262].

Несмотря на то, что сеть значений, разработанная CLEAR, существенно менее подробна, чем предложенная Д. В. Якуниной, она отражает основные значения приставки и демонстрирует связи между этими значениями. Все значения, выделенные Якуниной, можно свести к четырем основным, предложенным CLEAR. Важное отличие анализа Якуниной от анализа CLEAR состоит не в количестве выделенных подзначений, а в том, что Якунина предлагает две абстрактные схемы, покрывающие всю категорию, тогда как CLEAR не постулирует инвариантного значения, но выделяет прототипическое пространственное значение, связанное с другими посредством метафоры и метонимии.

Таким образом, разные модели по-разному и с разной степенью подробности описывают взаимодействие подзначений приставки *при-*. Для дальнейшего анализа необходимо сделать следующее наблюдение. Как мы видим, во всех работах по семантике приставки *при-*, описанных выше, упоминается АТТЕНУАТИВНОЕ значение, которое для этой приставки является продуктивным. В работах Е. Р. Добрушиной и Д. Пайара [2001] и Э. Ле Гийю де Пенанрос [1997] аттенуативная функция не соотносена с другими. Ле Гийю де Пенанрос и вовсе не отводит аттенуативам значительного места в семантике *при-*, утверждая, что это значение возникает только в отдельных контекстах. Д. В. Якунина [2001] же указывает на то, что русские аттенуативы с *при-* воспринимаются носителями русского языка как аттенуативы даже вне контекста, что позволяет заключить, что аттенуативы представляют собой одну из основных функций *при-*. Несмотря на компактность анализа, CLEAR включает аттенуативное значение как одно из четырех подзначений *при-*, таким образом, признавая его важность. Более того, CLEAR показывает, что аттенуативы связаны с другими подзначениями *при-*.

³ Авторы указанных работ являются членами исследовательской группы CLEAR (Cognitive linguistics: empirical approaches to Russian) Норвежского арктического университета города Тромсё, https://uit.no/forskning/forskningsgrupper/gruppe?p_document_id=344365. Группа CLEAR занимается исследованием в области русского языка, используя методы когнитивной лингвистики.

⁴ Здесь мы принимаем значение ПРИБЫТИЕ, являющееся самым частотным, за прототип. Отметим, однако, что, как показано Ю. Л. Кузнецовой, выделение прототипа для приставки *при-* не является тривиальной задачей [Kuznetsova 2015: 69—107].

Для дальнейшего сопоставления с приставкой *под-* за основу будет взят анализ приставки *при-*, представленный в работах CLEAR. Стоит, однако, отметить, что этот выбор не является принципиальным: для целей данной работы степень гранулярности анализа приставки *при-* не играет решающей роли, а теоретические выводы, предлагаемые далее, не зависят от выбора одного из существующих описаний приставки в качестве основного.

2. *Под-* в лингвистической литературе

Как и приставке *при-*, приставке *под-* посвящены работы исследователей, работающих в рамках разных лингвистических традиций. Так, О. Каган [Kagan 2012] предлагает анализ *под-* в рамках формального подхода, Й. Виймарантой [Viimaranta 2012a; 2012b] предпринята попытка последовательного анализа с целью выявления центрального, инвариантного значения. В работе В. А. Плуноян [2001] представлен подробный семантический анализ приставки, где подзначения взаимосвязаны, и, наконец, работы группы CLEAR [Endresen et al. 2012; Janda et al. 2013] предлагают анализ подзначений приставки *под-* в рамках когнитивного подхода. Остановимся на основных идеях.

В работе О. Каган в качестве центрального выделено пространственное значение приставки *под-*, с ним связаны и остальные значения приставки. Согласно Каган, главная функция приставки — определение отношения между разными степенями в рамках одной шкалы [Kagan 2012: 208], *под-* указывает на то, что степень по некоей шкале, связанной с данным событием, ниже стандарта сравнения. Шкалы для разных подзначений разные и зависят от свойств предиката.

Й. Виймаранта [Viimaranta 2012a] сводит глагольные и неглагольные употребления приставки *под-* к понятию «доминации», реализующемуся во всех значениях *под-* с помощью метафоры и метонимии. Так, в случаях, где описываемое приставочным глаголом действие либо менее интенсивно, либо менее значимо, либо вторично по отношению к другому действию, идея доминации проявляется в сопоставлении с некоторым «нормальным» действием [Viimaranta 2012a: 164]. Работа [Viimaranta 2012b] посвящена *под-* исключительно в сочетании с глаголами. Для объединения разных употреблений *под-* Виймаранта использует понятия метафоры, аналогии и блендинга, при этом аттенуативные употребления приставки оказываются за пределами основного анализа⁵.

В своем описании В. А. Плуноян [2001] различает два основных типа *под-*, пространственный и непространственный (аттенуативный), с оговоркой, что граница между двумя типами не является строгой. К аттенуативам Плуноян относит широкий спектр значений: независимые действия низкой интенсивности, а также действия, происходящие одновременно с другими и являющиеся менее значимыми по сравнению с ними. Плуноян описывает метафорические связи между подзначениями и утверждает, что все подзначения *под-* имеют нечто общее, а именно идею асимметрии, функционального неравноправия между объектом и ориентиром.

Исследования CLEAR по семантике приставки *под-* основаны на корпусных данных НКРЯ (80 глаголов с более чем сотней вхождений). Как и в случае с приставкой *при-*, анализ CLEAR компактен и визуализирует значения *под-* в виде диаграммы, представляющей сеть из шести взаимосвязанных подзначений [Endresen et al. 2012: 277]. Все члены сети напрямую или опосредованно связаны с прототипом применить к нижней окрестности (APPLY TO VOTOM), в котором некий объект оказывается под ориентиром. Ориентир является более значимым (часто и большим по размеру), чем перемещаемый объект (трактор). Примеры

⁵ Стоит отметить, что в недавней работе [Viimaranta 2014], посвященной глаголу *подпортить*, Виймаранта и вовсе уходит от идеи аттенуативности как пониженной интенсивности в пользу идеи субъективной оценки. На наш взгляд, однако, идея пониженной интенсивности не противоречит идее субъективной оценки и может сосуществовать в одном глаголе (зачастую имплицитно).

включают глаголы *подползти*, *подковать* и пр. Помимо прототипического значения 1) применить к нижней окрестности, выделяются следующие: 2) значение горизонтального приближения (HORIZONTAL APPROACH), выделяемое, в первую очередь, для глаголов движения и связанное с прототипом идей приближения чего-то меньшего к чему-то большему, как в случае *подбежать*; 3) значение подгонки (ADJUST), где ориентир также больше траектора, на который направлено действие, как в глаголе *подогнать*; 4) значение увеличения (INCREMENT), при котором некие свойства ориентира становятся более явными в результате появления некоего объекта, как в случае *подлить*; 5) значение секретности (SECRETLY), связанное с идеей нижней окрестности и, таким образом, с прототипом, так как то, что находится под чем-то, оказывается скрытым и невидимым, примером служит глагол *подсыпать*; и, наконец, 6) значение минимальности (MINIMAL), где траектор меньше ориентира и оказывает минимальное влияние на ситуацию, как в случае глагола *подсушить*. Классификация CLEAR менее подробна, чем классификация В. А. Плунгяна, однако она основана на тех же принципах и в ней выделяются те же два типа значений — пространственные (1 и 2) и непространственные (3, 4, 5 и 6).

Несмотря на различия в подходах, терминологии и степени детальности анализа, во всех исследованиях, описанных выше, признается наличие у *под-* пространственных и непространственных значений. Среди непространственных значений центральное место занимает идея аттенуативности, то есть смягчительности и второстепенности. В разделах 3 и 4 данной статьи мы будем пользоваться анализом CLEAR, который, хотя и не столь детален, как анализ В. А. Плунгяна, но отражает основные связи между подзначениями приставки *под-* и является достаточным. Как и в случае с приставкой *при-*, выбор анализа CLEAR в качестве основы для дальнейшего сопоставления является условным, так как теоретические выводы от этого выбора не зависят.

3. При- и под-: периферийное пересечение

Как было показано в предыдущих разделах, вне зависимости от теоретического подхода, исследователями в том или ином виде выделяется аттенуативное значение для приставок *при-* и *под-*. Так, О. Каган [Kagan 2013; 2015] упоминает *при-* и *под-* в одном контексте, утверждая, что идея шкал является ключевой для русских приставок в целом. Аттенуативные употребления двух приставок удобно рассматривать с точки зрения шкал, так как в обоих случаях действие, названное аттенуативным глаголом, сопоставляется с некоторым стандартом сравнения по какому-то признаку, степень проявления которого удобно представить как точку на заданной шкале. Опираясь на идеи Л. Ферм [1990], Д. В. Якунина [2001: 142—143] пишет о различиях между *при-* и *под-* в их употреблениях с глаголами движения. В. А. Плунгян [2001: 118] называет эти две приставки «семантически близкими», так как обе они могут описывать снижение интенсивности, приближение к цели, включение в нечто большее, и отмечает, что асимметрия между траектором и ориентиром более заметна в случае приставки *под-*. Используя различные термины для аттенуативного *при-* (АТТЕНУАТИВ, АТТЕНУАТЕ) и *под-* (УВЕЛИЧЕНИЕ, INCREMENT и МИНИМАЛЬНОСТЬ, MINIMAL), А. А. Эндресен с соавторами признают, что эти подзначения приставок очень близки: у обеих приставок есть диминутивный оттенок (diminutive tint), и обе приставки описывают действия, реализуемые неполноценно, слегка [Endresen et al. 2012: 282]. Таким образом, сходство двух приставок отмечено в работах, посвященных семантике приставок, однако до настоящего времени не было изучено систематически. В данном разделе мы обратимся к более детальному сопоставлению семантических сетей двух приставок с точки зрения общих элементов, а также предложим понятие периферийного пересечения, применимое, на наш взгляд, к семантике *при-* и *под-*.

А. А. Эндресен с соавторами признают, что подзначения АТТЕНУАТИВ и МИНИМАЛЬНОСТЬ, выделенные для *при-* и *под-* соответственно, объединяет семантика диминутивности, но подчеркивают наличие у приставки *при-* к тому же значения снижения интенсивности.

Нам представляется, что столь подробная дифференциация может создать обманчивое ощущение большей степени различия между приставками, чем имеется на самом деле. Рассмотрим зафиксированные в НКРЯ глаголы *приутихнуть* и *подвысохнуть*: в обоих случаях действия, названные базовым глаголом совершенного вида (*утихнуть* и *высохнуть* соответственно), происходят с пониженной интенсивностью, в обоих случаях речь идет об изменении свойств некоторого объекта по сравнению с неким стандартом. Глаголы *приутихнуть* и *подвысохнуть* предполагают достижение результата менее явного, менее полноценного и окончательного, чем *утихнуть* и *высохнуть* соответственно. Приставки *при-* и *под-* в этих глаголах, по сути, являются синонимами. Мы считаем, что сходство приставок должно быть формально закреплено в анализе семантики и предлагать рассматривать значение аттенуатива и минимальности как одно (более широкое) подзначение, выделяемое для обеих приставок. Это подзначение мы предлагаем называть аттенуативным. Несмотря на то, что мы допускаем тонкие семантические различия между подзначениями аттенуатива и минимальности, выделяемыми А. А. Эндресен с соавторами, мы склонны пренебречь ими и сосредоточиться на принципиальном сходстве между приставками.

Прежде чем обратиться к идее периферийного пересечения, остановимся подробнее на некоторых свойствах сетей значений. Как было упомянуто во введении, сети значений (радиальные категории, *radial categories*), организованные вокруг прототипа (наиболее типичного члена, «центра тяжести» сети), наглядно представляют устройство понятийных категорий. Все члены категории связаны напрямую или опосредованно с прототипом и могут иметь более и менее прочные связи между собой. Радиальная категория, имея собственную внутреннюю структуру, позволяет представить разнообразие членов категории, а также близость между отдельными членами. Кроме того, радиальные категории представляют собой наглядные построения, которые удобно сопоставлять. Радиальные категории успешно применялись в лингвистике для описания полисемичных понятий [Lakoff 1987]. Профилирование радиальных категорий, то есть их сопоставление, также является продуктивным методом лингвистических исследований. В книге [Janda et al. 2013], например, радиальные категории глагольных приставок были сопоставлены со значениями глаголов, с которыми эти приставки употребляются. В результате было показано, как работает механизм семантического наложения (эффект Вея — Схонефельда)⁶. Пересечения семантических сетей русских приставок друг с другом также представляют собой уже описанное в литературе явление. Так, радиальные категории приставок *вы-* и *из-* имеют общий прототип, а также разделяют большую часть остальных подзначений [Nesset et al. 2011]. Различаются же приставки *вы-* и *из-* в основном своими периферийными подзначениями.

Как показано выше, и для приставки *при-*, и для приставки *под-* выделяется аттенуативное значение — таким образом, можно утверждать, что семантические сети двух приставок пересекаются. Тогда как в случае приставок *вы-* и *из-* можно говорить о том, что радиальные категории пересекаются в центральной части и различаются в основном своими периферийными подзначениями, семантическое пересечение в случае *при-* и *под-* представляет собой обратную ситуацию: приставки *при-* и *под-* пересекаются именно на периферии своих семантических сетей, сохраняя различные центральные (прототипические) значения. Мы предлагаем называть пересечение, описанное для *вы-* и *из-*, «центральным», а предлагаемое для *при-* и *под-* — «периферийным».

Рассмотрим подробнее периферийное пересечение в семантической структуре приставок *при-* и *под-*. Пересечение не ограничивается подзначением аттенуатива, но распространяется и на подзначения добавления для *при-* и секретности, увеличения и подгонки для *под-*. Как уже было описано выше, значения секретности, увеличения и подгонки предполагают

⁶ Мы не будем подробнее останавливаться на идее семантического резонанса, хорошо описанного в литературе для пар глаголов несовершенного и совершенного вида типа *писать* — *написать* и восходящего к идеям М. Вея [Vey 1952] и К. ван Схонефельда [van Schooneveld 1958]. См., в частности, обзор в [Janda et al. 2013: 1—17].

небольшие «порции» действия и, таким образом, близки к аттенуативам. В подгруппе добавления можно обнаружить употребления, где речь идет о добавлении небольшого количества чего-то, как в случае с глаголом *приправить*, где количество добавляемых специй невелико по сравнению с объемом самого блюда. Таким образом, значение добавления тоже может иметь общие черты с аттенуативом. Более того, значения добавления (для *при-*) и увеличения (для *под-*) в значительной степени пересекаются: так, и *приправить*, и *подлить*, предполагают добавление чего-то меньшего по объему к чему-то большему. Подзначения приставок, обнаруживающие сходства, принадлежат к периферии сети значений и не включают прототипических значений. Все вышесказанное позволяет заключить, что зона семантического пересечения приставок *при-* и *под-* более значительна и не ограничивается общим значением аттенуативности. На рисунке представлены объединенные сети значений *при-* и *под-*, где общее значение аттенуатива / мимнимальности находится в нижней части рисунка. Каждое подзначение помещено в прямоугольник, связи между подзначениями изображены линиями. На рисунке мы приводим только те линии, которые были предложены в анализе CLEAR [Endresen et al. 2012: 262, 277]. Новым по отношению к анализу CLEAR здесь является то, что мы соединили две отдельные радиальные категории, наложив их одну на другую в зоне их семантического пересечения (АТТЕНУАТИВ / МИНИМАЛЬНОСТЬ).

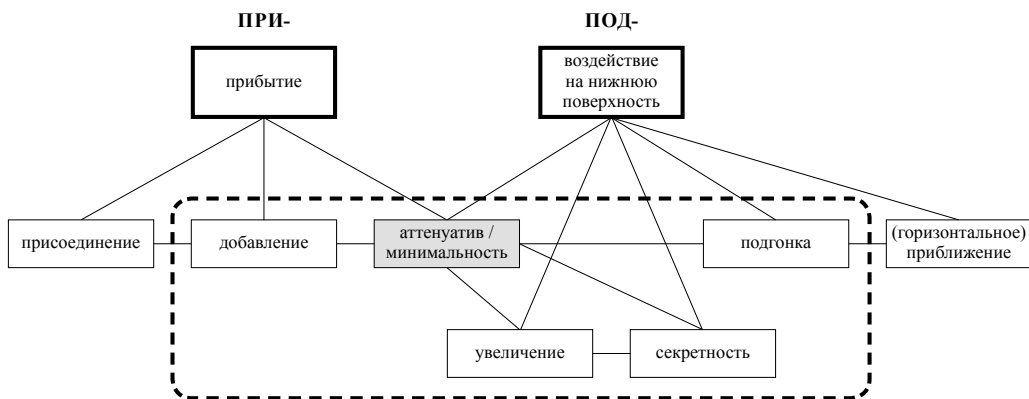

Рис. Объединенная семантическая сеть *при-* и *под-*

Слева на рисунке представлены подзначения, выделяемые для приставки *при-*, а справа — для *под-*. Прототипические, центральные значения приставок помещены в верхней части рисунка в прямоугольники с жирными границами. Общее подзначение аттенуативности находится под прототипами в прямоугольнике, закрашенном серым. Как было показано в разделах 1 и 2 данной статьи, значение добавления, выделяемое для *при-*, связано с АТТЕНУАТИВОМ / МИНИМАЛЬНОСТЬЮ, аналогичным образом со значением АТТЕНУАТИВА / МИНИМАЛЬНОСТИ связаны значения ПОДГОНКИ, СЕКРЕТНОСТИ и УВЕЛИЧЕНИЯ, выделенные для *под-*. Чтобы отразить близость этих подзначений и обозначить широкую зону схожей аттенуативной семантики, на рисунке мы выделили пунктиром область, которая включает эти близкие значения. Пунктирные границы выбраны для того, чтобы подчеркнуть нестрогость и гибкость границ области сопредельных значений.

Рассмотрим подробнее зону, выделенную пунктирным овалом. В нее вошли собственно АТТЕНУАТИВЫ, описывающие события, которые характеризует неполнота или неокончателность, то есть глаголы типа *приоткрыть* и *подлечить*, а также глаголы, указывающие на второстепенность, как, например, в случае с глаголами *присвистывать* и *подпевать*. Помимо аттенуативов в зону пересечения вошло значение добавления для приставки *при-*, которое часто либо имплицитно указывает на аттенуативность, либо сочетается с аттенуативностью в одном глаголе:

- (3) *В глубокой сковороде растопите масло и постепенно **примешайте** к нему специи* [Е. Приемская. Люблю я макароны... // «Работница», 1988].

В примере (3) речь идет о добавлении специй в готовящееся блюдо, однако очевидно, что здесь значение ДОБАВЛЕНИЯ имплицитно содержит идею аттенуативности, так как имеется в виду добавление небольшой порции специй. Представляется, что при том, что наличие обоих значений вряд ли вызывает сомнения, разделить ДОБАВЛЕНИЕ от АТТЕНУАТИВА в случаях типа (3) в принципе проблематично. Схожая ситуация наблюдается в примере (4):

- (4) *Хозяйка и чай пила охотно, по-ребячьи **причмокивая*** [В. Астафьев. Обертон (1995—1996)].

В примере (4) глагол *причмокивать* описывает действие, невозможное без основного действия (питья), то есть причмокивание как бы присоединяется, добавляется к питью чая. В отличие от примера (3), где речь шла о добавлении в прямом смысле (одно вещество, специи, добавлялось к другому, маслу), в примере (4) мы имеем дело с добавлением одного действия к другому. Традиционно [Зализняк, Шмелев 2000: 126; Isačenko 1982: 408] глаголы типа *причмокивать* в примере (4) рассматриваются как сопроводительный способ действия или комитатив. При этом глагол сопроводительного способа действия называет событие, сопоставляемое с неким основным, более значимым для ситуации. Представляется, что это сопоставление менее важного (и часто менее интенсивного) действия с более значимым и интенсивным, сближает сопроводительный способ действия с аттенуативным. Дополнительным аргументом в пользу семантической близости двух способов действия является общий набор морфологических маркеров: приставки *при-* и *под-* используются с обоими способами действия.

В широкую зону аттенуативности и смежных значений попали и значения УВЕЛИЧЕНИЯ, ПОДГОНКИ и СЕКРЕТНОСТИ, описанные для приставки *под-*. Рассмотрим несколько примеров:

- (5) *Она **подлила** в его чашку еще чаю* [А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)].

Глагол *подлить* в примере (5) имеет, помимо аттенуативной, идею увеличения, так как общий объем жидкости увеличивается.

- (6) *Редактор художественного отдела дал кому-то рисунок **подправить** — и напечатал* [В. Ходасевич. О меценатах (1936)].

В глаголе *подправить* значение аттенуативности сочетается со значением подгонки, потому что, с одной стороны, речь идет о незначительных изменениях, а с другой, об изменениях, которые приводят к состоянию, удовлетворяющему некоторым требованиям. Так, судя по всему, до того, как рисунок в примере (6) был подправлен, он не удовлетворял требованиям редактора. В некоторых случаях можно говорить о сосуществовании аттенуативного значения сразу с несколькими другими подзначениями радиальной категории:

- (7) *Задуши подушкой или **подсыть** в чай мышьяку* [М. Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004)].

В примере (7) глагол *подсыпать*, с одной стороны, указывает на то, что небольшой объем вещества (мышьяка) добавляется к большему объему вещества (чай), то есть мы можем говорить и о значении МИНИМАЛЬНОСТИ (мышьяка нужно совсем немного), и о значении УВЕЛИЧЕНИЯ, потому что общий объем напитка увеличивается. С другой стороны, речь идет о действии, выполняемом СЕКРЕТНО, так, чтобы этого не видели другие. Таким образом, в одном глаголе с приставкой *под-* мы можем проследить сразу несколько взаимосвязанных подзначений приставки, АТТЕНУАТИВНОСТЬ / МИНИМАЛЬНОСТЬ, УВЕЛИЧЕНИЕ и СЕКРЕТНОСТЬ. Можно говорить о том, что зона аттенуативности тоже представляет собой радиальную категорию с более и менее типичными членами; подробный анализ см. в [Макарова 2014]. Прототипическим членом этой аттенуативной категории является собственно подзначение

АТТЕНУАТИВА, с которым связаны значения ДОБАВЛЕНИЯ, ПОДГОНКИ, УВЕЛИЧЕНИЯ и СЕКРЕТНОСТИ. Стоит отметить, что собственно аттенуативные глаголы встречаются относительно редко, в большинстве случаев подзначение АТТЕНУАТИВА взаимодействует в глаголе с другими подзначениями из семантической сети соответствующей приставки.

Итак, анализ семантики приставок в терминах семантических сетей позволяет лучше понять сходства и различия между двумя приставками. Из примеров (3)—(7) мы видим, что целесообразно говорить о широкой зоне аттенуативности, в которую входят собственно аттенуативное значение и близкие, сопредельные значения, относящиеся к периферии подзначений *при-* и *под-*. Как будет показано далее, развитие аттенуативного значения для обеих приставок, равно как и описанное пересечение семантики, является мотивированным.

4. При- и под-: разные прототипы, мотивирующие наличие аттенуативного значения (в широком смысле)

В данном разделе мы подробнее рассмотрим прототипические значения двух приставок, к которым относятся пространственные значения. Ясно, что пространственные значения у приставок разные: *при-* содержит идею прибытия, причем в первую очередь по горизонтальной поверхности, тогда как в случае *под-* в центре внимания оказывается вертикальная ось и нижняя поверхность объекта.

- (8) *И Сысоев, хохотнув, **придвинул** к себе графинчик с водкой* [Б. Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)].
- (9) *При этом он аккуратно сложил одежду, а шапку **подложил** под голову* [Ю. Петкевич. Живые цветы зимой (2001)].

В примере (8) в результате перемещения по горизонтальной оси графинчик становится ближе к Сысоеву, тогда как в примере (9) важным оказывается то, как в результате перемещения голова и шапка размещены по вертикальной оси. Однако важно отметить и существенные сходства между ситуациями, описанными в (8) и (9). В обоих случаях мы имеем дело с перемещением некоторого объекта (графинчик и шапка) в сторону ориентира (Сысоев и голова) по некоторой траектории. В обоих случаях перемещаемый объект меньше по размеру и/или менее существенен, чем ориентир. И *при-*, и *под-* указывают на близость объекта и ориентира, фокусируясь при этом на разных пространственных осях.

Представляется, что различия в прототипических значениях приставок не сводятся только к горизонтальности / вертикальности, но распространяются и на свойства ориентиров. Тогда как *под-* сочетается только с ориентирами-точками и допускает приближение к ориентиру вплотную (*подлететь*), *при-* сочетается и с ориентирами-точками (*придвинуть*), и с ориентирами, представляющими собой трехмерные пространства с очерченными границами (контейнеры), при этом допуская пересечение границ соответствующего пространства (*приплыть*). Рассмотрим примеры (10)—(13):

- (10) *Их маленький вертолет **подлетел** к холму, и оттуда выпрыгнул молодой человек* [Л. Смиранный. Весомая невесомость (из записок космонавта-исследователя) // «Наука и жизнь», 2007].

В примере (10) приставка *под-* описывает траекторию движения вертолета. Вертолет приближается к ориентиру (холму), однако контакта между объектом и ориентиром не происходит: вертолет не приземляется на холм. Иначе ведет себя приставка *при-*. Для наглядности используем тот же глагол движения *лететь*:

- (11) ***Прилетел** в Москву и легко поступил в Иняз* [С. Шаргунов. Мой батюшка (2011)].

В сочетании с глаголами движения приставка *при-* описывает достижение пункта назначения, при этом, как уже говорилось выше, в большинстве случаев речь идет о пункте назначения, который воспринимается как некое (часто метафорическое) трехмерное пространство с границами, и объект пересекает эти границы. Так, в примере (11) прибытие в Москву, обозначенное глаголом *прилететь*, означает пересечение границ, в данном случае неметафорических. Нахождение в Москве, трехмерном пространстве с обозначенными границами, метафорически можно воспринимать как нахождение в замкнутом трехмерном пространстве, контейнере. Идея пересечения границ с последующим нахождением внутри трехмерного пространства дополнительно выражена сочетанием предлога *в* с винительным падежом.

В отличие от приставки *под-*, приставка *при-* не всегда допускает однозначную трактовку, особенно в случае употребления с глаголами, отличными от глаголов движения⁷. Рассмотрим глагол *продвинуть*.

- (12) *Лучше немного **продвинуть** сиденье вперед, а то в пробке левая нога быстро устанет* [И. Сирин. Японское наследие (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.22].

В примере (12) *продвинуть* описывает перемещение объекта (сиденье) в сторону ориентира (вперед, ближе к педалям), ориентир при этом воспринимается как некая не вполне конкретная точка, которая в результате перемещения становится ближе, но не достигается. Однако глагол *продвинуть* может употребляться и в контекстах, где ориентир задан, но степень приближения к ориентиру допускает разные интерпретации:

- (13) *Единственной дорогой вещью был компьютер, стоящий на **продвинутом** к стене обеденном столе* [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].

В примере (13) мы имеем дело с движением, в результате которого траектор (обеденный стол) оказывается ближе к ориентиру (стене)⁸ либо в контакте с ориентиром, то есть непосредственно достигает границ ориентира, а значит, имеет место ситуация, в которой стол соприкасается со стеной. Обратим также внимание на употребление предлога *к* с дательным падежом, семантически контрастирующее с употреблением предлога *в* с винительным в конструкциях типа *прилететь в Москву*, описанных выше.

Итак, обе приставки описывают движение траектора меньшего размера в сторону большего ориентира, при этом *под-* сочетается с ориентирами-точками и не подразумевает пересечения границ, а *при-* сочетается как ориентирами-точками, так и с ориентирами-контейнерами и допускает пересечение границ. Именно идея приближения к ориентиру-точке мотивирует наличие аттенуативного значения у приставок *при-* и *под-*.

Прежде чем мы представим собственный анализ, необходимо сделать несколько предварительных замечаний, касающихся метафоры время есть пространство. Концептуализация времени как пространства и выражение временных отношений в пространственных терминах характерно для самых разных культур и языков мира. Связь пространства и времени многократно описана в рамках метафоры время есть пространство [Lakoff, Johnson 1980; Haspelmith 1997]⁹. С метафорой время есть пространство связана идея восприятия событий как метафорических движений, где достижение цели движения сопоставимо с достижением результата действия [Janda 2008; 2009]. Ориентиром, в сторону которого происходит движение, в таком случае является результат действия, и достижение результата действия можно воспринимать как достижение пункта назначения метафорического движения.

⁷ Имеются в виду глаголы движения в узком смысле, т. е. парные глаголы типа *идти — ходить, ехать — ездить* и др. [РГ 1980: §1405, 590—591].

⁸ В случае, если *продвинуть* описывает движение в сторону ориентира, но не предполагает достижение ориентира, мы можем говорить об аттенуативном употреблении приставки *при-*.

⁹ Мы не будем останавливаться на особенностях данной метафоры, так как это выходит за рамки данной статьи. Свойства этой метафоры описаны на материале русского языка в работе [Нессет, Макарова 2015].

Принимая существование метафоры ВРЕМЯ ЕСТЬ ПРОСТРАНСТВО и идею восприятия событий в рамках метафорического движения, мы облегчаем описание связи аттенуатива с прототипическим значением приставок. Развитие аттенуативного значения из пространственного для приставок *при-* и *под-* оказывается вполне логичным, так как аттенуативы описывают достижение неполноценного результата или приближение к результату действия без его достижения, что метафорически соответствует приближению к цели движения. В таблице мы обобщаем наши рассуждения: пространственные и аттенуативные употребления приставок *при-* и *под-* сопоставлены с точки зрения объекта и ориентира. В пространственных употреблениях (верхняя строка таблицы) мы имеем дело с движением объекта-траектора в сторону ориентира, при этом и траектор, и ориентир представляют собой конкретные объекты действительности. В случае же аттенуативных употреблений (вторая строка таблицы) траектор не является физическим объектом, но представляет собой событие, а ориентиром оказывается результат этого события. Приближение траектора к ориентиру в случае аттенуативного употребления соответствует событию, развивающемуся в сторону результата.

Таблица

Метафорические отношения между пространственными и аттенуативными употреблениями приставок *при-* и *под-*

Употребление приставки	Объект-траектор	Ориентир	Движение
пространственное	движущийся объект	цель движения	движение в пространстве в сторону ориентира
аттенуативное	событие	результат события	метафорическое движение во времени в сторону завершения события

Как мы показали, механизмы развития аттенуативного значения у приставок *при-* и *под-* одинаковые. По сути, в своем аттенуативном употреблении две приставки являются синонимами, однако выбор между этими синонимами не является произвольным. Как показал анализ ряда глаголов (2 131), зафиксированных в НКРЯ, для которых допустимо аттенуативное прочтение, 905 глаголов образуют аттенуативы только с *при-*, 735 сочетаются в аттенуативных употреблениях только с *под-*, а 491 глагол встречается с обеими приставками [Макагова 2014]. Такое неравномерное распределение приставок по разным глагольным основам объясняется, судя по всему, следующим. Различия между аттенуативными приставками состоят в деталях. Как было описано в предыдущих разделах, приставки имеют различную семантическую структуру. Если вернуться к рисунку, мы увидим, что значение прибытия, являющееся прототипом для *при-*, связано с подзначениями присоединения и добавления, которые часто сосуществуют с аттенуативами в приставочном глаголе.

Вернемся к примерам (1) и (2), приведенным в начале статьи. И глагол *призабыть*, и глагол *подзабыть* в этих контекстах означают ‘немного забыть, недостаточно твердо сохранить в памяти’ и могут быть интерпретированы как аттенуативы. Чем объясняется тот факт, что глагол *забыть* образует аттенуативы с обеими приставками? Представляется, что объяснение состоит в том, что употребление обеих приставок в качестве аттенуативных является дополнительно мотивированным. Приставка *при-* хорошо сочетается с глаголом *забыть*, так как помимо аттенуативной функции отсылает к идее добавления чего-то (добавление в категорию забытого), а добавление, как мы видели, — это одно из подзначений *при-*. Для употребления приставки *под-* есть дополнительная мотивация, потому что семантика *под-* резонирует со значением глагола. Приставка *под-*, помимо аттенуатива, имеет подзначение секретности и недоступности (то, что оказывается под чем-то, невидно и недоступно), которое удачно сочетается со значением глагола *забыть*. Таким образом, на примере глагола *забыть* с приставками *при-* и *под-* мы видим, как в аттенуативных употреблениях может проявляться связь с другими подзначениями внутри семантической сети.

Имея разную семантическую структуру, приставки *при-* и *под-* мотивируют различные связи между подзначениями. Приставка *при-* использует идею дополнительности объекта, который оказывается рядом с более значительным ориентиром, часто воспринимаясь как добавление к нему. Аналогичным образом, аттенуативы на *при-* называют событие или действие, оказывающееся дополнительным по отношению к основному, более значительному действию. Приставка *под-*, выделяющая вертикальную ось как наиболее существенную, больше связана с идеей асимметричности между объектом и ориентиром. Аттенуативы на *под-* тоже описывают действия, меньшие по сравнению с некими бóльшими (более значительными в ситуации). Таким образом, различные прототипы, а также связь с другими значениями внутри семантической сети, проявляются и в, на первый взгляд, далеких от прототипического пространственного значения аттенуативных употреблениях приставок *при-* и *под-*.

Итак, анализ значения приставок в терминах семантических сетей, организованных вокруг прототипов, помогает увидеть семантическую мотивированность вариативного маркирования аттенуативности в русском языке. Таким образом, как мы видим, представление семантической структуры синонимов (пусть и частичных как *при-* и *под-* в своем аттенуативном употреблении) как радиальной категории может быть использовано для описания и разграничения синонимов.

Заключение

В статье был представлен контрастивный анализ русских приставок *при-* и *под-*. Было показано, что приставки имеют разные прототипы (прибытие для *при-* и воздействие на нижнюю поверхность для *под-*) и разные семантические сети. Однако подробное рассмотрение семантических сетей показало, что на периферии значения приставок имеют большую зону пересечения, в центре которой оказывается значение аттенуативности.

В работе предложено объяснение связи аттенуативного значения с прототипами *при-* и *под-*. Показано, что, несмотря на некоторые существенные различия, обе приставки могут употребляться при описании приближения траектора к ориентиру-точке. При этом между траектором и ориентиром существует отношение асимметрии: траектор меньше и менее важен по сравнению с ориентиром. Идея приближения к ориентиру важна для аттенуативного значения. Мы показали, что наличие аттенуативного значения у приставок одинаково мотивировано и может быть описано в терминах метафоры. Приближение к ориентиру в пространстве сопоставимо с приближением действия к результату. Аттенуатив описывает неполное приближение к ориентиру. В то же время было показано, что в своем аттенуативном значении приставки *при-* и *под-* сохраняют связь с остальными значениями своих радиальных категорий, что позволяет объяснить тонкие семантические различия во в целом очень схожем аттенуативном значении.

Представленный в статье сопоставительный анализ приставок облегчает изучение вариативности в выборе приставок при маркировании различных способов действия. Так, отдельного исследования заслуживает вариативность в маркировании аттенуативности в русском языке с помощью приставок *при-* и *под-*. Частично этот вопрос освещается в работе [Макарова 2016].

В статье было продемонстрировано, что в различных употреблениях приставок сохраняется связь с семантической структурой приставок и с прототипом. Данное обстоятельство подчеркивает важность анализа семантики приставок как комплекса взаимодействующих подзначений.

Представляется, что сопоставление русских приставок попарно и бóльшими группами в целом является перспективным, так как позволит лучше понять механизмы вариативного маркирования русских глаголов.

Несмотря на то, что работа посвящена очень частной задаче сопоставительного анализа двух русских приставок, она затрагивает более теоретические и универсальные проблемы, существенные не только для русского языка, так как обращается к вопросу синонимии

в языке. Как показано в статье, представляя семантику языковых единиц в виде радиальных категорий, мы можем обнаружить различные типы пересечения значений. Важными могут оказаться пересечения не только центральных компонентов семантической сети, но и периферийных. Компоненты семантической сети сохраняют связь друг с другом и с прототипом, что позволяет увидеть тонкие различия между синонимичными единицами и в очередной раз ставит под сомнение наличие в языке полных синонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Добрушина, Пайар 2001 — Добрушина Е. Р., Пайар Д. Приставка ВЫ-, или Модельный результат // Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. (ред.). Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. С. 65—70. [Dobrushina E. R., Paillard D. Prefix VY-, or The model result. *Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo*. Dobrushina E. R., Mellina E. A., Paillard D. (eds.). Moscow: Russkie Slovarei, 2001. Pp. 65—70.]
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Кронгауз 1995 — Кронгауз М. А. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.: ВИНТИ, 1995. С. 32—57. [Krongauz M. A. Prefixes and verbs: The grammar of co-occurrence. *Semiotics and informatics*. No. 34. Moscow: VINITI, 1995. Pp. 32—57.]
- Кронгауз 1997 — Кронгауз М. А. Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // Кронгауз М. А., Пайар Д. (ред.). Глагольная префиксация в русском языке. М.: Русские словари, 1997. С. 4—28. [Krongauz M. A. Verbal prefixation studies: Present state and prospects. *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke*. Krongauz M. A., Paillard D. (eds.). Moscow: Russkie Slovarei, 1997. Pp. 4—28.]
- Кронгауз 1998 — Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998. [Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: Semantic grammar]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998.]
- Кронгауз 2001 — Кронгауз М. А. Опыт семантического описания приставки *над-* // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 85—94. [Krongauz M. A. An attempt of semantic description of the prefix *nad-*. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 2001. Vol. 5. No. 1. Pp. 85—94.]
- Ле Гийю де Пенанрос 1997 — Ле Гийю де Пенанрос Э. «Смягчительное» значение приставки *при-* в сочетании с глаголами совершенного вида // Кронгауз М. А., Пайар Д. (ред.). Глагольная префиксация в русском языке. М.: Русские словари, 1997. С. 141—148. [Le Guillou de Penanros E. «Attenuative» meaning of the prefix *pri-* combined with perfective verbs. *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke*. Krongauz M. A., Paillard D. (eds.). Moscow: Russkie Slovarei, 1997. Pp. 141—148.]
- Нессет, Макарова 2015 — Нессет Т., Макарова А. Б. Пространство во времени? Асимметрия предлога *в* в пространственных и временных конструкциях // Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В. (ред.). Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 388—410. [Neset T., Makarova A. B. Space in time? Asymmetry of the preposition *v* in spatial and temporal constructions. *Yazyki i mysl': Sovremennaya kognitivnaya lingvistika*. Kibrik A. A., Koshelev A. D., Kravchenko A. V., Mazurova Yu. V., Fedorova O. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015. Pp. 388—410.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Апресяна Ю. Д. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka [The new explanatory dictionary of Russian synonyms]. Under general supervision of acad. Apresjan Yu. D. 2nd edition. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 95—124. [Plungian V. A. The prefix *pod-* in Russian: Towards the description of the semantic network. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 2001. Vol. 5. No. 1. Pp. 95—124.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]: in 2 vol. Vol. I. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]

- Ферм 1990 — Ферм Л. Выражение направления при приставочных глаголах перемещения в современном русском языке. К вопросу префиксального падежного детерминизма // *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia*. Vol. 27. Uppsala, 1990. [Ferm L. Expression of direction in prefixal verbs of motion in modern Russian. Prefixal case determinism revisited. *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia*. Vol. 27. Uppsala, 1990.]
- Якунина 2001 — Якунина Д. В. Приставка *pri-*: построение семантической сети // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 125—160. [Yakunina D. V. The prefix *pri-*: Building the semantic network. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 2001. Vol. 5. No. 1. Pp. 125—160.]
- Bloomfield 1933 — Bloomfield L. *Language*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1933.
- Bogusławski 1963 — Bogusławski A. *Prefiksacja czasownikowa we współczesnym języku rosyjskim*. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1963.
- Endresen et al. 2012 — Endresen A., Janda L. A., Kuznetsova Ju., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. Russian ‘purely aspectual’ prefixes: Not so ‘empty’ after all? *Scando-Slavica*. 2012. Vol. 58. No. 2. Pp. 229—290.
- Flier 1975 — Flier M. S. Remarks on Russian verbal prefixation. *Slavic and East European Journal*. 1975. Vol. 19. No. 2. Pp. 218—229.
- Gallant 1979 — Gallant J. *Russian verbal prefixation and semantic features: An analysis of the prefix vz-*. München: Verlag Otto Sagner, 1979.
- Goldberg 1995 — Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *From space to time. Temporal adverbials in the World’s languages*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1997.
- Isačenko 1982 — Isačenko A. V. *Die Russische Sprache der Gegenwart. Formenlehre*. München: Max Hueber Verlag, 1982.
- Jakobson 1936 — Jakobson R. O. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutung der russischen Kasus. *Travaux de Cercle Linguistique de Prague*. 1936. Vol. 6. Pp. 240—288.
- Janda 1986 — Janda L. A. *A semantic analysis of the Russian verbal prefixes za-, pere-, do- and ot-* (*Slavistische Beiträge* 192). München: Verlag Otto Sagner, 1986.
- Janda 1988 — Janda L. A. The mapping of elements of cognitive space onto grammatical relations: An example from Russian verbal prefixation. *Topics in cognitive linguistics. Current issues in linguistic theory*. B. Rudzka-Ostyn (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 327—343.
- Janda 2008 — Janda L. A. Motion verbs and the development of aspect in Russian. *Scando-Slavica*. 2008. Vol. 54. No. 1. Pp. 179—197.
- Janda 2009 — Janda L. A. Totally normal chaos: The aspectual behavior of Russian motion verbs. *Harvard Ukrainian Studies*. 2009. Vol. 28. No. 1. Pp. 183—193.
- Janda et al. 2013 — Janda L. A., Endresen A., Kuznetsova Ju., Lyashevskaya O., Makarova A., Nessel T., Sokolova S. *Why Russian aspectual prefixes aren’t empty: Prefixes as verb classifiers*. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2013.
- Kagan 2012 — Kagan O. Degree semantics for Russian verbal prefixes: The case of *pod-* and *do-*. *Oslo Studies in Language*. 2012. Vol. 4. No. 1. Pp. 207—243.
- Kagan 2013 — Kagan O. Scalarity in the domain of verbal prefixes. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2013. Vol. 31. Pp. 483—516.
- Kagan 2015 — Kagan O. *Scalarity in the verbal domain. The case of verbal prefixation in Russian*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Kuznetsova 2012 — Kuznetsova J. *Linguistic profiles. Correlations between form and meaning*. PhD dissertation. University of Tromsø, 2012.
- Kuznetsova 2015 — Kuznetsova J. *Linguistic profiles. Going from form to meaning via statistics*. Boston: Walter de Gruyter, 2015.
- Lakoff 1987 — Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago, 1980.
- Makarova 2014 — Makarova A. *Rethinking diminutives: A case study of Russian verbs*. PhD dissertation. University of Tromsø, 2014.
- Makarova 2016 — Makarova A. Variation in Russian verbal prefixes and psycholinguistic experiments. *Slavic languages in psycholinguistics. Chances and challenges for empirical and experimental research*. Anstatt T., Gattnar A. Clasmeier Ch. (eds.). Tübingen: Narr, 2016. Pp. 113—133.

- Neset et al. 2011 — Neset T., Endresen A., Janda L. A. Two ways to get out: Radial category profiling and the Russian prefixes *vy-* and *iz-*. *Zeitschrift für Slawistik*. 2011. Vol. 56. No. 4. Pp. 377—402.
- Paillard 1995 — Paillard D. Perestroïka. A propos du préverbe *pere-* en russe contemporain. *Langues et langage. Problèmes et raisonnements en linguistique. Mélanges offerts à Antoine Culioli*. Bouscaren J., Franckel J.-J., Robert S. (eds.). Paris: PUF, 1995. Pp. 345—357.
- Roberts 1974 — Roberts Ch. B. The «down from, withdrawal» value of the Russian prefix *o(b)-*. *Studia Slavica*. 1974. Vol. 20. Pp. 221—236.
- Rosch 1973 — Rosch E. Natural categories. *Cognitive Psychology*. 1973. Vol. 4. No. 3. Pp. 328—350.
- Rosch 1975 — Rosch E. On the internal structure of perceptual and semantic categories. *Cognitive development and acquisition of language*. Moore T. E. (ed.). New York: Academic Press, 1975. Pp. 111—144.
- de Saussure 1916/1972 — de Saussure F. Course in general linguistics (1916). (Translated by Roy Harris). La Salle (IL): Open Court, 1972.
- van Schooneveld 1958 — van Schooneveld C. H. The so-called ‘préverbes vides’ and neutralization. *Dutch Contributions to the Fourth International congress of slavistics*. The Hague: Mouton, 1958. Pp. 159—161.
- Vey 1952 — Vey M. Les préverbes ‘vides’ en tchèque moderne. *Revue des études slaves*. 1952. Vol. 29. Pp. 82—107.
- Veyrenc 1980 — Veyrenc J. *Études sur le verbe russe*. Paris: Institut d’études slaves, 1980.
- Viimaranta 2012a — Viimaranta J. The metaphors and metonymies of domination: Explaining the different meanings of the Russian prefix *pod-*. *Russian Linguistics*. 2012. Vol. 36. No. 2. Pp. 157—174.
- Viimaranta 2012b — Viimaranta J. Analogy or conceptual metaphor? Coming concretely and abstractly close in uses of the Russian prefix *pod-*. *Sky Journal of Linguistics*. 2012. Vol. 25. Pp. 205—232. Available at: <http://www.linguistics.fi/julkaisut/SKY2012/Viimaranta.pdf>
- Viimaranta 2014 — Viimaranta J. The meaning and use of *podportit’* on the basis of the Russian national corpus. *Russian linguistics*. 2014. Vol. 38. No. 1. Pp. 63—87.
- Wierzbicka 1980 — Wierzbicka A. *The case for surface case*. Ann Arbor (MI): Karoma Publishers, 1980.

Статья поступила в редакцию 11.02.2016.

ОБ ОСОБОМ УПОТРЕБЛЕНИИ «ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО» В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ КОНЦА XIV В.*

© 2016

Татьяна Игоревна Афанасьева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
t.afanasyeva@spbu.ru

Статья посвящена изучению особого значения тавтосубъектного дательного самостоятельного — значения второстепенного сказуемого, которое фиксируется в переводах русских книжников конца XIV в., прежде всего в канонах, переведенных свт. Феодором Симоновским. Прослеживается формирование этой конструкции в предшествующую эпоху — в старославянском языке и в древнерусском домонгольского периода.

Ключевые слова: древнерусский и старославянский языки, значения дательного самостоятельного, русские переводы с греческого

ON A SPECIAL USAGE OF DATIVE ABSOLUTE IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE LATE 14TH CENTURY

Tatiana I. Afanasyeva

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, 199034, Russian Federation
t.afanasyeva@spbu.ru

The article studies a special meaning of tauto-subjective Dative Absolute — the meaning of secondary predicate, found in Russian translations of the 14th century, especially by Theodore Simonovsky. The formation of this structure in the preceding period is investigated: in Old Church Slavonic and Premongolian Russian.

Keywords: meaning of the Dative Absolute, Old Church Slavonic, Old Russian language, Russian translations from Greek

Введение

В гимнографических переводах русского книжника Феодора Симоновского (†1394) встречается немало случаев, когда греческому предикативному причастию соответствует конструкция с дательным самостоятельным. Приведем примеры таких употреблений по рукописям, в которых содержатся два его перевода канонов Иоанна Мавропода — канон к Богородице от лица слепого человека и канон к Иоанну Предтече за больного — по спискам из Государственного исторического музея Син. 468 1457 г., л. 157 об.—165 и из Российской национальной библиотеки Соф. 837 XVI в. л. 359 об.—365. Греческий текст приводится по рукописи XIV в. из собрания Австрийской национальной библиотеки Theol. gr. 78, ff. 189r—192r. и 347v—351v.

- (1) К тевѣ приходѣшу ми чѣтаѣ спѣсѣнѣа молюса получитьи — σοὶ προσερχόμενος, ἀγνή, σωτηρίας δέομαι τυχεῖν;

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-04-00150а.

- (2) не терпашоу ми пожара негасимаго ... къ твоemu приѣзгаю застоупленію — *μη φέρων τὸν ἐμπρησμιὸν τὸν ἄσβεστον... ἐπὶ τὴν σὴν καταφεύγω ἀντίληψιν;*
- (3) съ аглы равно агльскы живущоу ти ... прохлады окропленіем твоего члка — *μετὰ τῶν ἀγγέλων ἰσαγγέλως βιώσας ... ἀνάψυζον βανίσι τῆς σῆς φιλανθρωπίας;*
- (4) нъ къ земли ниць съклоненъ . призывающоу ми твою помощь — *ἀλλ' εἰς γῆν . ἐπικαλοῦμαι κεκυφῶς . τὴν σὴν βοήθειαν;*
- (5) добродѣтели прѣшедшоу ти всакого члка и телесным смѣреніемъ прѣвзшелъ еси — *Ταῖς ἀρεταῖς, ὑπερβαλὼν πάντα ἄνθρωπον καὶ τὸ σῶμα τὸ τῆς ταπεινώσεως ὑπεραναβάς.*

Как видно из приведенных примеров, Феодор Симоновский переводит греческое причастие в именительном падеже с помощью церковнославянского причастия в дательном падеже, подставляя к нему личное местоимение в краткой форме в зависимости от лица сказуемого, стоящего зачастую весьма удаленно от предикативного причастия. В результате получается некий аналог конструкции с дательным самостоятельным. Подчеркнем особенно, что данная конструкция употребляется только при сказуемом в 1 и 2 лице, для третьего лица она не используется. Число таких примеров в двух его переводах канонов Иоанна Мавропода достигает 17: одиннадцать с клитикой 1 лица ми и шесть с клитикой ти. Учитывая, что каноны — это небольшие по объему произведения (восемь песен, из четырех тропарей каждая), то число употреблений данной модели оказывается значительным. Очевидно, что данная техника перевода является для Феодора Симоновского осмысленной и продуктивной.

Задача настоящей статьи — проследить историю этой конструкции в старославянских и древнерусских памятниках и описать ее значение. Нетрудно заметить, что во всех приведенных выше примерах дательный самостоятельный имеет тот же субъект действия, что и в главном предложении. Это весьма редкая разновидность данной конструкции, названная Д. Вортом «non-Greek» Dativus absolutus [Worth 1994: 29—30].

Тавтосубъектный дательный самостоятельный в старославянских памятниках

По подсчетам Яна Станислава, исследовавшего дательный самостоятельный (далее ДС) по всем старославянским памятникам, тавтосубъектный ДС составляет 5,4% от общего числа употреблений ДС, причем 4,7% всех употреблений приходится на Супрасльскую рукопись, в евангельских текстах он встречается крайне редко [Stanislav 1934: 103]. Я. Станислав приводит список примеров тавтосубъектного ДС, однако греческие параллели этих конструкций он не указывает. Если мы посмотрим, как сочетается «non-Greek» Dativus absolutus с конструкциями оригинала, используя новое издание Супрасльской рукописи [Супрасльская рукопись 1982—1983] и греческий текст Евангелия, то увидим следующую картину.

С 1 лицом единственного числа имеется только один пример:

- (6) възвративши ми са и идѣши въз манастирь омыркоуъ на мѣстѣь семь (Супр. 515: 27—29) — *καὶ ἐν τῷ ἐπιστρέφειν με καὶ ἀπιέναι τῷ ἀσκητηρίῳ ὄψισιν μοι ἐν τῷ τόπῳ τούτῳ.*

Дательному самостоятельному славянского текста соответствует инфинитивная конструкция со значением времени «ἐν τῷ + Inf.», которая в XIV в. получит строгое оформление через инфинитивную кальку «всегда + Inf.» [Афанасьева 2004: 104].

Со 2 лицом примеров нет, с 3 лицом примеров много, и мы приведем лишь некоторые:

- (7) и приближашшоу са немоу къ цркви тако въз дала єдиногъ пзыришта . възтрасе са (Супр. 221: 24—26) — *ἐγγίζοντος δὲ αὐτοῦ τῇ ἐκκλησίᾳ ἀπὸ σταδίου ενός, φρίκη ἐγένετο ἐπ' αὐτὸν;*
- (8) възлетъ же ходашшоу емоу . и тъ выиде въз възь етерѣ (Зогр., Лк. 10: 38) — *ἐν δὲ τῷ πορευέσθαι αὐτοὺς αὐτὸς εἰσηλθεν εἰς κόμην τινά;*

- (9) ѿ выстѣ ѿдѣштво емоу въ ѿмѣ . ѿ тѣ прохощааше между самаритѣхъ (Зогр., Лк. 17: 11) — καὶ ἐγένετο ἐν τῷ πορεύεσθαι εἰς Ἱερουσαλὴμ, καὶ αὐτὸς διήρχετο διὰ μέσον Σαμαρίας.

В примере (7) ДС соответствует конструкции Genitivus absolutus, но в главном предложении употреблено подлежащее фрiкѣ, отсутствующее в славянском переводе. В данном случае разносубъектный греческий Genitivus absolutus в славянском переводе стал тавтосубъектным ДС. Примеры (8) и (9) взяты из Евангелия, и здесь ДС соотносится с инфинитивной моделью «ἐν τῷ + Inf.», однако в примере (8) перед ДС славянский переводчик употребляет глагол выстѣ, отсутствующий в греческом оригинале.

Другие примеры из перечня Я. Станислава точно передают структуру греческого предложения, например:

- (10) и стѣхощаашемъ имѣ . молаахъ о спасении ихъ (Супр. 531: 20—21) — καὶ ἀπόντων αὐτῶν εὐχασθαι αὐτὸν παρεκάλουν ὑπὲρ τῆς σωτηρίας αὐτῶν;
- (11) едначѣ же емоу гнѣвомъ доушѣштвоу о прѣтѣрѣннѣи мѣченика . рече (Супр. 62: 6—8) — ἔτι δὲ αὐτοῦ θυμοῦ πνεύματος ἐπὶ τῇ καρτερίᾳ τοῦ μάρτυρος ἔφη.

Исходя из сравнения примеров старославянского тавтосубъектного ДС с их греческими соответствиями, можно сделать вывод о том, что эта конструкция в большинстве случаев имела соответствие в греческом языке и поэтому называть ее «non-Greek» Dativus absolutus не совсем корректно. По справедливому замечанию Д. Коллинза, греческий оригинал Супрасльской рукописи относится к другому жанру, жанру агиографии, и возраст этого жанра, его язык гораздо моложе языка Евангелия. Переводчик Супрасльской рукописи калькирует конструкции, сложившиеся в греческом языке в более позднее время, и именно поэтому в ней тавтосубъектных ДС гораздо больше, чем в Евангелии. Исследователь выделяет типы подобной конструкции в зависимости от расположения ДС по отношению к финитной клаузе и приходит к выводу, что старославянский тавтосубъектный ДС употреблялся гораздо шире конструкции Genitivus absolutus, он служил моделью для перевода инфинитивов с предлогом, в частности «ἐν τῷ + Inf.» [Collins 2004].

Несколько примеров тавтосубъектного ДС нашлось в Изборнике 1076 г., в «Стословце» Геннадия¹, оригинал которого до сих пор остается неизвестным:

- (12) лежащю ти въ твердо покрѣвенѣ храмнѣ слышашю же оушима дѣждевное множество . помысли о оубогахъ;
- (13) сидашю ти надѣ многообразичноу трапезоу . помани соухъ хлѣбъ ѿдоуштааго; сидаштоу ти въ зимуу въ теплѣ храмнѣ и без боазни изнажившшѣ въздѣхнн помысливъ;
- (14) идоуштѣ ти въ стѣи храмъ . помысли еда кого прогнѣвалъ еси въ коемъ дѣлѣ.

Как видно из приведенных примеров, ДС здесь употребляется исключительно с местоимением 2 лица и связан со сказуемым, стоящим в повелительном наклонении. Перевести данный тип ДС можно как придаточным времени, так и предикативным причастием (деепричастием): в данной позиции они тождественны по значению.

Тавтосубъектный дательный самостоятельный в древнерусских памятниках

В древнерусском литературном языке ДС употреблялся весьма широко, и случаи, когда у дательного самостоятельного и основного предложения один субъект, весьма многочисленны в летописях и оригинальных русских произведениях. По подсчетам

¹ Примеры взяты из древнерусского подкорпуса http://www.ruscopora.ru/search-old_rus.html [НКРЯ].

Л. В. Перегонцевой-Граве, они составляют 25 % от всех конструкций ДС. Это явление широко распространено в летописях, например: *кнзю Свѣтославу възмужавиу нача вои съвъкоуплати многи и храбры* [ИГРЯ 1978: 419—420]. Распространение тавтосубъектного дательного самостоятельного, по мнению Перегонцевой-Граве, объясняется влиянием конструкций с второстепенным сказуемым типа «Володимеръ всплакавъ и рече» [Перегонцева-Граве 1955: 7]. Следует отметить, что все примеры, приводимые ею, относятся к 3 лицу. Исследование кореферентного (т. е. тавтосубъектного) ДС, проведенное Д. Христовой на материале Киевской и Суздальской летописей по Ипатьевскому списку, также направлено на изучение конструкций с 3 лицом [Christova 2006]. Нас же в данном случае будут интересовать конструкции с употреблением 1 и 2 лица. Они встречаются значительно реже.

В древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого находим большое число примеров тавтосубъектного ДС с 1 лицом, и здесь они соответствуют Genitivus absolutus греческого текста²:

- (15) жизнь вѣ оугодноу и житие мужа добронрава хотащю ми исповѣдати ... молюса вамъ — βίον θεάρεστον καὶ πολυτεῖαν ἀνδρὸς ἐναρέτου μέλλοντός μου διηγήσασθαι ... παρακαλλῶ (2);
- (16) сими же ми наслаждаему. трепетомъ и страхомъ дивлаха прѣславному сему видиню — ταύτης ἐνηδόου μου φρίκης καὶ δέους ἐξέστηκότος τὸ παράδοξον θαῦμα (878);
- (17) въ оужасти вывзыщю ми. мнѣх са стоа видиниемъ верхоу тверди небныа — ἐννεοῦ μου γεγυότος οἰόμην ἐστάναι τῇ θεωρίᾳ ἐπάνω τοῦ στερεώματος τοῦ οὐρανοῦ (921);
- (18) диващю ми са слышахъ глас не вѣдѣ ѿкудѣ — ξενιζομένου μου δὲ ἐνωτιζόμεν φωνῆς, πόθεν οὐκ οἶδα (1731—1732);
- (19) се же мнѣ размышляющю на срѣдци начахъ са колѣбати — ταῦτα λογιζομένου μου καὶ διανουμένου κλόνος περιέσχε (1304).

В последнем примере переведено только одно причастие вместо двух, но оно также калькирует греческий Genitivus absolutus. Отметим, что в Житии Андрея Юродивого число употреблений тавтосубъектного ДС гораздо больше, чем в других древнерусских переводах.

В древнерусском переводе Александрии также находим подобные конструкции, хотя число их незначительно³:

- (20) хотащю ми видѣти и испикати мѣста та, начахъ поимати свои ми рабы, где хотащю ми восходит к обороту Genitivus absolutus θέλοντος μου (78.11);
- (21) си ми помышляющю, ключи ми са видѣти гостревъ (μου ὑπονοούτος, 12.11).

В последнем примере, однако, тавтосубъектность семантическая, грамматически здесь представлен разносубъектный ДС, поскольку в главном предложении употреблена безличная конструкция.

Таким образом, тавтосубъектный ДС, относящийся к сказуемому в 1 и 2 лице, во всех встретившихся нам случаях калькирует греческий Genitivus absolutus и по значению сближается с предикативным причастием. В приведенных выше примерах нет ни одного, где ДС соответствует причастию в именительном падеже. Видимо, такие случаи не были свойственны русским переводам домонгольского периода⁴. Значит, эту переводческую технику следует связать с концом XIV в., когда формируются новые нормы литературного языка за счет большого числа переводов и редактирования богослужебных книг, осуществлявшихся в это время.

² Примеры приводятся по изданию [Молдован 2000].

³ Примеры цитируются по древнерусскому подкорпусу НКРЯ.

⁴ Благодарю А. А. Пичхадзе за консультацию по данному вопросу.

Тавтосубъектный дательный самостоятельный в переводах XIV в.

В XIV в. осуществляется большое число новых переводов духовной и конфессиональной литературы, а также редактируется по греческим оригиналам весь корпус богослужебных книг. Большинство переводов осуществлялось на Афоне и в столице Второго Болгарского царства Тырново южнославянскими книжниками. Объем русских переводов этого времени незначителен по сравнению с южнославянскими, однако их существование не вызывает сомнения — это переводы ростовского книжника Феодора Симоновского и новгородского инока Илариона, а также перевод Евхология Великой церкви, выполненный книжниками митрополита Киприана [Афанасьева (в печати)].

Южнославянским переводам XIV в. изучаемая конструкция, видимо, была несвоейственна, хотя в переводах Тырновской книжной школы употребление ДС увеличивается по сравнению с предшествующим периодом [Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 268]. Предикативное причастие традиционно передавалось именительным падежом, и при нем не употреблялась краткая форма местоимения в дательном падеже. Так, например, в оригинальных канонах болгарского книжника XIV в. монаха Ефрема⁵, написанных от 1 лица, находим следующие случаи:

- (22) въ лѣности житїе скончавъ приближихса житїиа моего концу;
 (23) колѣнѣ прѣклонивъ вѣсанныи твоа прошѣ помощь прѣбѣгаа дѣво⁶.

В переводах канонов патриарха Филофея, сделанных митрополитом Киприаном, нами не найдено ни одного похожего случая: ДС всегда соответствует родительному самостоятельному греческого текста, а не предикативному причастию в именительном падеже.

Нам представляется, что Феодор Симоновский использует уже сложившуюся в древнерусском литературном языке предшествующего периода модель тавтосубъектного ДС для перевода предикативных причастий в 1 и 2 лице. Ее можно обнаружить в некоторых древнерусских оригинальных произведениях, что свидетельствует об адаптации греческой модели в русском литературном языке домонгольского периода. Например, в Житии Федосия Печерского⁷ находим целый ряд таких употреблений:

- (24) се во испьрва писавши ми о житїи и о чудесехъ стѣю Бориса и глѣба поноудихса и на другое исповѣданїе приити (л. 26а—20);
 (25) се также о братїи въспоминающю ми житїе прѣдобнаго ни соузну же списаноу ни ѿ когоже печально по всѣ дни съдержимъ вѣхъ (л. 26б—18);
 (26) хотящю же ми исповѣдати начати преже молюса гѣи (л. 27а—1).

Приведенные примеры содержат ДС, однако они не передают временного или причинного значения, свойственного этому обороту. В примере (24) временной оттенок уже заложен в наречии *испьрва*, а модель *писавши ми* и *въспоминающю ми* можно передать предикативными причастиями «написав» и «вспоминая»: «написав сначала о жизни и чудесах святых Бориса и Глеба, я потрудился прийти к другому рассказу», «братия, вспоминая житие преподобного, я печалюсь, потому что оно до сих пор не было написано» (25). В случае (26) возможен двоякий перевод: «желая начать рассказ / когда я хочу начать рассказ, я молюсь Господу».

⁵ Обнаружение и введение в научный оборот произведений монаха Ефрема принадлежит Д. Богдановичу [Богдановић 1978: 109—129].

⁶ Примеры цитируются по рукописи из собрания Хиландарского монастыря на Афоне № 342, л. 29об. Работа проводилась по микрофильмам с рукописей Хиландарского собрания в рамках научной стажировки в Hilandar Research Library в университете штата Огайо (США). Я искренне благодарю П. Маттеича и М. Джонсон за помощь в работе с этими источниками.

⁷ Примеры приводятся по изданию [Успенский сборник 1971].

На основании приведенных примеров можно предположить, что тавтосубъектный ДС по смыслу очень часто сближался с предикативным причастием, выражающим сопутствующее действие⁸, и эта близость привела к тому, что в церковнославянском языке русского извода выработалась синтаксическая модель «причастие в дат. п. + ми / ти» для выражения второстепенного сказуемого. Эта конструкция имела еще одну особенность — она указывала на то, каким лицом совершается действие, обозначенное предикативным причастием. Чаще всего она используется для указания на 1 лицо, однако есть случаи для указания на 2 лицо (см. примеры из Изборника 1076 г.).

Указывала на лицо краткая форма местоимения ми, ти, а не полноударная мѣѣ, тѣѣ. В большинстве приведенных нами примеров функционирует именно фразовая клитика, т. е. клитика, по смыслу связанная со сказуемым. По положению в предложении она имеет четкую позицию — всегда жестко прикреплена к причастию и чаще всего стоит в постпозиции к нему. Только в одном примере из жития Андрея Юродивого (1304) встретилась форма мѣѣ, и она стоит в препозиции к причастию. Препозиция местоимения чаще всего связана с позицией в оригинале, в примерах из Жития Андрея Юродивого (356) и из Александрии (12.11) препозиция местоимения имеется и в греческом предложении. Такое поведение клитики, видимо, не было свойственно живому древнерусскому языку, эта модель функционировала только в книжном, церковнославянском языке и имела греческое происхождение.

Указание на лицо представляло большое удобство для русского книжника, потому что именно в русском языке, в отличие от старославянского и южнославянских языков, наличие личного местоимения при глаголе со временем становилось обязательным. В живом древнерусском языке старшего периода местоимение-подлежащее чаще всего не использовалось. Оно было обязательным лишь при наличии эмфазы (подчеркивания), противопоставления, при обращении и при отнесенности к нескольким клаузам [Зализняк 2008: 241—243]. В составе ДС, где имя в дательном падеже было семантическим подлежащим, уже с древности сложилась модель употребления местоимения при причастии. Большинство примеров тавтосубъектного ДС в древнерусских памятниках содержат оба компонента именно в ДС, а в основном предложении подлежащее-местоимение чаще всего опускалось: *намъ же от глада ослабѣвшимъ и не от коею страну помощи чаемъ имръти* [ИГРЯ 1978: 420]. В. М. Живов отмечал, что употребление местоимений в составе ДС было необходимо именно тогда, когда этот оборот стоял в препозиции к главному предложению: они в данном случае имели анафорическую функцию [Живов 2008]. Среди примеров употребления ДС в переводах Феодора Симоновского есть, однако, такие случаи, когда ДС стоит в постпозиции к главному предложению: *нъ къ земли ниць съклоненъ . призывающю ми твою помощь*. Значит, препозиция к главному предложению не является решающей для использования местоимения в составе ДС.

Особенность исследуемой конструкции, на наш взгляд, нужно искать в том, что она почти без исключений связана со сказуемым в 1 и 2 лице единственного числа. Напомним, что только в двух переводах Феодора Симоновского нам встретилась данная синтаксическая модель — это канон Иоанна Мавропода к Богородице от лица слепого человека и канон к Иоанну Предтече за больного. Оба канона содержат прошения от 1 лица и восхваления Богородицы и Иоанна Предтечи, имеющие при себе глагол во 2 лице. При сказуемом в 3 лице Феодор не использует для перевода ДС, а применяет общецерковнославянскую норму перевода предикативных причастий: *многымъ мразомъ секоущеса . и стывающеса*, и *движутся ѿ студеныа ноужди зюбы моа — сфродрѣ рѣуеи кротоуѣтес каи сунтерѣуѣтес каи просарасѣбѣмоуи тѣ тоу крѣову бѣа ои ѡбѡнтес моу*.

Возможно, при переводе предикативного причастия переводчику нужно было подчеркнуть значение 1 лица, которое в причастии не выделено, а определяется только по сказуемому, зачастую стоящему далеко от причастия. Феодор Симоновский использует уже

⁸ К схожему мнению пришел Э. Корин при анализе Жития Феодосия Печерского в составе Успенского сборника [Corin 1995: 273—280].

устоявшуюся в древнерусском литературном языке модель дательного самостоятельного для того, чтобы подчеркнуть, что именно я (в данном случае больной, слепой) прошу от покровителей защиты и исцеления. Вспомним также, что к XIV в. учащаются случаи, когда личное местоимение ставится при глаголе, и уже личного окончания для указания на лицо становится недостаточно. Так, по наблюдениям А. А. Зализняка над языком новгородских берестяных грамот, в обычном немаркированном случае подлежащее, выраженное личным местоимением, опускается, однако в поздних грамотах отклонение от этого правила встречается все чаще: личное местоимение начинает употребляться значительно шире [Зализняк 2004: 172].

Представляется, что перед нами русская особенность употребления дательного самостоятельного вместо предикативного причастия, и ее в XIV в. использует не только Феодор Симоновский. Так, подобная техника перевода обнаруживается в русском переводе Евхология Великой церкви, выполненном книжниками митрополита Киприана [Афанасьева 2014]. Здесь, в чинах принятия в православие, мы находим следующие примеры такого ДС⁹:

- (27) яко хоташю ми симъ мцатица христіаномъ, яко ревнитель закона... ѿричюса всакоа жидовскія службы (228об.) — ὡς βουλόμενος ἐντεῦθεν ἀμνάσθαι χριστιανούς ὡς ζηλωτῆς διῆθεν τοῦ νόμου ... ἀτοτάσσομαι πάση τῇ ἑβραϊκῇ θρησκείᾳ;
- (28) сихъ оубо проклинающе ми иудѣискія вса ереси и ересеначалники . и повторителнага и поворники . проклинаю съ сими (224об.) — ταῦτας οὖν ἀναθεματίζων τὰς ἰουδαϊκὰς λάσας αἱρέσεις · καὶ τοὺς αἰρεσιάρχας · καὶ τὰς δευτερώσεις · καὶ τοὺς δευτερωτάς · ἀναθεματίζω μετὰ τούτων;
- (29) свовожение възвѣщающе ми ... самъ же яко рабъ грѣху неискусенъ буду (149об., греч. нет).

Приведенные примеры вполне соответствуют технике перевода, обнаруженной нами у Феодора Симоновского. Здесь предикативные причастия переведены тавтосубъектным ДС с местоименной клитикой. Не исключено, что Феодор мог быть одним из переводчиков этого памятника, поскольку он был сподвижником митрополита Киприана. Возможно также, что это была уже общепринятая в русской переводческой практике XIV в. особенность, о чем судить пока еще рано: нужно выделить и исследовать весь корпус русских переводов, выполненных в это время.

Итак, тавтосубъектный ДС имел в древнерусском языке более широкое применение, чем в старославянском. Продолжая и во многом развивая особенности употребления ДС в Супрасльской рукописи и Изборнике 1076 г., церковнославянский язык русского извода усвоил эту конструкцию, и она стала употребляться не только в переводных, но и в оригинальных памятниках. В сочетании с агенсом 1 и 2 лица данная модель по семантике сближалась с предикативным причастием и принимала на себя его функции. Наиболее ранние такие примеры обнаруживаются уже в Житии Феодосия Печерского. В конце XIV в. модель «причастие в дат. п. + ми / ти» начала использоваться при переводе греческого предикативного причастия, относящегося к сказуемому в 1 и 2 лице. Она позволяла в полупредикативной клаузе показать, какое лицо совершает действие. Маркированными оказывались формы 1 и 2 лица, при сказуемом в 3 лице данная конструкция не употреблялась — греческое предикативное причастие передавалось славянским причастием в именительном падеже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Афанасьева 2004 — Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных Даров. Текстология и язык. СПб.: СПбГУ, 2004. [Afanas'eva T. I. *Slavyanskaya liturgiya Prezhdeosvyashchennykh Darov. Tekstologiya i yazyk* [Slavic Liturgy of the Presanctified Gifts. Textology and language]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2004.]

⁹ Примеры цитируются по рукописи ГИМ, Син. 900 нач. XV в.

- Афанасьева 2014 — Афанасьева Т. И. К вопросу о месте и времени славянского перевода Евхология Великой церкви // *Русский язык в научном освещении*. 2014. № 27 (1). С. 237—251. [Afanas'eva T. I. About place and time of translation of the Great Church Euchologion. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 27 (1). Pp. 237—251.]
- Афанасьева (в печати) — Афанасьева Т. И. Русские переводы конца XIV века // Сборник статей памяти В. М. Живова. М. (в печати). [Afanas'eva T. I. Russian translations of the late XIV century. *Sbornik statey pamyati V. M. Zhivova*. Moscow (in print).]
- Богдановић 1978 — Богдановић Д. Песничка творенија монаха Јефрема // Хиландарски зборник. 1978. № 4. С. 109—130. [Bogdanovich D. Poetic works of monk Efrem. *Khilandarski zbornik*. 1978. No. 4. Pp. 109—130.]
- Живов 2008 — Живов В. М. Референтная структура и порядок слов: Дателный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах // *Русский язык в научном освещении*. 2008. № 15 (1). С. 5—56. [Zhivov V. M. Referential structure and word order. Dative absolute in two Old Church Slavonic texts. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 15 (1). Pp. 5—56.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskiy dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999 — Иванова-Мирчева Д., Харалампиев И. История на българския език. Велико Търново: Фабер, 1999. [Ivanova-Mircheva D., Kharalampiev I. *Istoriya na bălgarskiya ezik* [History of the Bulgarian language]. Veliko Tărnovo: Faber, 1999.]
- ИГРЯ 1978 — Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение / под ред. Борковского В. И. М.: Наука, 1978. [Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Prostoje predlozhenie [Historical grammar of the Russian language. Syntax. Simple sentence]. Borkovskiy V. I. (ed.) Moscow, Nauka, 1978.]
- Молдован 2000 — Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. [Moldovan A. M. *Zhitie Andrey a Yurodivogo v slavyanskoj pis'mennosti* [Life of Andrew the Fool-for-Christ in Slavic literature]. Moscow: Azbukovnik, 2000.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru]
- Перегонцева-Граве 1955 — Перегонцева-Граве Л. В. Дателный самостоятельный в русском литературном языке XII—XVII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1955. [Peregontseva-Grave L. V. *Datel'nyy samostoyatel'nyy v russkom literaturnom yazyke XII—XVII vv. Avtooref. kand. diss.* [Dative absolute in the XII—XVII centuries standard Russian. Author's abstract of the cand. diss.]. Leningrad, 1955.]
- Супрасльская рукопись 1982—1983 — Супрасльски или Ретков сборник / Изд. Заимов Й., Капалдо М. Т. I—II. София: Българската академия на науките, 1982—1983. [Supraslski ili Retkov sbornik [Suprasl or Retkov collection]. Zaimov Y., Kapaldo M. (eds.). Vol. I—II. Sofiya: Bulgarian Academy of Sciences, 1982—1983.]
- Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подг. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. / Под ред. Коткова С. И. М.: Наука, 1971. [Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. [Uspenskiy collection of the XII—XIII centuries]. Prepared by Knyazevskaya O. A., Dem'yanov V. G., Lyapon M. V. Kotkov S. I. (ed.). Moscow: Nauka, 1971.]
- Christova 2006 — Christova D. Dative Absolute revisited: Subject coreferentiality in Russian. *Die Welt der Slaven*. 2006. Vol. 51. Pp. 275—290.
- Collins 2004 — Collins D. Distance, subjecthood, and the Early Slavic Dative Absolute. *Scando-Slavica*. 2004. Vol. 50. Pp. 165—181.
- Corin 1995 — Corin A. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and East Slavic. *Die Welt der Slaven*. 1995. Vol. 40. Pp. 251—284.
- Stanislav 1934 — Stanislav J. Dativ absolutny v starej cirkvovej slovenčine. *Byzantinoslavica*. 1934. No. 5. Pp. 1—122.
- Worth 1994 — Worth D. The Dativ Absolute in the Primary Chronicle: Some observations. *Harvard Ukrainian studies*. 1994. Vol. 18 (1—2). Pp. 29—49.

К ТИПОЛОГИИ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМАТИКИ: INSTR.PL*

© 2016

Владимир Александрович Плуноян^{a, b, @},
Ксения Павловна Семёнова^a

^a Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ^b Институт языкознания РАН, Москва, 119019, Российская Федерация; [@]plungian@iling-ran.ru

В статье обсуждается морфологический статус и происхождение формы творительного падежа множественного числа в древнеармянском склонении. Типологическая уникальность этой формы состоит в том, что она, во-первых, оказывается членимой в рамках древнеармянской флективной системы, представляя собой комбинацию падежного показателя с показателем множественного числа *-k'*, и, во-вторых, в том, что показатель числа занимает линейную позицию после показателя падежа (а не перед ним, как во всех стандартных агглютинативных моделях склонения). Для анализа свойств древнеармянской падежной системы вводится понятие «декумуляции»; обсуждается также гипотеза о позднейшем клитическом происхождении показателя множественного числа в составе рассматриваемой формы.

Ключевые слова: агглютинация, древнеармянский язык, кумуляция, парадигма, склонение, флексия

TOWARDS A TYPOLOGY OF CLASSICAL ARMENIAN NOMINAL PARADIGMS: INSTR.PL

Vladimir A. Plungian^{a, b, @}, Xenia P. Semionova^a

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ^b Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; [@]plungian@iling-ran.ru

The paper discusses the morphological status and the origin of instrumental plural form in Classical Armenian. This form is typologically unique in two ways: first, it is the only segmentable form within the flective declensional paradigms in Classical Armenian, which consists of the instrumental case marker and a separate plural marker *-k'*; second, this plural marker occupies a peculiar linear position after the case marker (and not before it, unlike in all standard agglutinative declension patterns). It is argued that the notion of “decumulation” can account for some properties of Classical Armenian declension; a hypothesis of late clitic origins of the plural marker within the form in question is also discussed.

Keywords: agglutination, Classical Armenian, cumulation, declension, flection, paradigm

I. Типологически своеобразные черты древнеармянского склонения, вообще говоря, хорошо известны и не раз обсуждались в специальной литературе. Тем не менее некоторые аспекты устройства древнеармянских парадигм, на наш взгляд, нуждаются в дополнительном осмыслении на более широком типологическом и теоретическом фоне. Ниже речь пойдет, главным образом, о проблемах, связанных с формой инструментального падежа

* Авторы глубоко признательны Ивану Игартуа, Л. И. Куликову, Грачу Мартиросяну, а также двум анонимным рецензентам за продуктивное обсуждение статьи и ценные замечания к первоначальным вариантам этой работы.

множественного числа (далее обозначается как INSTR.PL), но прежде чем перейти к их обсуждению, целесообразно кратко остановиться на специфике древнеармянской падежной системы в целом (более подробный описательный материал с соответствующим сравнительно-историческим контекстом можно найти, например, в классических работах [Meillet 1936] и [Godel 1975]; ср. также более новые очерки [de Lamberterie 1992] и [Clackson 2008]; обзор традиционной арменистической литературы см., например, в [Туманян 1971; Джаякян 1967; 1982]).

Армянское склонение, унаследованное, как считается, в основных чертах от индоевропейского состояния (ср. более подробное обсуждение, помимо указанных выше работ, также в [Kortlandt 1984/2003; 2010; Schmidt 1987; Olsen 1999; Matzinger 2005]), сохранило многие типичные свойства индоевропейских флексивных парадигм (обнаруживаемые также в наиболее архаичных системах греческого, индо-иранских, италийских, балтийских и славянских языков), с которыми соединились специфически армянские инновации, имеющие отчасти фонетические (сильная редукция конца слова), отчасти нефонетические причины (аналогическое выравнивание и контаминация словоизменительных типов).

В результате классическая древнеармянская система (в том виде, в каком она известна прежде всего по памятникам V—IX вв.) характеризуется следующими чертами:

- (i) флексивный характер именного словоизменения с кумулятивным выражением граммем числа и падежа — набором «именных флексий» (о важных отклонениях от этой тенденции речь пойдет ниже);
- (ii) большое число словоизменительных типов (= типов склонения, или наборов именных флексий), причем принадлежность к определенному типу является, как правило, словарным свойством лексемы¹;
- (iii) наличие разнообразных моделей синкретизма именных флексий, как глобальных (= свойственных всем типам парадигм), так и локальных (= свойственных отдельным словоизменительным типам);
- (iv) отчетливое противопоставление именных и местоименных парадигм склонения (различающихся не только по плану выражения флексий, но и набором падежных граммем²);
- (v) противопоставление «одноосновных» типов склонения «многоосновным»: в последнем случае могут различаться две, три, а у отдельных лексем и четыре основы, употребляющиеся с разными фрагментами набора именных флексий³;
- (vi) большое количество морфологически нестандартных падежных граммем, в том числе слабо автономных, морфологически несамостоятельных и слабо дифференцированных падежей (в значении, принятом в [Зализняк 1973/2002]).

¹ Отметим при этом специфическую для армянского очень раннюю утрату категории рода, что лишает разбиение на типы склонения связи с категорией «морфологического рода» [Крылов 1997/2002, Плуноян 2011: 139—140], в той или иной степени существенной для всех классических индоевропейских систем.

² Наиболее существенное различие сводится к тому, что в парадигме местоимений противопоставлены генитив и датив (ср. 1SG.GEN *im* ~ 1SG.DAT *inj* или 3SG.GEN *nora* ~ 3SG.DAT *nma*), тогда как в парадигме имен соответствующие функции во всех типах склонения выражаются одним падежом; ниже мы условно называем этот падеж «расширенным дативом» (или просто дативом, если это не приводит к двусмысленности). Аналогичное противопоставление имеется также в парадигмах нескольких имен так называемого «адъективного» *o*-склонения типа *hin* 'старый', где в единственном числе вместо ожидаемого синкретизма генитива, датива и локатива (с окончанием *-ou*) у локатива и датива обнаруживается отличное от генитива окончание *-um*.

³ Замечательным образом сами эти флексии также различаются, причем для всех многоосновных типов характерен единый набор флексий, а каждый из одноосновных типов имеет свой собственный набор флексий. В традиционных (и диахронически ориентированных) описаниях различие между одноосновными и многоосновными типами обычно трактуется как различие между склонением с основами «на тематическую гласную» и склонением с основами «на согласную» с чередованием внутри основы.

Свойства (i)—(iii) никоим образом нельзя назвать специфически армянскими, они все в той или иной степени характерны для классических индоевропейских флективных систем. С другой стороны, свойства (iv)—(vi) в большей степени характеризуют именно древнеармянскую систему. В дескриптивном плане противопоставление (v) является крайне существенным, так как именно оно фактически задает базовую классификацию древнеармянских словоизменительных типов. Заметим, что многоосновная модель склонения оказалась достаточно устойчива в ходе эволюции, сохранившись и в современных армянских языках — главным образом, как двухосновная (ср. современные восточноармянские парадигмы вида *garun-/garnan-* ‘весна’ или *hayr-/hor-* ‘отец’). Устойчивость такого типа склонения, при котором немаркированные формы «прямого» и «объектного» падежей различаются только основой, может объясняться общекавказскими ареальными тенденциями: ср. разнообразные проявления того же принципа в устройстве именных парадигм современных дагестанских языков [Кибрик 2003: 215—228, 261—268] или осетинского [Беляев 2014].

Однако с теоретической (и с типологической) точки зрения не менее важно и свойство (vi). Действительно, с одной стороны, древнеармянский язык отличается достаточно большим инвентарем падежных граммем: в нем представлена семипадежная система, включающая номинатив, аккузатив, генитив (только в местоименном и «адъективном» склонении), датив, локатив, аблатив и инструменталис. Для индоевропейского языка такой инвентарь практически максимален, так как в истории падежных систем отдельных индоевропейских языков — если исключить явные вторичные инновации типа тохарских, осетинских или старолитовских падежей позднего образования — преобладала, скорее, редукция падежного инвентаря до 4—5 граммем (в частности, утрата локатива, аблатива и инструменталиса, совпадавших в разных комбинациях друг с другом или с «главными» синтаксическими падежами; см. подробнее, например, [Kulikov 2012]). Заметим, что с диахронической точки зрения оценивать это богатство падежного инвентаря можно по-разному: либо просто постулируя особую грамматическую архаичность древнеармянского склонения в плане содержания (такова, по-видимому, наиболее традиционная точка зрения, поддержанная, в частности, А. Мейе и рядом других исследователей), либо предполагая, что сохранение и воспроизводство развитого падежного инвентаря на фоне мощных фонетических процессов разрушения конца слова вряд ли могло происходить без влияния ареальных факторов и, по крайней мере частично, является в армянском не архаизмом, а, скорее, инновацией (такова, в частности, точка зрения многих современных индоевропейцев, например Ш. де Ламбертри⁴). В поддержку последней точки зрения укажем, что в материальном отношении архаичность большинства древнеармянских флексий весьма сомнительна, а ряд падежных граммем (в частности, аблатив) бесспорно являются результатом внутриармянского развития [Godel 1975: 106; Kortlandt 1984/2003; Schmidt 1987; Matzinger 2005].

Однако при всем богатстве инвентаря падежных граммем обращает на себя внимание морфологическая нестандартность выражения большинства из них — их, если можно так выразиться, морфологическая проблематичность. Таблицы склонения древнеармянских существительных порою кажутся наглядным пособием к курсу общей морфологии, иллюстрируя буквально все возможные случаи «неканонического» поведения падежных показателей. К сожалению, этот интереснейший материал до сих пор недостаточно освоен морфологической теорией⁵; с другой стороны, описательные грамматики древнеармянского языка именно по этой причине изобилуют дискуссионными и непоследовательными решениями

⁴ Одним из первых это положение сформулировал Э. А. Макаев, ср.: «Многopaдежная система языков восточного ареала, в том числе армянского {...}, является не чем иным, как {...} инновацией, охватившей языки этого ареала» [Макаев 1967: 86]; ср. также [Туманян 1971: 12—13].

⁵ Из работ последнего времени по теоретической морфологии, целиком или в значительной степени основанных на древнеармянском материале, укажем [Halle, Vaux 1998] и [Сага 2009]; оба исследования используют формальные теории структуры слова (первое — «распределенную морфологию» Халле — Марантца, второе — «наносинтаксис» Штарке).

в отношении инвентаря падежей и статуса отдельных граммем (подробнее о теоретической стороне проблемы см., в частности, [Семёнова 2010]).

В задачи настоящей работы, разумеется, не входит подробный обзор всех теоретических аспектов описания древнеармянской падежной системы, но для лучшего понимания последующего изложения полезно кратко суммировать некоторые ключевые тезисы относительно морфологического статуса различных падежных форм.

Как уже было сказано, в древнеармянском именном словоизменении крайне мало морфологически полноценных граммем. В частности, важны следующие типы отклонений от морфологического стандарта, представленные в (1)—(3).

1) Слабо автономные падежные словоформы.

Как известно, в прототипическом случае именная словоформа, являющаяся элементом парадигмы склонения, сильно автономна — в том смысле, что она может образовывать минимальное высказывание (или, в других терминах, функционировать в качестве полноценной именной группы). Однако дело не всегда обстоит так, и случаи неавтономных (слабо автономных) падежных словоформ также засвидетельствованы. Как правило, слабая автономность падежной словоформы имеет место тогда, когда она не может функционировать в качестве минимального высказывания без некоторого дополнительного элемента в составе именной группы, присутствие которого при данной падежной граммеме является обязательным. В морфологическом плане такие дополнительные элементы обычно являются клитиками, а в грамматическом плане — предлогами или послелогоми. Слабо автономны, в частности, формы предложных падежей в современном русском языке (образующие минимальное высказывание только в составе предложной группы). Особенность древнеармянской системы состоит в том, что слабо автономных падежей в ее составе несколько, а связь падежных словоформ с предложными клитиками (или формантами) оказывается достаточно тесной, делая границу между соответствующими клитическими комплексами и полноценными словоформами не всегда очевидной (даже по сравнению с такими языками, как русский). К слабо автономным падежам в древнеармянском следует отнести аблатив и локатив, не употребляющиеся без предлогов: вопреки встречающимся утверждениям, это не только универсальный пространственный предлог *i/y-* (наиболее частотный), но и ряд других, в частности, *and* ‘с’ и *ar* ‘у’ с локативом, *z-* в значении динамического контакта (как в *схватить за...*) или темы (как в *рассказать про...*) с аблативом [Godel 1975: 27; de Lamberterie 2005]. Трактовка единиц вида *y-awur* ‘PРЕП-день:LOC.SG’ или *y-awrē* ‘PРЕП-день:ABL.SG’ как предложно-падежных клитических комплексов влечет несколько важных следствий для описания падежной системы. В частности, падежной формой (пусть и слабо автономной), т. е. элементом словоизменительной парадигмы имени, признаются сегменты типа *awur* и *awrē*, которые, в свою очередь, могут демонстрировать падежный синкретизм с другими формами парадигмы (так, *awur* в данном типе склонения совпадает с формой датива) либо его отсутствие (как в случае *awrē*). Аналогично, элементами комплексов *y-art* ‘PРЕП-поле:LOC.SG’ и *y-artoy* ‘PРЕП-поле:ABL.SG’ являются, соответственно, словоформы *art* и *artoy*, которые должны рассматриваться как синкретичные представители номинатива, аккузатива и локатива единственного числа (*art*) и датива и аблатива единственного числа (*artoy*). Никаких специализированных падежных форм локатива в парадигмах типа *awr* ‘день’ и *art* ‘поле’, равно как и никаких специализированных падежных форм аблатива в парадигмах типа *art* выделять не следует (вопреки традиционной дескриптивной практике), поскольку предложная клитика не является частью морфологических единиц, образующих словоизменительные парадигмы. При этом, подчеркнем еще раз, мы должны исходить из того, что словоизменительные парадигмы в древнеармянском включают как сильно автономные, так и слабо автономные единицы — что является нечастой, но типологически вполне хорошо засвидетельствованной возможностью.

Напротив, традиционно выделяемые формы аккузатива типа *z-awr* или *z-art* не являются даже минимальными, сильно автономными словоформами, поскольку в общем случае предложная клитика *z-*, как известно, в древнеармянском не обязательна: это обычные

клитические комплексы, состоящие из предложной клитики и сильно автономной словоформы. Тем самым, словоформы *awr* и *art* в соответствующих парадигмах будут считаться синкретичными представителями нескольких словоизменительных граммем: номинатива и аккузатива единственного числа в первом случае и номинатива, аккузатива и локатива единственного числа — во втором.

2) Морфологически несамостоятельные падежные граммеы.

Другое распространенное явление в древнеармянском склонении — так называемая морфологическая несамостоятельность ряда падежных граммем. Морфологической несамостоятельностью граммеы g_i грамматической категории G в общем случае называется такой способ ее манифестации, при котором у нее нет специализированных показателей: все показатели g_i синкретичны, но при этом в разных частях парадигмы (или у разных лексем) имеют место разные модели синкретизма. Иными словами, в части случаев обнаруживается синкретизм между граммемами g_i и g_j , в части случаев — между граммемами g_i и g_k и т. п. Характерным примером морфологически несамостоятельного показателя является флексия аккузатива множественного числа в современном русском языке, которая, как известно, совпадает у неодушевленных лексем с флексией номинатива, а у одушевленных — с флексией генитива множественного числа.

Свойство морфологической несамостоятельности было выделено А. А. Зализняком [1973/2002] как раз на материале падежного словоизменения, хотя морфологически несамостоятельными могут быть, вообще говоря, граммеы любой грамматической категории, ср. [Плунгян 2011: 137, 182—183]. В любом случае морфологически несамостоятельные падежные граммеы составляют важный и достаточно распространенный тип падежного синкретизма. Как показано еще А. А. Зализняком, морфологическая несамостоятельность граммеы может препятствовать ее выделению: традиционная дескриптивная практика в этом случае противоречива и часто руководствуется диахроническими и иными внешними критериями. Описания древнеармянской падежной системы не представляют в этом отношении исключения. К морфологически несамостоятельным падежным граммемам в древнеармянском относится прежде всего аккузатив: в единственном числе он совпадает с номинативом, во множественном — с локативом (напомним, что формы древнеармянского локатива являются при этом слабо автономными). Сам локатив также близок к морфологической несамостоятельности: в большинстве случаев его показатели совпадают либо с показателями датива, либо с показателями аккузатива, но в нескольких маргинальных подтипах все же выделяются специализированные показатели локатива (в единственном числе). Поэтому локатив целесообразно рассмотреть в третьей, наиболее многочисленной группе морфологически нестандартных падежей древнеармянского языка — в группе слабо дифференцированных падежей.

3) Слабо дифференцированные падежные граммеы.

Это свойство было также выделено А. А. Зализняком [1973/2002] и предполагает, что объем класса лексем, имеющих специализированные показатели данной граммеы, достаточно мал. Что касается тех лексем, у которых специализированные показатели падежной граммеы отсутствуют, то здесь следует различать два случая: либо эти лексемы вообще не образуют данной падежной формы (например, по семантическим причинам), т. е. имеют дефектную парадигму («неполный падеж», по А. А. Зализняку), либо — чаще всего — показатель соответствующей граммеы совпадает с показателем какого-либо другого падежа. Тем самым, такой случай оказывается близок к предыдущему — морфологически несамостоятельному падежу; в каком-то смысле можно говорить о тенденции к морфологической несамостоятельности, нарушаемой лишь небольшой группой лексем со специализированными показателями.

Как раз этот последний случай в высшей степени характерен для древнеармянской падежной системы. Как представляется, большое количество слабо дифференцированных падежей свойственно диахронически нестабильной системе, в которой имеются либо многочисленные реликты прежнего состояния, находящиеся на пути к исчезновению, либо,

напротив, целый ряд не полностью грамматикализованных инноваций. Можно полагать, что оба типа явлений в древнеармянской падежной системе были представлены широко, и диахроническая нестабильность была свойственна ей уже с периода первых письменных памятников.

Не будет преувеличением утверждать, что в древнеармянской падежной системе слабо дифференцированными (и/или морфологически несамостоятельными) были практически все падежи, кроме инструменталиса: это единственный падеж, которому синкретизм почти не свойствен⁶ (любопытным образом, такая же морфологическая маркированность отмечалась и для творительного падежа в славянских языках — это наблюдение было сделано еще в [Якобсон 1958/1985]). Сказанное, впрочем, не означает, что древнеармянский инструменталис является «морфологически проблемным» падежом — напротив, как мы намерены показать в оставшейся части работы, в формальном отношении это один из самых парадоксальных древнеармянских падежей.

Что касается остальных шести падежей, то всем им широко свойствен синкретизм и слабая представленность специализированных показателей.

Действительно, в парадигме единственного числа всегда совпадают номинатив и аккумулятив (у подтипов на *-o* и *-a* с ними совпадает также локатив); датив совпадает либо с аблативом (при синкретизме локатива и аккумулятива), либо с локативом. Таким образом, единственный специализированный показатель в единственном числе имеется у аблатива — но не во всех типах склонения, а лишь в многоосновных консонантных и в нескольких вокалических, в целом аблатив в парадигме единственного числа оказывается, таким образом, относительно слабо дифференцированным, а все остальные падежи (кроме инструменталиса) — морфологически несамостоятельными⁷.

Слабо дифференцированным падежом в каком-то смысле, безусловно, можно считать и древнеармянский генитив — в особенности если рассматривать склонение имен и местоимений как единую систему (хотя методологически более правильно, видимо, было бы вообще не выделять генитив в синхронном описании склонения имен, различая, в терминологии А. А. Зализняка, два грамматических разряда — базовый именной и местоименно-адъективный, постулируя для них разные наборы падежных граммем). В любом случае количество склоняемых лексем со специализированным показателем генитива единственного числа в древнеармянском не превышает трех десятков.

Что касается парадигмы множественного числа, то она характеризуется еще более последовательным и глобальным синкретизмом, чем парадигма единственного; при этом сами флексии множественного числа отличаются значительным единообразием и в гораздо меньшей степени проявляют алломорфическое варьирование. Во множественном числе систематически совпадают показатели аккумулятива и локатива (*-s*), а также показатели датива

⁶ Единственным исключением являлась небольшая группа имен, исторически характеризуемая как склонение с тематической гласной *-u-*: в этом типе склонения показатель инструменталиса *-u* в единственном числе совпадает с показателем локатива и датива. Данная падежная омонимия — позднего происхождения и возникла в результате поглощения этимологического показателя инструменталиса *-w* тематической гласной основы (*-uw* → *-u*).

⁷ Слабо дифференцированным падежом в единственном числе можно было бы признать также локатив, но его морфологическая самостоятельность минимальна даже по сравнению с аблативом: основной специализированный показатель Loc.SG *-oj* имеется всего у нескольких лексем с номинативом на *-i* типа *tari* 'год' (принадлежащих к так называемому смешанному *-o/-a*-склонению); однако и у этих лексем специализированные локативные формы типа *tarwoj* достаточно рано начинают использоваться и как вариант датива (наряду со стандартным *tarwoy*), так что по отношению к реальному узусу «специализированный» локатив на *-oj*, скорее всего, является грамматическим конструктом. Аналогичная тенденция к выделению специализированного локативного показателя отмечается и для некоторых других небольших групп: это *-i* у имен типа *beran* 'рог' (имеющих флексии *o*-основы в других формах) и *-um* у имен «адъективного» склонения; однако в памятниках классического периода она не реализуется последовательно.

и аблатива (-[V]с'); номинатив всегда морфологически самостоятелен (-k'; но о других возможных трактовках см. ниже).

Тем самым, в парадигме единственного числа у имен в общем случае формально различается лишь от 3 до 4 флексий (у местоимений — от 5 до 6), а в парадигме множественного числа — лишь 4 флексии (у местоимений — от 4 до 5): это в целом обеспечивает морфологическое противопоставление падежных функций, но практически исключает использование специализированных показателей. Наиболее сильно падежный синкретизм представлен в парадигмах единственного числа основ на -o и на -a: {НОМ/АСС/ЛОС} vs. {ДАТ/АВЛ} vs. {ИНСТР}.

II. Итак, все древнеармянские падежные граммы, кроме инструменталиса, являются слабо дифференцированными и почти все — морфологически несамостоятельными; выделение 6- или 7-падежной системы оказывается возможным только за счет того, что в разных фрагментах словоизменительной парадигмы действуют разные модели падежного синкретизма. Специализированные показатели как в единственном, так и во множественном числе свойственны только одному древнеармянскому падежу — инструменталису. Однако здесь возникает весьма любопытный дескриптивный парадокс, так как показатель инструменталиса кажется единственным, структура которого явным образом не следует принципу флективности, т. е. обнаруживает изоморфную членимость как в плане содержания, так и в плане выражения. Действительно, если в единственном числе показатель инструменталиса имеет алломорфы -w (после гласных; после o графически выступает -v; в варианте -u см. выше) и -b (после согласных), то во множественном числе показатель инструменталиса всегда образуется единообразно: к показателю единственного числа добавляется -k'. Ср. формы INSTR.SG и INSTR.PL от лексем разных типов склонений: *gorc* 'дело' (*gorc.o.v* ~ *gorc.o.v.k'*), *ban* 'слово' (*ban.i.w* ~ *ban.i.w.k'*), *dašt* 'поле' (*dašt.a.w* ~ *dašt.a.w.k'*), *aygi* 'сад' (*ayg.ea.w* ~ *ayg.ea.w.k'*), *cov* 'море' (*cov.u* ~ *cov.u.k'*), *tun* 'дом' (*tam.b* ~ *tam.b.k'*), *awr* 'день' (*awur.b* ~ *awur.b.k'*) и т. п. Каким бы прихотливым ни было правило выбора алломорфа инструменталиса в единственном числе, форма множественного числа полностью регулярно образуется на базе формы единственного⁸.

Разумеется, этот факт уже сам по себе резко отличает словоформы INSTR.PL от всех остальных: армянскому словоизменению в целом не свойственна ни подобная членимость, ни подобная регулярность (напротив, как мы помним, его существенной особенностью является развитое алломорфическое варьирование с обилием словоизменительных типов, а также тенденция к флективному и фузионному соединению морфем). Но дело не только в том, что показатель INSTR.PL — единственный нефлективный показатель в древнеармянском склонении, и граммы падежа и числа выражаются в нем независимо; крайне существенно, что в качестве показателя множественного числа функционирует уже имеющийся в системе показатель -k', который мы находим в формах НОМ.PL. Напомним, что ранее мы считали — более или менее в соответствии с традицией — этот показатель специализированным показателем номинатива во множественном числе (ср. формы НОМ.PL от указанных выше лексем: *gorc.k'*, *ban.k'*, *dašt.k'*, *aygi.k'*, *cov.k'*, *tun.k'*, *awur.k'*; в отличие от парадигмы единственного числа, во множественном числе номинатив, по крайней мере на первый взгляд, не демонстрирует синкретизма). Однако функционирование показателя -k' в качестве нефлективного показателя множественности в составе форм INSTR.PL заставляет

⁸ Редким исключением из этого правила является тот случай, когда у косвенных падежей единственного и множественного числа в парадигмах используются разные основы. В такой ситуации выбор основы обычно иерархически приоритетен, но неэлементарная структура флексии INSTR.PL все равно сохраняется. Ср. формы INSTR.SG и INSTR.PL от многоосновных лексем типа *k'ar* 'камень' (*k'ar.i.w* ~ *k'aram.b.k'*), *erēc* 'священник' (*eric'.u* ~ *eric'am.b.k'*) или *jeṛn* 'рука' (*jeṛ.b/jeṛam.b* ~ *jeṛ.a.w.k'*), *akn* 'глаз' (*akam.b* ~ *ač'.a.w.k'*), хотя и здесь встречаются колебания в сторону унификации основ разных чисел [Туманян 1971: 195, 230—231].

пересмотреть эту трактовку и более внимательно проанализировать соотношение древнеармянских парадигм единственного и множественного числа в целом.

Для наглядности приведем фрагмент парадигмы склонения четырех из упоминавшихся выше лексем (не учитывая падежный синкретизм, который сейчас для нашего анализа не существует):

Таблица 1

	SG				PL			
	<i>gorc</i>	<i>ban</i>	<i>dašt</i>	<i>awr</i>	<i>gorc</i>	<i>ban</i>	<i>dašt</i>	<i>awr</i>
NOM	<i>gorc</i>	<i>ban</i>	<i>dašt</i>	<i>awr</i>	<i>gorc.k'</i>	<i>ban.k'</i>	<i>dašt.k'</i>	<i>awur.k'</i>
ACC	<i>gorc</i>	<i>ban</i>	<i>dašt</i>	<i>awr</i>	<i>gorc.s</i>	<i>ban.s</i>	<i>dašt.s</i>	<i>awur.s</i>
DAT	<i>gorc.oy</i>	<i>ban.i</i>	<i>dašt.i</i>	<i>awur</i>	<i>gorc.o.c'</i>	<i>ban.i.c'</i>	<i>dašt.a.c'</i>	<i>awur.c'</i>
INSTR	<i>gorc.o.v</i>	<i>ban.i.w</i>	<i>dašt.a.w</i>	<i>awur.b</i>	<i>gorc.o.v.k'</i>	<i>ban.i.w.k'</i>	<i>dašt.a.w.k'</i>	<i>awur.b.k'</i>

Как можно видеть, соотношение форм единственного и множественного числа не столь тривиально и не слишком прямолинейно вписывается в представление о полной флективности парадигм. Действительно, легко заметить, что все формы множественного числа морфологически сложнее, чем формы единственного: они всегда содержат на одну морфему больше; более того, практически все формы множественного числа могут быть получены из соответствующих форм единственного числа путем присоединения этой дополнительной морфемы. Отсюда лишь один шаг до постулирования того свойства древнеармянской именной парадигмы, которое, по-видимому, целесообразнее всего назвать «квазиагглютивацией»: мы имеем в виду очевидную выделимость в составе именных словоформ самостоятельных показателей падежа и числа. Возможность такой выделимости отчетливо противопоставляет (вопреки [Halle, Vaux 1998]) древнеармянское склонение «настоящим» флективным парадигмам индоевропейских языков, ср. хотя бы латинские пары вида *silv.ae* 'лес:DAT.SG' ~ *silv.īs* 'лес:DAT.PL' или русские пары вида *стен.е* ~ *стен.ам*, где соотношение флексий единственного и множественного числа явным образом эквивалентно, и эти флексии не только не демонстрируют какой-либо структурной общности, но и вообще не содержат ни одной общей фонемы.

На самом деле внимательный анализ древнеармянских именных словоформ позволяет постулировать у них достаточно сложную линейную структуру, в которой выделяются три различных посткорневых позиции; каждая из них может заполняться самостоятельной серией показателей, выражающих определенное грамматическое противопоставление; в числе таких показателей могут быть нулевые, а также несегментные (т. е. значимые чередования). Для дальнейшего описания также важно деление всех падежных граммем на «прямые» (номинатив и аккузатив), «косвенные» (датель и инструменталис) и «вторичные» (локатив и аблатив); показатели вторичных падежей либо морфологически не самостоятельны, либо образуются на базе косвенных⁹.

Можно считать, что первая позиция (ближайшая к корню) заполняется показателем основы, вторая позиция — показателем падежа, а третья — показателем числа. Формы прямых падежей всегда имеют нулевой показатель основы, основа же косвенных падежей либо имеет вокалический показатель («тематическая гласная»), либо связана с прямой основой различными сложными чередованиями (в описании которых мы здесь не будем углубляться). Следует отметить, что тематическая гласная у всех словоформ косвенных падежей не обязательно одна и та же: в древнеармянском широко распространен феномен так называемого

⁹ Последнее касается прежде всего АвЛ.СГ, показатели которого в ряде случаев присоединяются не к основе, а к форме датива/локатива, т. е. выступают не столько как аффикс, сколько как «вторичный модификатор» (что, можно полагать, отражает более позднюю грамматикализацию аблатива в составе армянской падежной системы); ср. соотношение ДАТ/ЛОС.СГ и АВЛ.СГ у таких лексем, как *tehi* 'место' (*tehw.oj* ~ *tehw.oj.ē*), *zard* 'украшение' (*zard.u* ~ *zard.u.ē*) или *hin* 'старый' (*hn.um* ~ *hn.m.ē*). Подобные случаи также иллюстрируют нарушение принципа флективности.

«смешанного склонения», предполагающего, что в разных падежных формах выбираются разные тематические гласные (по достаточно сложным правилам); в таблице 1 лексема *dašt* иллюстрирует именно этот тип парадигмы.

То, что остается после отделения показателя основы, и представляет собой с традиционной точки зрения падежно-числовую флексию. Однако мы видели, что, по крайней мере в случае инструменталиса, эта флексия явным образом представима как агглютинативный комплекс, состоящий из отдельного показателя падежа (-w-/-b-) и показателя числа (нуль для единственного и -k' для множественного). Бесспорная членимость показателя INSTR.PL заставляет более внимательно взглянуть и на другие «флексии» древнеармянской именной парадигмы. Оказывается, что и эти флексии как минимум допускают альтернативный анализ, при котором можно усматривать раздельное выражение падежа и числа. Для парадигмы единственного числа это достигается достаточно легко — всего лишь постулированием нулевого выражения у граммем единственного числа и всех падежей, кроме инструменталиса; противопоставление прямых падежей и датива при этом экономно обеспечивается различием прямой и косвенной основы (что особенно отчетливо видно на примере лексем типа *awr*, где различие основ связано с чередованием). У форм типа *awur* показатели падежа и числа оказываются нулевыми даже при традиционном анализе; нужно всего лишь распространить этот анализ на формы типа *ban.i*, у которых сегментный показатель -i следует интерпретировать как показатель косвенной основы, а не как падежно-числовую флексию. При такой интерпретации иной облик приобретает и парадигма множественного числа: показатели основы сохраняются в ней точно те же, что и в единственном числе, а следовательно, оказывается правомерным и выделение тех же нулевых показателей падежей, которые присутствовали в формах единственного числа. Тем самым, «флексии» -k', -s и -c' становится возможным интерпретировать как простые показатели множественного числа — правда, у разных падежей разные. Однако это не кумулятивное выражение значений падежа и числа в одной нечленимой «мегаморфе» (если использовать известную терминологию И. А. Мельчука), а алломорфическое варьирование, при котором выбор того или иного варианта зависит от семантики смежной граммемы — хотя, конечно, для разных показателей такой анализ в разной степени приемлем (в наименьшей степени для аккумулятивного -s, значение которого не дублируется никакой другой частью словоформы, особенно в парадигмах типа *awr*, где основа множественного числа совпадает с косвенной основой единственного). Как бы то ни было, «квазиагглютинативный» анализ древнеармянского склонения — по крайней мере, во многих его фрагментах¹⁰ — имеет право на существование, и тем самым флективный характер именных парадигм в древнеармянском оказывается в существенной степени ослаблен.

Подчеркнем еще раз, что предложенный анализ поддерживается прежде всего существованием в системе склонения форм INSTR.PL с их отчетливой трехаффиксной структурой. Распространение этой структуры на остальные словоформы оказывается вполне допустимым — хотя, конечно, и не единственным — способом их интерпретации. Возникает вопрос, насколько такой анализ (в синхронном плане возможный как чисто теоретическая альтернатива традиционному, ср. сходные рассуждения в [Саха 2009]) согласуется с фактами эволюции армянского языка.

Как известно, при переходе от древнеармянского к новоармянскому состоянию произошла радикальная перестройка системы склонения, с установлением полностью агглютинативного принципа выражения граммем числа и падежа (ср., например, краткий обзор этой проблематики в [Halle, Vaux 1998] и [Donabédian 2000]). Многие исследователи отмечали, что тенденции к агглютинации были свойственны и древнеармянскому языку, хотя и не проявлялись в нем отчетливо. Древнеармянская форма INSTR.PL занимала значительное место

¹⁰ Еще одним таким квазиагглютинативным фрагментом могут считаться формы аблатива личных местоимений 1 и 2 лица, где в качестве некумулятивного показателя множественного числа регулярно выступает элемент -j, четко отделимый от падежного показателя аблатива, ср. 1SG/PL.ABL: *in.ēn ~ m.ēn.j*, 2SG/PL.ABL: *k'.ēn ~ j.ēn.j*. О формах (указательных) местоимений 3 лица см. ниже.

в подобных рассуждениях: неоднократно указывалось (в том числе уже в [Meillet 1936: 65, 71]), что ее морфологическое устройство демонстрирует все признаки агглютинативности и находит параллели, кроме того, в некоторых других плюралных употреблениях показателя *-k'* вне субстантивной сферы — в частности, в форме Nom.PL местоимения второго лица *duk'* 'вы' (ср. Nom.SG *du* 'ты') и в окончании первого лица множественного числа презенса *-mk'* (при окончании первого лица единственного числа *-m*); тем самым, постулировалась тенденция к «агглютинативному поведению» морфемы *-k'* в качестве показателя множественного числа (подробнее см., например, [de Lamberterie 1979; 1993; Donabédian 2000: 37; Сага 2009: 91; Igartua 2015: 688—689] и др.). При этом с этимологической точки зрения появление *-k'* в составе формы INSTR.PL, по всей вероятности, следует считать аналогической инновацией: для более древнего состояния армянской системы склонения обычно постулируется омонимия показателей INSTR.SG и INSTR.PL (находящая параллели в греческом микенского периода и у Гомера, ср. [Godel 1975: 104; Clackson 1994: 68—74]; подробнее об этимологии показателя древнеармянского инструменталиса, с обширной литературой вопроса, см. [Matzinger 2005], специально в связи с греческими и индо-иранскими параллелями — также [Martirosyan 2013: 91]). Таким образом, для различения числовой омонимии в формах инструменталиса был использован «номинативный» показатель *-k'*, который, как уже упоминалось выше, в морфологическом отношении к тому моменту являлся ослабленной флексией с доминирующим значением числа, а не падежа (в связи с возможной интерпретацией номинатива как падежа с нулевым показателем во всей парадигме)¹¹.

Каковы бы ни были гипотезы о первоначальном состоянии протоармянской падежной системы, по отношению к тому ее состоянию, которое известно нам как классическое древнеармянское и фиксируется письменными памятниками начиная с V в., существуют три утверждения о форме INSTR.PL:

- (i) эта форма **членима**, т. е. безусловно не является флексией и состоит из морфологически различных показателей инструментального падежа и множественного числа;
- (ii) показатель множественного числа в этой форме полностью¹² совпадает с показателем Nom.PL;
- (iii) показатель множественного числа в этой форме занимает линейную позицию **после** показателя падежа.

¹¹ Любопытно, что этимология и самого «номинативного» *-k'* далеко не бесспорна. Индоевропейцы с начала XX в. (вслед за Х. Педерсеном и М. Граммоном) обычно указывают в качестве наиболее вероятного источника общиндоевропейские плюралные окончания номинатива с исходом на *-s*, но это требует признать аномальное развитие спиранта в данной флексии (так называемое «усиление»), поскольку при регулярном развитии окончание должно было бы полностью исчезнуть ([Godel 1975: 102; de Lamberterie 1979; 1993; Clackson 1994: 71—72] и др.). Заслуживает внимания альтернативная гипотеза о собственно армянском источнике показателя *-k'* на более позднем этапе развития падежной системы — менее популярная в настоящее время, но в осторожной форме предложенная еще Мейе [Meillet 1936: 70]; ср. также сочувственное изложение соответствующей аргументации в [Clackson 1994: 71—74]. На наш взгляд, эта последняя гипотеза (предполагающая более позднюю грамматикализацию показателя *-k'* из некоторой энклитической частицы, исходно не связанной с падежными граммемами) лучше объясняет бы факт тождественного использования этого показателя в нескольких локусах словоизменительной парадигмы.

¹² Заслуживает внимания наблюдение Годеля, согласно которому морфонологические свойства плюралного элемента *-k'* в формах номинатива и инструменталиса могли различаться: если «номинативное» *-k'* всегда требовало вставки редуцированной гласной после согласной (в том числе и после [w]), то «инструментальное» *-k'* этой вставки не требовало; в [Godel 1975: 19] приводятся пары типа *nawk'* [nawək^h] 'корабли, Nom.PL') и *ařakawk'* [ařakawk^h], более позднее [ařakok^h] 'притчами, INSTR.PL'; как можно видеть, только в форме инструменталиса сочетание *aw* перед согласной в среднеармянских рукописях монофтонгизировалось в [o]. Правда, реконструкция Годеля опирается на позднюю традицию книжного произношения габара; каково было реальное произношение в V в., нам, разумеется, достоверно не известно.

Все эти три факта очень важны для общей теории морфологии и требуют некоторых комментариев.

III. Начнем с утверждения о членимости флексии INSTR.PL (и, как было показано ранее, вытекающего из него утверждения о потенциальной членимости других словоформ древнеармянской именной парадигмы). По сути, перед нами очень интересное явление, которое демонстрирует крайне редкое (согласно представлениям многих теоретиков — и вообще невозможное) движение «вспять» по шкале морфологизации (или аддитивно-фузионного континуума, ср. [Плунгян 2009: 70—71]), т. е. разрушение флексии и восстановление агглютинации в словоизменительной парадигме — «восстановление» в том смысле, что если считать всякую флексию продуктом эволюции агглютинативной морфологии, то речь идет, так сказать, о возвращении на предыдущую стадию. Разумеется, этот процесс не может происходить в буквальном смысле: агглютинативная морфология этапа S_1 , трансформируясь во флективную морфологию этапа S_2 , уже ни при каких обстоятельствах не может вернуться к тому же самому этапу S_1 . В этом отношении прошлое языка действительно необратимо (как и всякое прошлое). Но вот что оказывается в редких случаях все же возможным — это восстановление некоторых признаков агглютинативной морфологии в рамках состояния S_2 , при этом, конечно, речь идет о других признаках, чем те, которые присутствовали в состоянии S_1 . Тем не менее, сам по себе этот процесс частичного обратного движения заслуживает всяческого внимания. Можно предложить для его описания термин «декумуляция», понимая декумуляцию именно как (частичное) восстановление членимости флексий¹³. Недавно на это явление было обращено внимание в большой обзорной статье [Igartua 2015], где сделана попытка каталогизации всех подобных случаев в истории флективных систем (для их обозначения автор в основном пользуется термином «обратный морфологический цикл»); в число надежно засвидетельствованных примеров такого развития включен и армянский, с указанием на то, что уже в древнеармянской системе существовали «некоторые агглютинативные тенденции» [Igartua 2015: 688—689].

По своей природе декумуляция, очевидно, есть частный случай **переразложения** — попытки говорящих представить нечленимый морфологический элемент как (полностью или частично) членимый. Но если хрестоматийные примеры переразложения (типа русск. *верстак* или *зонтик*) обычно относятся к области адаптации заимствований, то декумуляция действует в области словоизменительной морфологии, казалось бы, наиболее консервативной (но ср. обзор различных случаев переразложения в области аффиксальной морфологии в [Haspelmath 1995]). Тем не менее, такого рода изменения не столь редки, как можно полагать. Диахронически неустойчивые системы, с обилием синкретизма и большим числом словоизменительных типов, являются для них благоприятной средой. В частности, стоит напомнить, что тенденция к декумуляции проявлялась и в диахроническом развитии парадигм склонения в славянских языках — это впервые отметил Р. О. Якобсон в известной статье 1958 г., а в дальнейшем для русского языка такие наблюдения были обобщены в блестящей — хотя и краткой — заметке А. А. Зализняка, напечатанной в юбилейном якобсоновском сборнике 1967 г. [Зализняк 1967/2002]. Если кратко суммировать выводы А. А. Зализняка в предложенных нами выше терминах, то они состоят в том, что в парадигмах множественного числа в современном русском языке имеет место достаточно заметная

¹³ Сходный по внутренней форме термин «*déflexi(v)té*» был, как известно, в свое время предложен французским лингвистом Гюставом Гийомом, однако склонный к парадоксальным философским обобщениям Гийом вкладывал в свой термин гораздо более широкий смысл, понимая под ним всякий диахронический процесс разрушения флективности и появления на ее месте «нефлективных» элементов, т. е., прежде всего, аналитических конструкций (подробнее см., например, [Tollis 2010], где дается обзор взглядов Гийома в современном контексте). Аналогично, недавно ставший популярным в англоязычных работах термин «*deflection*» (ср., например, [Norde 2001] или [Enger 2013]) описывает, скорее, исчезновение флективной категории («деграмматикализацию»), чем ее изменение в плане выражения.

декумуляция (возникшая в результате исторической редукции типов склонения во множественном числе и, в частности, утраты во множественном числе противопоставления по морфологическому роду): так, в склонении прилагательных выделяется единообразный показатель множественного числа *-i-*, а в склонении существительных — такой же единообразный показатель множественного числа *-a-* (присутствие которого особенно заметно в парадигмах типа *город.á, город.á.м, город.á.ми, город.á.х*). Этот процесс, безусловно, сходен с тем, который происходил в древнеармянском склонении. Любопытно, что в русском языке в результате декумуляции формируется единый показатель множественного числа при сохранении падежной алломорфии в разных числах, тогда как в армянском декумуляция приводит, скорее, к появлению единых показателей падежей, но с сохранением алломорфии показателей множественного числа в разных падежных формах: типологически последнее кажется более необычным развитием.

Тем не менее, если в целом вторичная членимость форм склонения существительных в древнеармянском (достигшая максимума в форме INSTR.PL), при всей их необычности, как мы видим, не противоречит данным о закономерностях возможного развития флективных систем, то другая особенность формы INSTR.PL, а именно линейная позиция показателя числа **после** показателя падежа, является ярким нарушением известных в морфологической типологии фундаментальных принципов строения словоформы.

Действительно, каковы бы ни были исторические причины, приведшие к возникновению формы INSTR.PL, бросается в глаза ее крайне необычная линейная структура: четко выделяемый показатель инструментального падежа *-w-/-b-* располагается перед столь же четко выделяемым показателем множественного числа (*-k'*). В засвидетельствованных в языках мира системах склонения такой линейный порядок, как кажется, почти никогда не встречается: повсеместно преобладает обратный порядок, где за показателем числа следует показатель падежа¹⁴. Так устроены все известные агглютинативные системы склонения (в том числе и современные армянские, как восточная, так и западная, ср. современные формы типа *ban.ov* 'словом', INSTR.SG ~ *ban.er.ov* 'словами', INSTR.PL). Иными словами, существующие в языках мира формы склонения обычно демонстрируют либо кумуляцию показателей падежа и числа, либо линейное предшествование показателя числа¹⁵ (заметим, что и в современной русской системе частичная декумуляция множественного числа приводит именно к такому результату).

Объяснение этому факту обычно дается в рамках так называемого «принципа релевантности», хорошо известного в лингвистике XX в., но обычно связываемого с циклом работ Джоан Байби 1980—1990-х гг. (см. прежде всего [Bybee 1985: 13—16, 33—36 et passim]; см. также [Плунгян 2009: 26—27] в связи с обсуждением «принципа возрастающей грамматичности»); согласно принципу релевантности, ближе к корню располагаются показатели тех грамматических значений, которые теснее связаны с (именной или глагольной) семантикой. Очевидным образом, семантика показателей числа в этом смысле «релевантнее», чем

¹⁴ Одним из немногих известных исключений являются данные австралийского языка кайтетье, или кайтить (пама-нюнга > аранда), где «двойственное и множественное число, явным образом произошедшее из квантификаторов 'два' и 'много', следуют за (эргативным) падежным показателем, так что этот необычный порядок есть результат инновационного процесса грамматикализации категории числа» [Кибрик 2003: 262—263], со ссылкой на Ф. Планка. Интересно, что аномальный порядок морфем обычно постулируется и для реконструируемой общиндоевропейской формы ACC.PL (*-ns), где назальный показатель аккузатива предшествует показателю множественного числа.

¹⁵ На основании этого М. Халле и Б. Вокс [Halle, Vaux 1998] даже отказываются анализировать форму INSTR.PL как агглютинативную, т. е. содержащую отдельный показатель числа и падежа: не желая нарушать чистоту теории, они предпочитают говорить о показателе INSTR.PL как о флексии, но с явлением «множественной манифестации» числа (то, что в терминологии Халле называется «расщеплением» — *fission*). Заметим, однако, что даже этот весьма прихотливый формальный анализ не объясняет, почему флексия, являющаяся результатом «расщепления», демонстрирует именно такой линейный порядок элементов.

падежная. Однако объяснение в рамках принципа релевантности будет неполным, если не добавить к этому, что порядок аффиксов в словоформе обычно отражает порядок клитик внутри фонетического слова на стадии, предшествующей их морфологизации. При морфологизации падежных показателей мы обычно имеем дело с уже существующим морфологическим выражением числа; естественным образом, падежные клитики (предлоги или послелоги) в процессе морфологизации занимают более внешнюю позицию в словоформе. Это, разумеется, не противоречит принципу релевантности, но объясняет, почему он так редко нарушается. Все известные на сегодняшний день нарушения, как кажется, происходят из-за иного порядка грамматикализации, когда более «релевантное» значение оказывается выражено менее морфологизованным элементом, который не сразу удается включить в состав словоформы (и тем более — в семантически соответствующей ему позиции). Такие в диахроническом отношении «поздние гости» в составе словоформы и создают отклонения от шкалы релевантности — просто потому, что первоначальная морфологизация клитики возможна только в крайней внешней позиции, а все остальные позиции в словоформе заняты. В результате образуется неканоническая структура со смещенным внешним аффиксом — т. е. таким, который, занимая внешнюю позицию, с точки зрения принципа релевантности должен быть не внешним, а внутренним¹⁶.

В ходе языковой эволюции такие неканонические структуры часто подвергаются изменениям, при которых происходит перестановка аффиксов уже внутри словоформы. М. Хаспельмат, обобщив ряд таких случаев, предлагает говорить в связи с этими процессами об «экстернализации» словоизменительных показателей [Haspelmath 1993], восстанавливающей принцип релевантности. В этом смысле в ходе эволюции армянского языка также произошла «экстернализация» показателя творительного падежа (занявшего в новоармянских языках «правильную» позицию после показателя числа), однако механизм этой экстернализации отличается от процесса, описанного Хаспельматом.

Хаспельмат полагает, что экстернализация «из-под» морфологизовавшейся клитики обычно происходит через стадию дублирования показателя; одним из центральных его примеров является склонение грузинских неопределенных местоимений, в которых вначале показатель падежа предшествовал показателю неопределенности, а потом экстернализовался (при этом засвидетельствованы и формы с двойным падежным маркированием). Так, формы дательного падежа местоимения *rame* ‘что-то’, образованного от местоимения *ra* ‘что’, существовали в трех местоимениях: первоначальной *ra.s.me*, дублирующей *ra.s.me.s* и, наконец, экстернализованной *ra.me.s*, где принцип релевантности восстановлен. Строго говоря, в истории армянского склонения происходила не такая экстернализация показателя инструменталиса, а, скорее, построение агглютинативной модели склонения заново: старая флективная система разрушилась, а на ее месте была создана новая система — с другим показателем множественного числа *-er/-ner* — и в рамках этой новой системы просто были использованы некоторые старые падежные показатели. Хорошо известно, что при этом в новую систему попадали падежные показатели из парадигмы как единственного, так и множественного числа: в частности, в одних новоармянских диалектах показателем аблатива является сингулярное по происхождению *-ē*, а в других (в том числе в литературном восточноармянском) — плюральное по происхождению *-ic*’.

Правда, по крайней мере один случай дублирования показателей может быть указан и в древнеармянской системе: он имеет место в склонении указательных местоимений. Но это не совсем тот тип дублирования, который предусмотрен схемой Хаспельмата. Для наглядности приведем парадигму указательного и анафорического местоимения 3 лица *na* ‘тот, он’ (с этимологической основой *no-*); сходные явления есть и в других местоименных парадигмах:

¹⁶ Данное обстоятельство, вообще говоря, является дополнительным аргументом в пользу гипотезы Мейе о происхождении показателя множественности *-k*’ из клитики на собственно армянской почве (а не о его развитии непосредственно из индоевропейской флексии): структурные свойства *-k*’ типичны именно для клитики с поздней морфологизацией.

Таблица 2

	NOM	ACC	LOC	DAT	GEN	ABL	INSTR
SG	<i>na</i>		<i>nma</i>		<i>nora</i>	<i>nmanē</i>	<i>novaw</i>
PL	<i>nok'a</i>	<i>nosa</i>		<i>noc'a</i>		<i>noc'anē</i>	<i>nok'awk'</i>

В устройстве этой парадигмы много интересных с точки зрения морфологической теории особенностей: так, можно видеть в ее составе конечный формант *-a*, как правило, нарушающий принцип релевантности (он следует после показателей LOC-DAT.SG *-[u]m*, GEN.SG *-r*, NOM.PL *-k'*, ACC-LOC.PL *-s* и DAT-GEN.PL *-c'*). Экстернализация падежного показателя происходит в случае аблатива (образованного на основе датива по агглютинативной модели с помощью единого для обоих чисел показателя *-nē*) и — что особенно интересно — в случае инструменталиса, где в формах единственного числа как раз и наблюдается описанное Хаспельматом дублирование выносимого на периферию падежного показателя (*no.v.a.w* как промежуточная стадия вместо более архаичного **nova* и ожидаемого в конечном счете **naw*). Но удивительнее всего здесь, конечно (как и всегда!), форма INSTR.PL. В ней дублируется вовсе не показатель падежа (хотя именно он должен был бы подвергнуться экстернализации по правилу Хаспельмата, давая форму типа **nok'aw*), а показатель числа, давая форму *no.k'a.w.k'* (даже не **novawk'*, которую тоже можно было бы ожидать здесь). «Победа» именно этой парадоксальной формы свидетельствует, как можно полагать, о том, что (i) падежные формы множественного числа парадигматически сильнее связаны с другими формами множественного числа (ср. формально отражающую эту связь основу множественного числа), а не с формами того же падежа единственного числа и (ii) INSTR.PL во всех парадигмах содержит экстернализованный показатель множественности *-k'*, с необходимостью противопоставляющий его форме INSTR.SG. В этом фрагменте устройства древнеармянских парадигм проявляется, как кажется, то, что теоретики часто называют победой «локальной мотивации» над «глобальной» (см., например, [Enger 2013]).

Итак, подведем итоги. С точки зрения морфологической теории древнеармянская форма INSTR.PL — одно из наиболее парадоксальных явлений словоизменения. Но присутствие этой формы в древнеармянской системе в каком-то смысле закономерно: она находит мотивацию прежде всего в процессе **декумуляции** флективных парадигм склонения, связанном с общими процессами разрушения плана выражения падежной системы в древнеармянском (приводивших к таким результатам, как синкретизм, морфологическая несамостоятельность или слабая дифференцированность большинства падежных граммем, вторичные падежные аффиксы и др.). Декумуляция как общая тенденция, безусловно, предвосхитила позднейшее образование агглютинации в новоармянском склонении, и древнеармянскую форму INSTR.PL можно считать крайней точкой развития декумуляции. Другой особенностью этой формы является нарушение принципа релевантности в расположении показателей падежа и числа; в поисках объяснения этому факту полезно, на наш взгляд, пересмотреть традиционную идею индоевропейского происхождения флексии древнеармянского NOM.PL *-k'* и вернуться к менее популярной среди индоевропейцев гипотезе Мейе о более позднем происхождении этого показателя из морфологизованной клитики на собственно армянской почве. Такой диахронический сценарий позволил бы лучше объяснить не только структуру формы INSTR.PL, но и некоторые другие «странности» плюральной парадигмы в древнеармянском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляев 2014 — Беляев О. И. Осетинский как язык с двухпадежной системой: групповая флексия и другие парадоксы падежного маркирования // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 31—65. [Belyaev O. I. Ossetic as a language with a two-case system: Suspended affixation and other paradoxes of case marking. *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 6. Pp. 31—65.]

- Джаукян 1967 — Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван: Изд-во АН, 1967. [Jahukyan G. B. *Ocherki po istorii dopis'mennogo perioda armyanskogo yazyka* [An outline of the history of pre-literate Old Armenian]. Erevan: The Academy of Sciences Publ., 1967.]
- Джаукян 1982 — Джаукян Г. Б. Сравнительная грамматика армянского языка. Ереван: Изд-во АН, 1982. [Jahukyan G. B. *Sravnitel'naya grammatika armyanskogo yazyka* [A comparative grammar of Armenian]. Erevan: The Academy of Sciences Publ., 1982.]
- Зализняк 1967/2002 — Зализняк А. А. О показателях множественного числа в русском склонении // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 545—549. [Zaliznyak A. A. On plural markers in the Russian declension. Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu)*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 545—549.]
- Зализняк 1973/2002 — Зализняк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 613—647. [Zaliznyak A. A. On the interpretation of the term «case» in linguistic descriptions. Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu)*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 613—647.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А. Е. Именное словоизменение в дагестанских языках с типологическими параллелями // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб: Алетейя. С. 196—269. [Kibrik A. E. Noun inflection in the Dagestanian languages with typological parallels. Kibrik A. E. *Konstanty i peremennyye yazyka*. St. Petersburg Aleteiya. Pp. 196—269.]
- Крылов 1997/2002 — Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка 30 лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // Зализняк А. А. Русское именное словоизменение (с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 699—748. [Krylov S. A. A. A. Zaliznyak's «Russkoe imennoe slovoizmenenie» 30 years later: An attempt of a retrospective review from the perspective of neostructuralist morphology. Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie (s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu)*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002. Pp. 699—748.]
- Макаев 1967 — Макаев Э. А. Значение армянского языка для реконструкции общиндоевропейского состояния // Историко-филологический журнал. 1967. № 4. С. 75—90. [Makaev E. A. The importance of Armenian for the Proto-Indo-European reconstruction. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*. 1967. No. 4. Pp. 75—90.]
- Плунгян 2009 — Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. Изд. 3 (испр. и доп.). М.: Либроком, 2009. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to the problematics]. 3rd ed. (revised and enlarged). Moscow: Librokom, 2009.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introducing grammatical semantics: Grammatical values and grammatical systems in the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Семёнова 2010 — Семёнова Кс. П. Эволюция падежной системы древнеармянского языка: основные тенденции и проблемы описания. Дипломная работа. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. [Semionova X. P. *Evolyutsiya padezhnoi sistemy drevnearmyanskogo yazyka: osnovnyye tendentsii i problemy opisaniya. Diplomnaya rabota* [Evolution of the Classical Armenian case system: Main tendencies and problems of description. Graduate thesis]. Moscow: Lomonosov Moscow State Univ., 2010.]
- Туманян 1971 — Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. М.: Наука, 1971. [Tumanyan E. G. *Drevnearmyanskii yazyk* [The Classical Armenian language]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Якобсон 1958/1985 — Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением // Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 176—197. [Jakobson R. O. Morphological observations on the Slavic declension. Jakobson R. O. *Izbrannyye raboty*. Moscow: Progress, 1985. Pp. 176—197.]
- Bybee 1985 — Bybee J. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Сaha 2009 — Сaha P. Classical Armenian declension. *Nordlyd*. 2009. Vol. 36. (Special issue on Nanosyntax.) Pp. 77—112.

- Clackson 1994 — Clackson J. *The linguistic relationship between Armenian and Greek*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Clackson 2008 — Clackson J. Classical Armenian. *The ancient languages of Asia Minor*. Roger D. Woodard (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press. Pp. 124—143.
- Donabédian 2000 — Donabédian A. De l'arménien classique à l'arménien moderne: typologie, ordre des mots et contact linguistique. *Cahiers de linguistique de l'INALCO*. 2000. No. 3. Pp. 34—54.
- Enger 2013 — Enger H.-O. Morphological theory and grammaticalisation: The role of meaning and local generalisations. *Language Sciences*. 2013. Vol. 36. Pp. 18—31.
- Godel 1975 — Godel R. *An introduction to the study of classical Armenian*. Wiesbaden: Reichert, 1975.
- Halle, Vaux 1998 — Halle M., Vaux B. Theoretical aspects of Indo-European nominal morphology: The nominal declensions of Latin and Armenian. *Mir Curad: Studies in honor of Calvert Watkins*. Jasanoff J., Melchert H. C., Olivier L. (eds.). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft, 1998. S. 223—240.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. The diachronic externalization of inflection. *Linguistics*. 1993. Vol. 31. Pp. 279—309.
- Haspelmath 1995 — Haspelmath M. The growth of affixes in morphological reanalysis. *Yearbook of Morphology 1994*. Booij G., van Marle J. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1995. Pp. 1—29.
- Igartua 2015 — Igartua I. From cumulative to separative exponence in inflection: Reversing the morphological cycle. *Language*. 2015. Vol. 91. Pp. 676—722.
- Kortlandt 1984/2003 — Kortlandt F. Proto-Armenian case endings. *Armeniaca: Comparative notes*. Kortlandt F. Ann Arbor: Caravan Books, 2003. Pp. 45—51.
- Kortlandt 2010 — Kortlandt F. An outline of Proto-Indo-European. *Studies in Germanic, Indo-European and Indo-Uralic*. Kortlandt F. Amsterdam: Rodopi, 2010. Pp. 37—45.
- Kulikov 2012 — Kulikov L. I. The Proto-Indo-European case system and its reflexes in a diachronic typological perspective: Evidence for the linguistic prehistory of Eurasia. *Rivista degli Studi Orientali*. 2012. Vol. 84. Pp. 289—309.
- de Lamberterie 1979 — de Lamberterie Ch. Le signe du pluriel en arménien classique. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1979. Vol. 74. Pp. 319—332.
- de Lamberterie 1992 — de Lamberterie Ch. Introduction à l'arménien classique. *LALIES*. 1992. Vol. 10. Pp. 234—289.
- de Lamberterie 1993 — de Lamberterie Ch. Le pluriel en arménien classique. *Faits de langues*. 1993. No. 2. Pp. 161—167.
- de Lamberterie 2005 — de Lamberterie Ch. Le verbe arménien *unim/kalay*. *Indogermanica — Festschrift Gert Klingenschmitt: Indische, iranische und indogermanische Studien dem verehrten Jubilar dargebracht zu seinem fünfundsechzigsten Geburtstag*. Schweiger G. (Hrsg.). Tübingen (Riekofen): Schweiger VWT, 2005. S. 333—358.
- Martirosyan 2013 — Martirosyan H. 2013. The place of Armenian in the Indo-European language family: The relationship with Greek and Indo-Iranian. *Journal of language relationship/Вопросы языкового родства*. Vol. 10. Pp. 85—137.
- Matzinger 2005 — Matzinger J. *Untersuchungen zum altarmenischen Nomen: die Flexion des Substantivs*. Dettelbach: Röhl, 2005.
- Meillet 1936 — Meillet A. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. 2me éd. Wien: Mechitharisten, 1936.
- Norde 2001 — Norde M. Deflexion as a counterdirectional factor in grammatical change. *Language Sciences*. 2001. Vol. 23. Pp. 231—264.
- Olsen 1999 — Olsen B. A. *The noun in Biblical Armenian: Origin and word-formation — with special emphasis on the Indo-European heritage*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Schmidt 1987 — Schmidt K. H. The Indo-European background of the Classical Armenian noun declension. *Annual of Armenian linguistics*. 1987. Vol. 8. Pp. 35—47.
- Tollis 2010 — Tollis F. La déflexivité romane et la personne dans les écrits publiés de Gustave Guillaume (domaine nominal). *Langages*. 2010. Vol. 178. No. 2. Pp. 21—42.

Статья поступила в редакцию 16.02.2016.

**«СМОТРИ, ЭТОТ ЧАЙ ВОТ-ВОТ ЗАКИПИТ В КОТЛЕ...»
(об одной малоизученной видо-временной форме
в тувинском языке)**

© 2016

Полина Алексеевна Оскольская

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация
polysonic@mail.ru

В статье рассматривается семантика и употребление глагольной формы со значением будущего времени в тувинском языке, ранее не описанной в грамматиках. Изучаемая форма образуется с помощью причастия будущего времени *-р* и аффиксов принадлежности, которые в данном случае выступают в функции показателей лица. Дополнительным компонентом является слово *ол*, которое может быть опущено без изменения смысла предложения. От других будущих времен тувинского языка данная форма отличается наличием дополнительной проспективной семантики (действие должно произойти вскоре после момента речи), а также модального компонента (намерение и высокая степень вероятности свершения действия по оценке говорящего). Также в статье делается предположение о происхождении формы: она появилась в результате грамматикализации полипредикативной конструкции.

Ключевые слова: будущее время, вид, время, грамматикализация, модальность, проспектив, тувинский язык, тюркские языки

**ON AN UNDERSTUDIED VERBAL FORM OF FUTURE
WITH PROSPECTIVE SEMANTICS IN TUVAN**

Polina A. Oskolskaia

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, 199053, Russian Federation
polysonic@mail.ru

The article proposes an analysis of a verbal form in the Tuvan language used to express future, prospective semantics and some modal meanings, which has never been described in Tuvan grammars. The form derives from the future participle *-r* and possessive affixes used in this case as personal markers. The additional (and optional as well) component is the particle *ol*, which can be omitted with no effect on the interpretation of the construction. This verbal form has developed as a result of grammaticalization of a poly-predicative construction.

Keywords: aspect, future, grammaticalization, modality, prospective, tense, Turkic languages, Tuvan

1. Введение

Данная статья посвящена одной грамматической форме, широко распространенной в современном тувинском языке, которая, тем не менее, не получила на сегодняшний день подробного освещения в научной литературе. Ниже представлен типичный контекст, в котором появляется эта форма (выделена жирным курсивом):

- (1) *Меңээ шаптыкта-ва, мен чагаа бижи-ир-им (ол)*¹.
 я.ДАТ мешать-NEG я письмо писать-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)
 ‘Не мешай мне, я буду писать письмо’².

По примеру (1) видно, что словоформа *бижи-ир-им (ол)* передает значение будущего времени. Из грамматических описаний (главным образом, [Исхаков, Пальмбах 1961: 386—391], но также и [Сат 1955: 692—693]) известно, что в глагольной системе тувинского языка существуют две формы, передающие это значение. Б. Ч. Ооржак в последней монографии, посвященной временной системе тувинского языка [Ооржак 2014], также относит к будущему времени две глагольные формы. Однако ни в грамматиках, ни в работе Б. Ч. Ооржак исследуемая форма не находит сколько-нибудь подробного описания. Впервые о ней написано в статье Д. А. Монгуша «Об аналитической форме предикации в тувинском языке» [1968/2009]³, где он рассматривает несколько форм с показателем *ол*, и в частности форму типа *бижи-ирим*⁴. Л. А. Шамина называет такие формы аналитическими конструкциями с притяжательными формами причастий и указательными местоимениями *ол* и *бо*. Она также пишет, что местоимения могут свободно опускаться и служат для выражения экспрессивности высказывания (и только для этого) [Шамина 2005]. В последней статье [Шамина 2014], посвященной проспективным формам в тувинском языке, эта конструкция не упоминается.

Материалы, полученные в ходе наших полевых исследований⁵, напротив, показывают, что интересующая нас форма активно функционирует в речи носителей тувинского языка. Более того, примеры ее употребления можно найти и в тувинской художественной литературе (2), (3).

- (2) *Өл ыяш-ты чүге кез-ер-иң ол? — деп,*
 сырой дерево-ACC почему рубить-Р/Ф-POSS.2SG PRT PRT
ача-зы кайга-п айтыр-ган.
 отец-POSS.3 удивиться-CV спросить-PRF
 ‘Почему ты собираешься срубить живое дерево? — удивился отец’ (К.-Э. Кудажы, «Улуг-Хем неугомонный»).
- (3) *Бөгүн дораан Чингин-Мээрең-ниң бод-ун-га чед-ер-им бо.*
 сегодня сразу Чингин-Мээрең-GEN сам-POSS.3-ДАТ доходить-Р/Ф-1SG PRT
 ‘Я сегодня же дойду до самого Чингин-Мээрена’ (С. Сарыг-оол, пример из [Монгуш 1968/2009]).

В настоящей статье будет представлена попытка описать структуру этой формы, некоторые ее семантические характеристики, а также будет сделано несколько предположений по поводу происхождения и статуса данной формы в языке.

¹ Слово *ол* помещено в скобки, так как является необязательным и часто опускаемым компонентом данной грамматической формы. С другой стороны, не учитывать его нельзя, поскольку некоторые носители все же считают его обязательным. Статус этого слова будет рассмотрен в статье более подробно в разделе 2.2.

² Все примеры в статье, если особо не отмечено иное, взяты из материала, собранного в экспедиции 2010 г., организованной на средства гранта РГНФ №10-04-18028е. Все примеры на тувинском языке приведены в современной тувинской кириллической орфографии.

³ Также эта форма рассматривается, но не столь подробно в [Монгуш 1985/2009].

⁴ Помимо рассматриваемой формы с частицей *ол* употребляется и форма причастия прошедшего времени на *-ган* (например, *бар-ган-ым ол* — ‘я (только что) ушел’), однако в этой статье мы не будем ее рассматривать.

⁵ Данные получены в ходе экспедиции в Республику Тува (Пий-Хемский и Монгун-Тайгинский кожууны) в 2010 г. Работа шла преимущественно с носителями центрального и западного диалектов тувинского языка.

2. Компоненты формы

Изучаемая форма образуется с помощью причастия будущего времени *-р* (варианты аффикса по сингармонизму: *-ар, -ер, -ыр, -ир, -ур, -үр*) и аффиксов принадлежности, которые в данном случае выступают в функции показателей лица. Дополнительным компонентом является слово *ол*, которое может быть опущено без изменения смысла предложения. Парадигма глагола *бижиир* ‘писать’ в этой форме будет выглядеть так:

Таблица 1

Парадигма изучаемой формы

1 л.	<i>бижи-ир-им (ол)</i> ‘я напишу’	<i>бижи-ир-ивис (ол)</i> ‘мы напишем’
2 л.	<i>бижи-ир-иң (ол)</i> ‘ты напишешь’	<i>бижи-ир-иңер (ол)</i> ‘вы напишете’
3 л.	<i>бижи-ир-и (ол)</i> ‘он напишет’	<i>бижи-ир-(лер)-и (ол)</i> ‘они напишут’

Рассмотрим компоненты данной формы подробнее.

2.1. Две формы на *-р* — абсолютные синонимы или частичные омонимы?

Помимо исследуемой формы в системе времен тувинского языка существует и другая форма с аффиксом *-р* — это форма настоящего-будущего времени (см. в таблице 2), или проще — времени на *-р*. Как следует из названия, она используется для передачи семантики как настоящего, так и будущего времени. И действительно, время на *-р* в тувинском языке охватывает большинство видо-временных грамматических значений, которые типологически обычно получают оформление настоящим или будущим временем, в том числе привычные значения, вневременное значение (‘Некоторые тувинцы и сейчас живут в юртах’), обозначение намерения или предположения говорящего, но не прогрессив. Иными словами, настоящее-будущее на *-р* является базовым и наиболее нейтральным временем для зоны непрошедшего времени.

Таблица 2

Настоящее-будущее время

1 л.	<i>бижи-ир мен</i> ‘я напишу’	<i>бижи-ир бис</i> ‘мы напишем’
2 л.	<i>бижи-ир сен</i> ‘ты напишешь’	<i>бижи-ир силер</i> ‘вы напишете’
3 л.	<i>бижи-ир</i> ‘он напишет’	<i>бижи-ир(лер)</i> ‘они напишут’

По сути, аффикс *-р* и является грамматическим показателем непрошедшего времени.

Этот же аффикс входит и в состав форм типа *бижиирим*, передавая, судя по всему, то же самое значение — значение непрошедшего времени. Во всяком случае, такие формы не могут употребляться в контексте прошедшего времени, о чем свидетельствует невозможность примера (4).

- (4) **Дуун мен чагаа бижи-ир-им (ол).*
 вчера я письмо писать-Р/F-POSS.1SG (PRT)
 ожидаем. ‘Вчера я напишу письмо’.

Таким образом, в языке одновременно функционируют две формы с показателем *-р* — *бижиир мен* и *бижиирим (ол)*, — относящиеся, по всей видимости, к одному временному плану. Такая ситуация приводит к естественной конкуренции двух форм в языке, которая (если не брать во внимание факультативное *ол*) может интерпретироваться, на наш взгляд, двумя способами: либо вторая форма является дублетным вариантом первой⁶, либо это две

⁶ Диахронически появление дублетных форм можно было бы объяснить стяжением, учитывая, что стяжение — довольно распространенный процесс в тувинском языке (ср. дублетные формы

самостоятельные формы со своей семантикой. Анализ семантики обеих форм показал, что форма типа *бижирим* (далее будет обозначаться как форма на *-р2*), по-видимому, является самостоятельной (подробнее об этом см. раздел 3).

2.2. *Ол* — местоимение или частица?

Одним из элементов изучаемой формы, который и позволяет исследователям называть ее аналитической, является слово *ол*, частеречный статус которого в данном случае не совсем ясен⁷. С одной стороны, *ол* — это указательное и личное местоимение 3 л. ед. ч. («тот» или «он»). В статье 1968 г. [Монгуш 1968/2009] приведен пример, где *ол* действительно ведет себя как синтаксически самостоятельная единица. В примере (5) *ол* (другой вариант — местоимение *бо* ‘этот’ с той же функцией) представляет собой главный предикат, подлежащим при котором выступает конструкция с глаголом *ажылдаар*:

- (5) *Мээн ажылда-ар-ым бо / ол(-дур).*
 я.GEN работать-Р/Е-POSS.1SG PRG / PRT

‘Я (вот сейчас) буду работать’ [Монгуш 1968/2009: 51].

Пример (5) может в этом случае буквально переводиться как ‘Есть то (такой факт), что я собираюсь работать’. Монгуш отмечает (и в примере это продемонстрировано), что к местоимениям *ол* и *бо* может добавляться частица *-тыр* (в ее огубленных вариантах: *ол-дур* и *бо-дур*), связанная по происхождению с глаголом *турар* ‘стоять’ [1968/2009: 51]. Эта частица иногда используется в качестве связки при именных предикатах⁸ (как так называемый аффикс сказуемости):

- (6) *Бо пөш — тур.*
 это кедр PRT

‘Это (есть) кедр’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 433].

Наличие частицы *-тыр* теоретически должно подтверждать факт синтаксической самостоятельности местоимения *ол* в предложениях данного типа⁹.

Д. А. Монгуш считает, что рассматриваемая глагольная форма «все еще находится на грани между предикативными и атрибутивными формами» [Монгуш 1968/2009: 53],

вспомогательных глаголов *болур* ~ *боор* и *олур* ~ *ор*). Однако в тюркологии есть и другая точка зрения на этот вопрос. В [Кормушин 1988] отмечается, что в большинстве тюркских языков с формой на *-р* используются личные показатели I типа (как и в тувинском *бижир мен*), однако в некоторых языках можно наблюдать частичное проникновение в парадигму и личных аффиксов II типа. Например, наличие дублетных (взаимозаменяемых) форм на *-р* для 1 л. ед. ч. характерно для башкирского, татарского с барабинским, караимского, хакасского и шорского (тувинский язык, впрочем, среди них не отмечен). Такое смешение парадигмы И. В. Кормушин объясняет тем, что форма на *-р* имела две парадигмы личного спряжения: одну — при функционировании в качестве предиката (выступая как глагол), вторую — при номинализации (выступая как глагольное имя). Опираясь на материал различных тюркских языков, он утверждает, что «употребление двух серий личных показателей в форме на *-р* связано не с “фонетической” вариантностью “гомогенных”, по мнению многих исследователей, формантов, но основано на функционально-грамматическом различии двух типов морфо-синтаксического сочетания глагола в форме на *-р* с маркером лица при нем» [Кормушин 1988: 398].

⁷ В статье принято решение глоссировать как частицу — PRT.

⁸ В современном тувинском языке частица *-тыр* гораздо чаще используется как показатель эвиденциальности [Harrison 2000: 41]. Значение показателя сказуемости является для нее периферийным.

⁹ В статье [Черемисина, Скрибник 1988/2004] отмечается, что «указательное местоимение в роли главного сказуемого широко встречается в тюркских языках Южной Сибири, особенно в тувинском и алтайском». Похожие примеры можно найти также в бурятском языке. По мнению авторов, основная семантическая функция местоимений — передать значение достоверности описываемого события.

приводя в качестве доказательства тот факт, что подлежащее в предложении с подобным сказуемым может выражаться как именительным, так и родительным падежом без какой-либо разницы в значении.

(7) *Мен* (/Мээн) *ажылда-ар-ым* *бо* / *ол(-дур)*
 я.NOM (/я.GEN) работать-Р/Г-POSS.1SG PRG / PRG

‘Я (вот сейчас) буду работать’ [Монгуш 1968/2009: 53].

И действительно, наличие местоимения в генитиве *мээн* дает основания считать всю конструкцию полипредикативной конструкцией с зависимой предикацией. Матричным предикатом является местоимение *бо/ол(-дур)*, от которого зависит предикативная конструкция с глагольной вершиной *ажылдаарым*, выступающая в роли подлежащего при матричном предикате. Подлежащее в зависимой предикации обычно оформляется родительным падежом в тувинском, в данном случае эту функцию выполняет местоимение *мээн*. Появление конкурирующей формы местоимения *мен* свидетельствует о стремлении языковой системы к выравниванию данной конструкции по стандартной схеме независимого предложения с подлежащим в именительном падеже и сказуемым, выраженным финитной глагольной формой. Таким образом, мы видим, что форма действительно из «атрибутивной» становится более «предикативной».

Материалы, полученные в результате нашего исследования, свидетельствуют о том, что со временем внутри этой конструкции происходит процесс десемантизации местоимения *ол* с последующей утратой им своих синтаксических и семантических свойств. Во-первых, об этом свидетельствует выражение подлежащего бывшей «зависимой» части придаточного именительным падежом (вместо полагающегося в этой синтаксической позиции родительного). Вариативность *nom/gen*, отмеченная в 1968 г. Д. А. Монгушем, в настоящее время исчезла, и предпочтение отдается именительному падежу (по крайней мере, употребление родительного падежа в данной позиции автору не встретилось ни разу). Во-вторых, не только элемент *-тыр* (который и в статье Монгуша характеризовался как необязательный), но также и сами местоимения *ол* и *бо* являются в современном языке факультативными и могут без ущерба для смысла предложения опускаться. Абсолютное большинство опрошенных носителей языка (15 из 19 человек) считают, что оба местоимения можно опустить, и сами периодически опускают их в речи. Отдельные информанты (в основном, пожилого возраста (50-60 лет)) утверждали, что употребление *ол* в данной форме обязательно, и использовали его во всех случаях без исключений¹⁰.

Эти факты (именительный падеж подлежащего и частое опущение местоимений) свидетельствуют о постепенном переосмыслении носителями языка предложений с формами на *-р₂*: «бывшая» полипредикативная единица становится простым предложением. Как следствие, родительный падеж уступает место именительному как стандартному падежу подлежащего в простых предложениях. Форма, содержащая глагольную лексему, начинает восприниматься как сказуемое простого предложения, а следовательно, и как финитная глагольная форма. Местоимение *ол* попадает в маргинальную позицию для знаменательного слова — в позицию за сказуемым. В тувинском языке обычно такую позицию занимают слова с абстрактной семантикой, которые, как правило, не обладают синтаксической (да и семантической) самостоятельностью и дополняют семантику предиката — в научной литературе их принято называть частицами¹¹. Несмотря на то, что частицы оказывают влияние на семантику глагольной словоформы, как правило, они могут свободно опускаться. Видимо, по схожей схеме начинает себя вести и слово *ол* в данном случае, что позволяет

¹⁰ Характерно, что один из опрошенных носителей считал употребление *ол* обязательным, но при этом в своей речи часто позволял себе его опустить.

¹¹ О роли частиц в синтаксисе тувинского языка можно прочитать, например, в [Монгуш 1998; Байыроол 2009].

говорить о нем, скорее, как о частице, чем о как местоимении¹². Можно предположить, что в дальнейшем описанная тенденция будет только закрепляться.

Напоследок отметим, что второе местоимение *бо*, упоминавшееся в статье Д. А. Монгуша [1968/2009] как основное в изучаемой форме, как кажется, утрачивает свои позиции и в настоящий момент встречается значительно реже своего ближайшего «аналога» *ол*. Впрочем, этот вопрос требует отдельного исследования и подробно автором настоящей статьи не рассматривался.

2.3. Показатели притяжательности или личные аффиксы?

Последние компоненты формы, которые мы собираемся рассмотреть, — аффиксы, обозначающие лицо, участвующее в совершении действия. В форме на $-p_2$ в качестве таковых используются аффиксы принадлежности. Исторические причины появления таких аффиксов довольно прозрачны: если с диахронической точки зрения форма на $-p_2$ была предикатом зависимого предложения, то по правилам грамматики она присоединяла аффиксы принадлежности. Однако на синхронном уровне форма на $-p_2$ поменяла свой статус (см. раздел 2.2) в сторону самостоятельной предикации. Таким образом, представляется обоснованной интерпретация *-им* в данной форме как личного аффикса 1 л. ед. ч. в глагольной словоформе, а не как аффикса принадлежности. В сознании носителя языка такая интерпретация также будет довольно естественной, поскольку набор аффиксов принадлежности на две трети тождествен аффиксам лица II типа (см. таблицу 3): аффиксы 1-го и 2-го лица совпадают с соответствующими аффиксами принадлежности, различаются лишь аффиксы 3-го лица (нулевой показатель для личных аффиксов и показатель *-и* для аффиксов принадлежности).

Таблица 3

Аффиксы принадлежности II типа на примере форм прошедшего времени на *-ды*

1 л.	<i>бижиди-м</i> 'я написал'	<i>бижиди-вис</i> 'мы написали'
2 л.	<i>бижиди-ң</i> 'ты написал'	<i>бижиди-ңер</i> 'вы написали'
3 л.	<i>бижиди-ө</i> 'он написал'	<i>бижиди-(лер)</i> 'они написали'

Таким образом, можно утверждать, что в современном тувинском языке форма на $-p_2$ становится самостоятельной глагольной формой со своим особым типом личных показателей.

3. Семантика форм на $-p_2$

В этом разделе мы попробуем рассмотреть известные нам ситуации, в которых употребляется форма на $-p_2$. Характерной чертой глагольной системы тувинского языка является закрепление за одним грамматическим показателем значений нескольких грамматических категорий (временных, аспектуальных и модальных). Именно этим и объясняется, по-видимому, с одной стороны, количество и разнообразие глагольных времен, которые встречаются в грамматических описаниях тувинского языка, а с другой стороны, колебание в количестве глагольных времен от работы к работе. Вопрос, какой набор грамматических значений, закрепленный за определенной формой, называть временем¹³, нетривиален, и каждый исследователь решает его по-своему.

¹² В статье [Шамина 2005: 54] отмечено: «Занимая финальную позицию, местоимения *бо* и *ол* совмещают две функции: свою (указательную) и служебную — служат для выражения экспрессивности высказывания. Они могут быть сняты без ущерба семантики целого, что говорит о том, что служат они только для передачи экспрессии». Об экспрессивности частиц см. также [Черемисина, Скрибник 1988/2004].

¹³ Т. е. обозначить временное значение в качестве доминирующего среди других грамматических значений.

Когда речь идет о сфере значений зоны ирреалиса, часто встает проблема разграничения категории времени (конкретно, будущего времени) и категории наклонения. Так как в сферу значений будущего времени входят события, не имеющие (как минимум, на момент речи) отношения к реальности, довольно естественной является ситуация, когда говорящий вкладывает в передачу информации о будущем и свое личное отношение к этому факту — уверенность или неуверенность по поводу свершения события, оценку вероятности предполагаемого события, т. е. передает те значения, которые принято называть модальными. По этой причине неизбежно возникает проблема: к какой грамматической категории следует относить грамему, включающую в себя и значения будущего времени, и модальные компоненты — является ли такая граммаема показателем будущего времени или все-таки показателем наклонения¹⁴. Не предлагая пока конкретного решения, отметим, что эта проблема возникает и при интерпретации изучаемой формы. В данном разделе мы попытаемся перечислить некоторые значения, которыми обладает форма на *-p₂*.

3.1. *Бижиир мен vs. бижиирим*

Как было уже сказано в разделе 2.1, существование в языке двух внешне похожих форм можно интерпретировать как дублетные формы со схожей семантикой. Для проверки этой трактовки сопоставим формы настоящего-будущего на *-p* и формы на *-p₂*, перечислив основные значения, в которых употребляется форма настоящего-будущего времени, и проверив, сможет ли употребляться в этих случаях форма на *-p₂*.

3.1.1. Настоящее-будущее время на *-p*, несмотря на название, не передает значения собственно актуального настоящего времени, т. е. не может обозначать действие, разворачивающееся в момент речи. В семантику этого времени входят аспектуальные компоненты, которые часто выражаются с помощью граммем настоящего времени: в примерах (8)—(10) продемонстрировано употребление времени на *-p* в хабитуальном, итеративном и фреквентативном контекстах. В последнем примере (11) представлено значение настоящего генерического (не связанного с моментом речи):

- (8) *(Эрте тур-ар-ын-га ынак мен.)*
 рано встать-FUT.PTCP-POSS.3-DAT любимый 1SG
Мен эртенги-ниң алды шак-та тур-ар мен.
 я утренний-GEN 6 час-LOC вставать-P/F 1SG
 ‘(Я люблю вставать рано.) Я встаю в 6 утра¹⁵’;
- (9) *Мен болганчок театр-же баар мен.*
 я часто театр-ALL идти.P/F 1SG
 ‘Я часто хожу в театр’;
- (10) *Мээң ача-м хуннуң-не ыд-ы=биле парк-ка агаарла-ар.*
 я.GEN отец-POSS.1SG каждый.день собака-POSS.3=c парк-DAT гулять-P/F
 ‘Мой отец каждый день гуляет с собакой в парке’;
- (11) *Диш-тер алгыр-ар болгаи ыт-тар ээр-ер.*
 кошка-PL кричать-P/F и собака-PL лаять-P/F
 ‘Кошки мяукают, а собаки лают’.

Следующие примеры показывают, что подстановка вместо исходного предиката формы на *-p₂* в данных ситуациях либо делает предложение грамматически неверным (*), либо

¹⁴ Эта проблема уже возникала при описании тувинского языка. Вспомним упомянутый выше пример: аффикс *-гай*, традиционно относимый к аффиксам сослагательного наклонения (в терминологии [Harrison 2000] — оптатив), в диссертации Б. Ч. Ооржак считается аффиксом будущего времени.

¹⁵ Предложение из анкеты Э. Даля [Dahl 1985].

меняет его изначальный смысл. В примере (8') идет речь о конкретном событии в будущем времени, при этом говорящий твердо уверен в осуществлении собственных намерений (*Я решил, что встану в 6 утра, я собираюсь это сделать*):

- (8') (Эрте тур-ар-ын-га ынак мен.)
 рано встать-FUT.PTCP-POSS.3-DAT любимый 1SG
 Мен эртенги-ниң алды шак-та тур-ар-ым (ол).
 я утренний-GEN 6 час-LOC вставать-P/F-POSS.1SG (PRT)
 'Я люблю рано вставать.) Я встану в 6 утра (я собираюсь, я решил).'

Пример (9') невозможен, так как форма *баар-ым (ол)* передает значение конкретного действия в будущем и наречие «часто» не употребляется в этой ситуации (ср. **Я часто пойду в театр*), однако возможен (9'') с аналогичными примеру (8') значениями будущего времени с оттенками намерения совершить действие и уверенностью говорящего (возможный контекст: *Я собираюсь идти в театр, у меня уже есть билеты*).

- (9') *Мен болганчок театр-же баар-ым (ол).
 я часто театр-ALL идти.P/F-POSS.1SG (PRT)
 (9'') Мен театр-же баар-ым (ол).
 я театр-ALL идти.P/F-POSS.1SG (PRT)
 'Я пойду в театр (я собираюсь, я решил и иду).'

Примеры (10')—(11') аналогичны (8')—(9'') с той лишь разницей, что намерение совершить действие в обоих случаях принадлежит не говорящему, а субъекту в третьем лице.

- (10') Мээң ача-м хуннуң-не ыд-ы=биле парк-ка агаарла-ар-ы (ол).
 я.GEN отец-POSS.1SG каждый.день собака-POSS.3=с парк-DAT гулять-P/F-POSS.3 (PRT)
 'Мой отец собирается каждый день гулять в парке с собакой'.
 (11') Диш-тер алгыр-ар болгаи ыт-тар ээр-ер-и (ол).
 кошка-PL кричать-P/F-POSS.3 и собака-PL лаять-P/F-POSS.3 (PRT)
 'Кошки вот-вот замяукают и собаки вот-вот залают'.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что форме на *-р₂* не свойственны значения, присущие настоящему времени: все грамматически возможные предложения получили значение будущего времени. Кроме того, во всех примерах с данной формой появляются дополнительные модальные компоненты значения: намерение совершить действие, уверенность субъекта в том, что действие произойдет (как правило, в самое ближайшее время). Также нельзя не указать и аспектуальный компонент: во всех примерах описывается подготовительная фаза ситуации (в русских переводах это отражено словами *собираюсь* и *вот-вот*), что дает основания считать данную форму проспективной, подробнее об этом ниже в разделе 3.1.2.

3.1.2. Отмеченные в предыдущем пункте компоненты семантики еще более отчетливо проявляются при сопоставлении контекстов будущего времени и сравнении формы настоящего-будущего на *-р* с формой на *-р₂* (в этом подразделе все примеры даются парами, с обеими формами). Настоящее-будущее на *-р*, как правило, обозначает некоторый факт будущего, действие, следующее за моментом речи на любой временной дистанции от него (12).

- (12) Мен хэй ажылда-ар мен.
 я много работать-P/F 1SG
 'Я буду много работать'¹⁶.

¹⁶ Перевод в настоящем времени 'Я много работаю', конечно, тоже возможен, но не актуален для этого подраздела. См. раздел 3.1.1.

Если заменить сказуемое в (12) формой на $-p_2$, то помимо факта о будущем дополнительно появляются модальный компонент значения: намерение говорящего совершить действие (*Я решил, я уверен, что буду это делать*) — и аспектуальный (*Я еще не приступил к работе, но это скоро произойдет*):

- (12') *Мен хөй ажылда-ар-ым (ол).*
я много работать-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)
'Я собираюсь много работать'.

Анализ имеющегося материала показывает, что особенно часто форма на $-p_2$ встречается в ситуациях, обозначающих действие, которое произойдет вскоре или непосредственно после момента речи (13')—(14'), что с точки зрения временной семантики позволяет считать ее формой ближайшего будущего времени¹⁷. (Обычная форма на $-p$ в то же время (13)—(14) по-прежнему возможна.)

- (13) *Мана, сээң ном-уң-ну ам ты-нт-ар мен.*
ждать.IMP.2SG ты.GEN книга-POSS.2SG-ACC сейчас найти-PRFV-Р/Ф 1SG
'Подожди, я сейчас найду твою книжку'.

- (13') *Мана, сээң ном-уң-ну ам ты-нт-ар-ым (ол).*
ждать.IMP.2SG ты.GEN книга-POSS.2SG-ACC сейчас найти-PRFV-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)
'Подожди, я вот-вот найду твою книжку (это произойдет сразу)'.

- (14) — *Сен бо хүн Сайгана-ны көөр ирги сен бе?*
ты этот день Сайгана-ACC видеть.Р/Ф PRT 2SG Q
— *Ийе, ужураж-ыр мен.*
да встретить-Р/Ф 1SG
'— Ты увидишь сегодня Сайгану? — Да, я с ней встречу'.

- (14') — *Сен бо хүн Сайгана-ны көөр-үң бе?*
ты этот день Сайгана-ACC видеть.Р/Ф-POSS.2SG Q
— *Ийе, ужураж-ыр-ым (ол).*
да встретить-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)
'— Ты собираешься увидаться сегодня с Сайганой? — Да, я собираюсь встретиться'.

Вместе с тем, этот набор значений позволяет также говорить и о семантике проспектива — аспектуальной категории, маркирующей подготовительную фазу ситуации, фазу перед началом действия, обозначенного предикатом. Проспектив не является устоявшейся, глубоко разработанной в научном плане категорией, в частности, вопрос о взаимодействии ближайшего будущего времени и проспектива, временной и аспектуальной категории, остается дискуссионным. В данной работе мы опираемся на понимание проспектива по монографии В. А. Плуныяна [2011: 385], который, в свою очередь, ссылается на [Comrie 1976]. Несмотря на то, что, по-видимому, проспектив широко распространен в тюркских языках [Nevskaya 2005], нельзя сказать, что он изучен подробно. В частности, о способах выражения проспектива в тувинском языке см. [Шамина 2014] и немного [Шамина 2005]. Как уже было упомянуто выше, форма на $-p_2$ в [Шамина 2014] не упоминается. Обычно проспектив в разных языках выражается с помощью перифрастических конструкций, в тувинском языке таких конструкций несколько (именно их и рассматривает Л. А. Шамина). В отношении формы на $-p_2$ возникает вопрос, считать ли ее временной или все же проспективной (т. е. аспектуальной). В [Плуныян 2011] отмечается семантическая смежность проспектива

¹⁷ Примечательно, что в тувинском языке также существует специальная временная форма на $-галак$ для обозначения ближайшего будущего (*баргалак бис* 'мы вот-вот пойдем'). Об этой форме см. статьи [Ооржак 1996; Шамина, Черемисина 1982; Шамина 2014]. Однако в наших материалах эта форма не встретилась.

и ближайшего будущего времени — формы проспектива часто называют временными в разных языках мира. Однако важным признаком проспективной граммемы является способность сочетаться с разными временными показателями [Плунгян 2011: 386]. Таким свойством, например, обладает тувинская проспективная конструкция *V-p деп тур-Г*, где *V* — это смысловой глагол, а *Г* — аффикс времени. Она образована с помощью причастия на *-p*, частицы *деп*, возводимой к глаголу *дээр* ‘говорить’, и вспомогательного глагола *тур-* ‘стоять’. Вспомогательный глагол может присоединять как показатели прошедшего времени, так и показатель настоящего-будущего времени на *-p* (подробнее об этом [Шамина 2014: 74]).

Изучаемая же форма относится исключительно к плану будущего времени, и поэтому чисто проспективной ее назвать нельзя. Однако проспективный компонент значения является одним из ее важных семантических свойств, отделяющих ее от формы «стандартного» общетюркского будущего времени, как мы видим в примерах. Так, пример (13') отличается от (13) тем, что говорящему важно сообщить, что действие произойдет в момент, следующий за моментом речи. Аналогично, в (14'), в отличие от (14), говорящий не просто обозначает факт встречи в будущем, но и фазу начала предстоящего действия.

Несмотря на то, что базовое значение формы на *-p₂* — маркирование ситуации ближайшего будущего, она может употребляться (наряду с формами обычного будущего времени) в ситуациях, подразумевающих и более длительную временную дистанцию.

- (15) *Кел-ир чылын университет-че кир-ер мен.*
 приходить-FUT.PTCP год университет-ALL входить-P/F 1SG
 ‘В следующем году я буду поступать в университет’.

- (15') *Кел-ир чылын университет-че кир-ер-им (ол).*
 приходить-FUT.PTCP год университет-ALL входить-P/F-POSS.1SG (PRT)
 ‘В следующем году я **собираюсь** поступать в университет’.

- (16) *Мээң огл-ум үш чыл болгаи школа-зы-н дооз-ар.*
 я.GEN сын-POSS.1SG три год через школа-POSS.3-ACC закончить-P/F
 ‘Мой сын через три года закончит школу’.

- (16') *Мээң огл-ум үш чыл болгаи школа-зы-н дооз-ар-ы (ол).*
 я.GEN сын-POSS.1SG три год через школа-POSS.3-ACC закончить-P/F-POSS.3 (PRT)
 ‘Мой сын **через три года** закончит школу (это точно произойдет)’.

Примеры (15')—(16') отличаются от (15)—(16) желанием говорящего передать собственную уверенность в том, что произойдет, несмотря на то что речь не идет о событиях ближайшего будущего. Пример (16'), предъявленный для оценки информанту-носителю, был назван менее естественным из-за того, что субъект стоит в 3 л. (быть уверенным в другом человеке сложнее, чем быть уверенным в себе), однако грамматически такое предложение возможно.

В ситуации, когда говорящий сообщает о событиях будущего времени, в которых он не уверен, форма на *-p₂* однозначно запрещается, ср. (17) и (17').

- (17) — *Бөгүн сен чү-нү кыл-ыр сен?*
 сегодня ты что-ACC делать-P/F 2SG
 ‘Что ты сегодня делаешь?’

- *Бил-бес мен, танцыла-ар боор мен.*
 знать-FUT.NEG 1SG танцевать-FUT.PTCP AUX.P/F 1SG
 ‘Не знаю, возможно, я пойду на танцы.’

- (17') (— *Бөгүн сен чү-нү кылг-ыр-ың (ол)?*)
 сегодня ты что-ACC делать-P/F-POSS.2SG (PRT)
 ‘— Что ты сегодня делаешь?’

— *Бил-бес	мен,	танцыла-ар-ым	(ол).
знать-FUT.NEG	1SG	танцевать-P/F-POSS.1SG	(PRG)
— *Бил-бес	мен,	танцыла-ар	боор-ум (ол).
знать-FUT.NEG	1SG	танцевать-FUT.PTCP	AUX-P/F 1SG

Перечисленные примеры, с одной стороны, демонстрируют сходство двух форм (одна может заменять другую практически во всех случаях), с другой стороны, форма настоящего-будущего времени покрывает более широкий спектр ситуаций, демонстрируя, как правило, общее значение будущего времени; форма на $-p_2$, наоборот, обладает специальным набором значений, заметно чаще появляясь в контекстах именно ближайшего будущего. Таким образом, форма на $-p_2$ не является дублетным вариантом формы настоящего-будущего времени, а, наоборот, представляет собой самостоятельную грамматическую единицу со своей собственной семантикой.

В таком случае в плане выражения этой грамматической семантики можно наблюдать интересное явление: в силу омонимии временных аффиксов ($-p$) в обеих формах именно личные показатели становятся тем признаком, который позволяет разделить две глагольные формы с разной временной семантикой (личные аффиксы для настоящего-будущего времени и особые личные аффиксы для изучаемой словоформы).

3.2. Некоторые особенности форм на $-p_2$

Проделанный выше анализ показал, что в семантике формы на $-p_2$ присутствует три компонента, которые дают основания выделять ее как самостоятельную форму:

- 1) *временной компонент* — данная форма может употребляться лишь для передачи значений будущего времени. Выше было показано (4), что употребление этой формы в контексте прошедшего времени невозможно. О связи данной формы с планом настоящего времени см. ниже (раздел 3.2.2);
- 2) *модальный компонент* — данная форма передает намерение и высокую степень вероятности (по оценке говорящего) описываемого действия. Употребляя данную форму, говорящий уверен в том, что действие произойдет (часто благодаря своему решению);
- 3) *аспектуальный компонент* — данная форма передает значение проспектива, т. е. может выражать подготовительную стадию ситуации.

Взаимодействие трех этих компонентов значения внутри одной словоформы влияет на функционирование ее в языке. В результате форма на $-p_2$ не только охватывает узкий набор контекстов, но и проявляет некоторые лексические ограничения на состав глаголов, способных ее образовывать. Ниже мы попробуем продемонстрировать некоторые особенности функционирования данной словоформы, замеченные в ходе исследования.

3.2.1. Значение ближайшего будущего времени, которое передает форма на $-p_2$, обуславливает частую сочетаемость этой формы с соответствующими наречиями короткого временного промежутка, прежде всего с наречиями *ам* ‘сейчас’, *дораан* ‘тотчас’, ‘во-во’ (18).

- (18) *Адыр, ам кел-ир-им!*
 погоди сейчас приходить-P/F-POSS.1SG
 ‘Погоди, я сейчас приду!’

3.2.2. Пример (18) на самом деле представляет собой своеобразный диагностический контекст для изучаемой формы: именно в подобных конструкциях она чаще всего появляется самостоятельно, по воле информанта, а не как второй, допустимый, вариант, предложенный исследователем. И в данном случае сама ситуация подразумевает, что действие произойдет в ближайшем будущем и продлится ровно столько, сколько говорящий «заставит себя ждать». Ключевую роль в передаче смысла здесь играет междометие *адыр*, которое можно перевести на русский лексикализованными императивами *постой*, *погоди*.

Схожими свойствами обладают контексты, включающие императивы *шантыктава* ‘не мешай’ (19) и *көр* ‘посмотри’ (20).

- (19) *Шантыкта-ва, мен ам балык хаар-ар-ым (ол)!*
 мешать-NEG я сейчас рыба жарить-Р/Г-POSS.1SG (PRT)
 ‘Не мешай, я сейчас буду жарить рыбу!’
- (20) *Көр, паиш-та шай дораан хайн-ыр-ы (ол)!*
 смотреть:IMP.2SG котел-LOC чай вот-вот кипеть-Р/Г-POSS.3 (PRT)
 ‘Смотри, вот-вот в котле чай закипит!’

В перечисленных контекстах действительно часто появляется форма на $-p_2$. В то же время их очевидный недостаток заключается в пересечении с зоной прогрессива: легко представить себе типичную ситуацию ‘Не мешай мне, я сейчас пишу письмо’. В связи с этим возникает вопрос, не является ли и сама форма на $-p_2$ прогрессивной.

Для выражения прогрессива в тувинском языке существует специальная аналитическая конструкция, которая образуется с помощью деепричастия основного глагола с показателем $-п$ и одного из четырех вспомогательных глаголов (*тур-* ‘стоять’, *олур-* ‘сидеть’, *чыт-* ‘лежать’, *чор-* ‘идти’). Именно она является основным способом выражения этой семантики (21).

- (21) *Мен ажылда-п тур мен.*
 я работать-CV AUX 1SG
 ‘Я (в данный момент) работаю’.

В статье Д. А. Монгуша отмечено, что «причастие от глаголов незаконченного вида в той же форме выражает настоящее время данного момента, т. е. передает действие, которое происходит в момент речи» [Монгуш 1968/2009: 55], фактически утверждается, что у формы возможно появление значения прогрессива настоящего времени. Под глаголами «незаконченного вида» автор, по-видимому, понимает аналитические конструкции со вспомогательными глаголами *турар*, *олурар* и некоторыми другими (не путать с *тур*, *олур*, о которых шла речь выше: последние являются грамматикализовавшимися формами первых, использующимися исключительно в конструкции прогрессива настоящего времени).

- (22) *Мен ажылда-п тур-ар-ым бо.*
 я работать-CV стоять-Р/Г-1SG PRT
 ‘Я (вот сейчас) работаю’ [Монгуш 1968/2009: 51].

В этом предложении настоящее время и прогрессив передаются за счет аналитической конструкции, а форма на $-p_2$, видимо, отвечает за экспрессивную оценку говорящего. Перевод примера дан из статьи Монгуша, более точного перевода или комментария автор не дает. Также в статье встретился следующий пример.

- (23) *А бо мал-дар чоп тур-ар-ы ол?*
 а это животное-PL почему стоять-Р/Г-3PL PRT
 ‘А эти лошади почему стоят?’ [Монгуш 1968/2009: 55]

В нем нет аналитической конструкции, в форме на $-p_2$ стоит самостоятельный глагол, при этом, по мнению автора статьи, предложение передает именно значение прогрессива («передает действие, которое происходит в момент речи» [Монгуш 1968/2009]). Возможно, значение прогрессива действительно зависит от акционального класса глагола, однако это требует дополнительного изучения, и сейчас мы ограничимся лишь предварительными наблюдениями.

3.2.3. Еще одна особенность формы на $-p_2$ — тенденция к употреблению с подлежащими 1-го и 2-го лица. Во-первых, это объясняется тем, что сама форма часто употребляется в разговорной речи, а для диалогической речи, очевидно, характерно более частое использование

местоимений 1-го и 2-го лица (в особенности единственного числа), обозначающих собеседников. С другой стороны, как кажется, модальная семантика формы подразумевает, что человек с большей уверенностью может говорить о себе (1 л. ед. ч.) и о своих поступках, чем о других людях и их поступках. Нельзя сказать, что подлежащие 3 л. не могут употребляться с формой на $-p_2$, однако естественное порождение этой формы гораздо чаще происходит именно в контекстах с подлежащими 1-го и 2-го лица.

3.2.4. Форма на $-p_2$ в контекстах, требующих отрицания, обнаруживает значительные особенности. Д. А. Монгуш [1968/2009: 52] приводит в своей статье отрицательную парадигму глагола для всех лиц. Она состоит из отрицательного причастия будущего времени (показатель *-бас*)¹⁸ и аффиксов принадлежности в качестве личных окончаний (например, *биживезим* ‘я не напишу’). Несмотря на формальную возможность образовать такую парадигму, в реальной речи, как выясняется, функционирование отрицательной формы довольно ограничено. В тех случаях, где утвердительная форма на $-p_2$ была бы уместной, отрицательную, напротив, часто запрещают, предлагая в качестве более подходящего варианта отрицательную форму настоящего-будущего времени на $-p$ (она образуется также при помощи показателя *-бас*), ср.:

(24) *Мен чаа чед-ип кел-ди-м, хоорай кези-ип-им (ол).*
я только.что достигать-CV приходить-PST-1SG город гулять-P/F-POSS.1SG PRT

‘Я только что приехал, собираюсь погулять по городу’.

(25) *Мен чаа чед-ип кел-ди-м, хоорай кези-вес мен.*
я только.что достигать-CV приходить-PST-1SG город гулять-FUT.NEG 1SG

‘Я только что приехал и не собираюсь гулять по городу’. (ср. с (25’))

(25’) [?]*Мен чаа чед-ип кел-ди-м, хоорай кези-вез-им (ол).*
я только.что достигать-CV приходить-PST-1SG город гулять-FUT.NEG-POSS.1SG (PRT)

[?]‘Я только что приехал и не собираюсь гулять по городу’.

Для (24) использование формы на $-p_2$ нормально, в то время как для ситуации отрицания естественной является форма настоящего-будущего времени, как в (25), а вариант (25’) либо получит запрет, либо будет разрешен, но лишь после подсказки исследователя. Можно объяснить это тем, что прагматически менее типично сообщение о том, чего субъект **не** собирается делать, поэтому получается, что при отрицании противопоставление двух будущих времен нейтрализуется¹⁹. Таким образом, получается, что носителю тувинского языка при отрицании будущего времени важно просто сообщить факт, что событие не произойдет, не осложняя его дополнительной (уже неактуальной) семантикой.

Тем не менее отрицательная форма на $-p_2$ все же появляется в некоторых довольно специфических контекстах типа риторических вопросов (26), где говорящему нужно вложить эмоциональный компонент — например, удивление — в высказывание, а отрицание, по сути, не выполняет своих прямых функций.

(26) *Меңээ дузала-ш-паз-ың (ол) бе?*
я.DAT помогать-RECIP-P/F-POSS.2SG (PRT) Q

‘Разве ты не собираешься мне помочь?’

Таким образом, отрицательная форма на $-p_2$ сразу обнаруживает свою актуальность с появлением дополнительной модальной семантики.

3.2.5. Последняя часть этого раздела посвящена продуктивности форм на $-p_2$ и тому, насколько широк лексический список глаголов, способных их образовывать. Наше

¹⁸ В тувинском языке отрицательная форма причастия будущего времени и омонимичная ей форма будущего времени имеют особый показатель.

¹⁹ Явление нейтрализации будущих времен при отрицании отмечается в некоторых языках, см. [Ultan 1978: 95].

исследование, проведенное на выборке из 100 глаголов²⁰, показало, что лексических ограничений на образование формы на $-p_2$ нет. Однако часть глаголов из списка получила определенное количество запретов на образование этой формы, причем некоторые глаголы запрещались чаще, некоторые — реже. Абсолютного запрета на образование формы не получил ни один глагол. Всего глаголов с различными ограничениями на образование описываемой формы было найдено около 40 (из 100).

Семантически эти глаголы оказались крайне неоднородны, и объединить их в одну (или несколько) семантических групп пока представляется маловероятным. Поведение каждого глагола надо рассматривать в отдельности. Предварительно назовем, не претендуя на хоть сколько-нибудь полноценную классификацию, наиболее явные черты семантики глаголов, которые, как нам кажется, могут влиять на способность употребляться в изучаемой форме.

Прежде всего, среди данных глаголов встречаются такие, которые можно было бы объединить под семантическим признаком **неконтролируемости**²¹. Главным образом они обозначают те действия, свершение которых мало или совсем не зависит от воли субъекта, который является главным действующим лицом ситуации. К таким глаголам относятся, например, *кырыыр* ‘стареть’, *сирилээр* ‘дрожать’, *доңар* ‘мерзнуть’.

(27) ^{ок}Мен ам доң-ар мен.
я сейчас мерзнуть-Р/Ф 1SG
‘Я вот-вот замерзну’.

(27') *Мен ам доң-ар-ым (ол).
я сейчас мерзнуть-Р/Ф-POSS.1SG (PRT)

В отдельную группу можно выделить глаголы, описывающие разнообразные действия неодоушевленных субъектов, которые принципиально не могут быть контролируемы, типа *хайныр* ‘кипеть’, *өзер* ‘расти’ (о растениях), *быжар* ‘поспевать (о плодах)’, *чечектелир* ‘цвести’. Понятно, что в естественной ситуации трудно себе представить употребление субъектов 1-го или 2-го лица с этими глаголами. Поэтому, скорее всего, на ситуации, описываемые этими глаголами, мы смотрим обычно глазами говорящего, который, в свою очередь, не может контролировать развитие действия. Как следствие, эти глаголы тоже иногда попадают под запрет на образование исследуемой формы.

(28) ^{ок}Ам час. Удавас чодураа-лар чечектел-ир.
сейчас весна скоро черемуха-PL цвести-Р/Ф
‘Сейчас весна. Вот-вот черемуха зацветет’.

(28') *Ам час. Удавас чодураа-лар чечектел-ир-и (ол).
сейчас весна скоро черемуха-PL цвести-Р/Ф-POSS.3 (PRT)

Идея не- или контролируемости вполне сочетается с семантикой изучаемой формы: чтобы передать намерение совершить действие, нужно быть уверенным в способности его осуществить.

В то же время признак неконтролируемости считается диагностическим для разделения чисто проспективных конструкций и форм будущего времени [Comrie 1976: 65]. И тогда, с одной стороны, получается, что форма на $-p_2$ ведет себя именно как форма будущего времени, с другой стороны, тот факт, что абсолютных запретов не было ни для одного глагола,

²⁰ Предварительно был составлен список из 100 глаголов разных акциональных классов (состояния, процессы, действия, события). За основу был взят список глаголов для исследования акциональных классов в калмыцком языке из статьи [Овсянникова 2009]. Список был также дополнен глаголами разных лексико-семантических групп: глаголами эмоций, говорения, поведения, восприятия, явлений природы и др. Затем для каждого из 100 глаголов с помощью анкет проверялась возможность образования и использования форм на $-p_2$.

²¹ Термин «контролируемость/неконтролируемость» используется в трактовке Анны А. Зализняка [1992]. См. также [Булыгина 1982; Кустова 1992].

а (27') и (28') запрещали далеко не все информанты, свидетельствует о постепенном размывании интенциональной семантики и о переходе изучаемой формы в разряд проспективных.

На данном этапе исследования остановимся на том, что форма на $-p_2$ преимущественно продуктивна и в общем случае образуется от любого глагола.

4. Выводы и попытка обобщения

Описанный выше материал позволяет сделать некоторые выводы о статусе формы на $-p_2$ в современном тувинском языке, а также дает основания для того, чтобы представить этапы ее развития в историческом разрезе (хоть и на небольшом отрезке времени).

4.1. В настоящий момент форма на $-p_2$ находится в переходном состоянии между аналитической формой и независимой глагольной словоформой. Выше было показано, что внутри одной словоформы совмещаются значения нескольких грамматических категорий: форма на $-p_2$ обладает временной (обозначает ближайшее будущее время), модальной (передает уверенность говорящего) и аспектуальной (передает проспективное значение) семантикой. Из трех перечисленных компонентов аспектуальный представляется наименее важным с точки зрения внутренней иерархии грамматических значений, поскольку все-таки основным способом выражения проспективного значения является аналитическая конструкция *V деп тур-Т*, упомянутая выше. Взаимодействие временной и модальной семантики выглядит более тесным и равноправным. С одной стороны, модальная семантика является тем компонентом, который отличает изучаемую форму от настоящего-будущего времени и тем самым позволяет выделить новое будущее время. С другой стороны, признав модальную семантику превалирующей над временной, форму на $-p_2$ можно было бы обозначить как наклонение. Здесь важным критерием является тот факт, что позицию в слове, которую обычно занимает аффикс времени или наклонения (в тюркских языках это одна и та же позиция), в данной ситуации занимает временной аффикс $-p$ — общетюркский аффикс будущего времени. На наш взгляд, это позволяет считать данную форму временной. Таким образом, в настоящий момент мы можем наблюдать формирование в современном тувинском языке новой грамматической формы, которую можно охарактеризовать как ближайшее будущее время с дополнительными оттенками проспективной семантики, а также модальной семантики уверенности. Особенностью данной формы является то, что передаваемая ею грамматическая семантика выражается не одним показателем, а сочетанием показателей: временного аффикса $-p$ и личных аффиксов (= аффиксов притяжательности).

4.2. Если сравнивать материал, изложенный в статье Д. А. Монгуша 1968 года, и современный материал, полученный в ходе полевых исследований, можно предположить, как развивалась изучаемая форма в течение последних десятилетий.

Сперва имела полипредикативная конструкция с вершиной-местоимением *ол* и относящейся к ней зависимой частью, состоящей из субъекта, выраженного родительным падежом, и причастия в предикативной функции, наделенного притяжательным аффиксом, обозначающим субъект (*Мээң чагаа бижиирим ол-дур* 'Я собираюсь написать письмо'). Возможно, на этом этапе мы имеем дело уже не с первоначальным вариантом синтаксической конструкции, а с одним из ее ранее грамматикализованных вариантов. В дальнейшем конструкция начинает переосмысляться — возникает вариативное маркирование субъекта: родительный падеж vs. именительный, причем именительный постепенно начинает вытеснять родительный (*Мен чагаа бижиирим ол-дур*). Затем вслед за «новым» подлежащим форма зависимой предикации начинает постепенно превращаться в независимое сказуемое, выраженное глагольной формой; об этом свидетельствует появившаяся возможность опущения местоимения *ол*, не говоря уже о частице *-дур*, которая могла опускаться и раньше, *Мен чагаа бижиирим (ол-дур)*. Именно на этом этапе грамматикализации мы наблюдаем эту форму в настоящий момент. Можно предположить, что дальнейшее развитие языка приведет эту форму к еще большему упрощению, а именно частица *ол* исчезнет как хоть сколько-нибудь обязательный элемент конструкции, а форма *бижиirim* будет восприниматься как

независимая глагольная форма (*Мен чагаа бижиирим*). Также можно предположить, что аффиксы притяжательности, выполняющие сейчас функцию личных показателей, могут уподобиться личным аффиксам II типа. Описанный процесс можно представить в виде небольшой схемы.

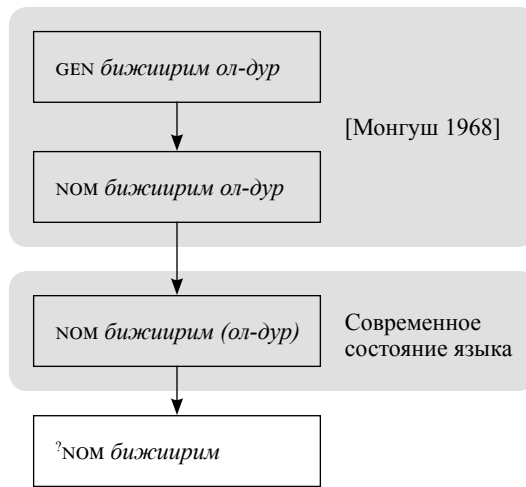

Схема. Грамматикализация формы на *-p₂*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1SG..... 1 лицо единственного числа (обоих типов)	NEG..... аффикс отрицания
2SG..... 2 лицо единственного числа (обоих типов)	LOC..... местный падеж
ACC..... винительный падеж	NOM..... именительный падеж/ основной падеж
ALL..... направительный падеж	POSS..... аффикс принадлежности
AUX..... вспомогательный глагол	P/F..... настоящее-будущее время
CV..... деепричастие	PL..... множественное число существительных
DAT..... дательный падеж	PRF..... перфект/ прошедшее-неопределенное время
FUT.NEG.... отрицательная форма причастия будущего времени/ отрицательная форма настоящего- будущего времени	PRFV..... аффикс перфективизации
FUT.PTCP... причастие будущего времени	PRT..... частицы
GEN..... родительный падеж	PST..... претерит/ прошедшее категорическое время
IMP..... повелительное наклонение	RECP..... реципрок (взаимно-возвратного вида)
	Q..... вопросительная частица

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Байыр-оол 2009 — Байыр-оол А. В. Частицы тувинского языка, образованные от бытийных глаголов (в сопоставлении с якутским и хакасским языками) // Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2009. [Baiyr-ool A. V. *Chastitsy tuvinskogo yazyka, obrazovannye ot bytiinykh glagolov (v sopostavlenii s yakutskim i khakasskim yazykami)*. *Avtoreferat kand. diss.* [Tuvan particles derived from existential verbs (compared with the Yakut and Khakas languages). Author's abstract of the cand. diss.]. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009.]
- Бульгина 1982 — Бульгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Селиверстова О. Н. (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7—52. [Bulygina T. V.

- Towards building a typology of predicates in Russian. *Semanticheskie tipy predikatov*. Seliverstova O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 7—52.]
- Зализняк 1992 — Зализняк Анна А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка: Модели действия. М.: Индрик, 1992. С. 138—145. [Zaliznyak Anna A. Situation controllability in language and in life. *Logicheskii analiz yazyka: Modeli deistviya*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 1992. Pp. 138—145.]
- Исхаков, Пальмбах 1961 — Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961. [Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [The Tuvan grammar. Phonetics and morphology]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi Literatury, 1961.]
- Кормушин 1988 — Кормушин И. В. Категория времени // Тенишев Э. Я. (ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М.: Наука, 1988. С. 368—423. [Kormushin I. V. The category of tense. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Morfologiya*. Tenshev E. Ya. (ed.). Moscow: Nauka, 1988. Pp. 368—423.]
- Кустова 1992 — Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Арутюнова Н. Д. (ред.). Логический анализ языка: Модели действия. М.: Индрик, 1992. С. 145—150. [Kustova G. I. Some problems of action analysis in terms of control. *Logicheskii analiz yazyka: Modeli deistviya*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 1992. Pp. 145—150.]
- Монгуш 1968/2009 — Монгуш Д. А. Об аналитической форме предикации в тувинском языке. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1968. № XIII. / По изданию: Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 51—57. [Mongush D. A. On the analytical form of predication in Tuvan. *Uchenye zapiski TNIIYaLI*. 1968. No. XIII. Quoted after: Mongush D. A. *Tuvinskii yazyk i pis'mennost'* [The Tuvan language and literature]. Kyzyl: GUP RT «Tyvapoligraf», 2009. Pp. 51—57.]
- Монгуш 1985/2009 — Монгуш Д. А. О некоторых структурных типах простого предложения в тувинском языке // Абдурахманов Г. А., Ходжиев А. П. (ред.) Тюркское языкознание: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент: Фан, 1985. / По изданию: Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 117—122. [Mongush D. A. On some structural types of the simple sentence in Tuvan. *Tyurkskoe yazykoznanie: Materialy III Vsesoyuznoi tyurkologicheskoi konferentsii*. Abdurakhmanov G. A., Khodzhiyev A. P. (eds.) Tashkent: Fan, 1985. Quoted after: Mongush D. A. *Tuvinskii yazyk i pis'mennost'* [The Tuvan language and literature]. Kyzyl: GUP RT «Tyvapoligraf», 2009. Pp. 117—122.]
- Монгуш 1998 — Монгуш Д. А. Частицы как компонент аналитических сказуемых // Языки коренных народов Сибири. 1998. № 4. С. 122—153. [Mongush D. A. Particles as components of analytical predicates. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. 1998. No. 4. Pp. 122—153.]
- Овсянникова 2009 — Овсянникова М. А. Приложение. Список глаголов // Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В. (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. V. Ч. 2. СПб.: Наука, 2009. С. 857—865. [Ovsyannikova M. A. Appendix. A list of verbs. *Issledovaniya po grammatike kalmytskogo yazyka*. Sai S. S., Baranova V. V., Serdobol'skaya N. V. (eds.). *Acta linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. Vol. V. Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2009. Pp. 857—865.]
- Ооржак 1996 — Ооржак Б. Ч. Глагольная форма на *-galak* в тувинском языке // Лукьянова Н. А. (ред.). Материалы XXXV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс: филология». Новосибирск: НГУ, 1997. С. 45—46. [Oorzhak B. Ch. The verbal form ending in *-galak* in Tuvan. *Materialy XXXV Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii «Student i nauchno-tehnicheskii progress: filologiya»*. Luk'yanova N. A. (ed.). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 1997. Pp. 45—46.]
- Ооржак 2014 — Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Oorzhak B. Ch. *Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka* [The tense system of Tuvan]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2014.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Сат 1955 — Сат Ш. Ч. Тувинский язык. Приложение к тувинско-русскому словарю // Тувинско-русский словарь (под ред. А. А. Пальмбаха). М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей,

1955. С. 615—721. [Sat Sh. Ch. The Tuvan language. Addendum to the Tuvan-Russian dictionary. *Tuvinsko-russkii slovar'*. Pal'mbakh A. A. (ed.) Moscow: Gos. Izd-vo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarëi, 1955. Pp. 615—721.]
- Черемисина, Скрибник 1988/2004 — Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Глагольные грамматикализованные конструкции в алтайских языках // Черемисина М. И. (ред.) Языки народов СССР: Сборник научных трудов. Новосибирск: НГУ, 1988. С. 5—20 / По изданию: Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 509—520. [Cheremisina M. I., Skribnik E. K. Verbal grammaticalized structures in the Altaic languages. *Yazyki narodov SSSR: Sbornik nauchnykh trudov*. Cheremisina M. I. (ed.). Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., 1988. Pp. 5—20. Quoted after: Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk: Nauka, 2004. Pp. 509—520.]
- Шамина 2005 — Шамина Л. А. Экспрессивно-оценочные аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. 2005. № 16. С. 47—61. [Shamina L. A. Expressive-evaluative analytical predicate structures in Tuvan. *Yazyki korennykh narodov Sibiri*. 2005. No. 16. Pp. 47—61.]
- Шамина 2014 — Шамина Л. А. О перспективе в тувинском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2014. № 1. С. 73—79. [Shamina L. A. On the prospective in Tuvan. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*. 2014. No. 1. Pp. 73—79.]
- Шамина, Черемисина 1982 — Шамина Л. А., Черемисина М. А. Причастие на *-галак (-калак)* в тувинском языке // Убрятова Е. И. (ред.) Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 57—69. [Shamina L. A., Cheremisina M. A. The participle ending in *-galak (-kalak)* in Tuvan. *Grammaticheskie issledovaniya po yazykam Sibiri*. Ubratova E. I. (ed.) Novosibirsk: Nauka, 1982. Pp. 57—69.]
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Harrison 2000 — Harrison K. D. *Topics in the phonology and morphology of Tuvan*. PhD dissertation. New Haven (CT): Yale Univ., 2000.
- Nevskaya 2005 — Nevskaya I. A. The typology of prospective in Turkic languages. *Sprachtypologie und Universalienforschung. Language typology and Universals*. 2005. Vol. 58. No. 1. Pp. 111—123.
- Ultan 1978 — Ultan, R. The nature of future tenses. *Universals of Human Language. Vol. 3. Word Structure*. Greenberg J. H., Ferguson Ch. A., Moravcsik E. A. (eds.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. Pp. 83—124.

Статья поступила в редакцию 16.09.2015.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

J. Breuillard, S. Viellard. Histoire de la langue russe, des origines au XVIIIe siècle. Paris: Institut d'études slaves, 2015. 318 p. (Collection de manuels de l'Institut d'études slaves, 15.) ISBN 978-2-7204-0534-1.

Павел Владимирович Петрухин

Pavel V. Petrukhin

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Россия;
ppetrukhin@gmail.com

Vinogradov Institute of the Russian Language,
Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019,
Russian Federation; ppetrukhin@gmail.com

Книга, написанная профессорами Сорбонны Жаном Брейаром (безвременно ушедшим из жизни в 2011 г.) и Стефаном Вьелларом, представляет собой университетское руководство для студентов, уже прошедших курс современного русского языка и приступающих к изучению его истории. Как пишут авторы в предисловии (с. 7), «[e]lle voudrait guider les premiers pas du lecteur désireux de lire les textes vieux-russes» (цель книги — направить первые шаги читателя, намеревающегося читать древнерусские тексты). Основу книги составляют очерки древнерусской морфологии, лексики и синтаксиса. Во вводных главах характеризуется сам предмет исторической лингвистики, место русского языка в индоевропейской языковой семье, рассказывается о создании славянского алфавита и начале славянской письменности. Затем идут краткие сведения о становлении письменности у восточных славян и о древнерусской палеографии. В главе «L'histoire de l'écrit chez les Slaves orientaux» рассказывается об изменениях, которым подвергся древнерусский (и впоследствии русский) алфавит вследствие второго южнославянского влияния и орфографической реформы Петра I. Что касается собственно описания древнерусской грамматики, то, пожалуй, самой оригинальной его частью является раздел о синтаксисе. Эта область остается наименее разработанной в исторической русистике, в силу чего грамматические описания обычно либо вовсе обходят ее стороной, либо ограничиваются краткими замечаниями. На этом фоне книга французских славистов оказывается приятным исключением: здесь освещаются не только традиционные вопросы вроде падежной семантики, но и такие аспекты, как порядок слов, структура сложного предложения, коммуникативная структура фразы, употребление клитик. При этом учитывается новейшая литература — в частности, в главе «Клитики» излагается концепция книги А. А. Зализняка [2008]. В главе «Предлоги» характеризуется не только употребление, но и этимология слов данного класса. Отдельная глава посвящена лексике и словообразованию. Наконец, последняя глава рассказывает о древне- и старорусской фразеологии — пословицах, поговорках, устойчивых эпитетах и т. д. По ходу изложения материала авторы не упускают возможностей провести параллели между историей русского и французского языков, что件 полезно не только в практическом (как иллюстрация разбираемых явлений на более близком читателю материале), но и в теоретическом плане — например, для понимания судьбы древнерусских претеритов.

В то же время нельзя не отметить, что содержание книги не вполне соответствует ее названию — «История русского языка от истоков до XVIII в.». Что бы ни понималось под «историей языка» (см. о различных трактовках этого понятия [Подтергерра 2015]), подобное название предполагает хронологически последовательный рассказ о динамике развития языка в обозначенный период. Однако в рецензируемой книге нет ни связной

картины образования «живого великорусского» языка на базе множества восточнославянских диалектов, ни цельной концепции истории письменного языка. Можно, конечно, возразить, что историческая русистика пока не предложила подробно разработанной, стройной концепции истории разговорного и письменного языков Древней Руси, которую можно было бы изложить в относительно компактном виде. И все же выбранное авторами название обязывает к тому, чтобы наметить хотя бы основные линии развития языка от начала письменности до XVIII в. В настоящем виде книга по сути является очерком (или очерками) грамматики древнерусского языка — с отдельными экскурсами в предысторию (праславянскую и индоевропейскую) и в современное состояние русского языка.

Попытка дать общую характеристику языковой ситуации Древней Руси и назвать основные этапы развития русского языка сделана в двухстраничном предисловии к книге, однако некоторые из содержащихся там высказываний вызывают удивление. Так, по мнению авторов, «общий» восточнославянский язык имел место до разгрома Киева татарами в 1240 г., после чего возник собственно древнерусский язык, в свою очередь с XV в. уступивший место старорусскому («l'ancien slave oriental est relayé à partir de la chute de l'État kiévien (prise de Kiev par les Tatars en 1240) par le vieux russe proprement dit, du milieu du XIIIe siècle jusqu'au XVe siècle. À partir du XVe siècle, le terme "vieux russe" désignera ici la branche spécifiquement grand-russe, appelée alors "moyen russe"», с. 7). Это неверно как с исторической, так и с лингвистической точки зрения: Киев утратил роль политического центра единой Руси задолго до взятия его татарами в 1240 г.; еще более странно рассматривать это событие как некую веху в истории восточнославянских языков. Процитированные выше слова не разъясняются ни в предисловии, ни в самой книге, так что читателю остается лишь гадать, в чем заключалось преобразование «древнего восточнославянского» («l'ancien slave oriental») в «древнерусский в собственном смысле слова» («le vieux russe proprement dit») и почему именно с XV в. начинается отсчет нового — «среднерусского» («moyen russe») — периода в истории языка.

В книге встречаются некоторые явно устаревшие положения — например, о том, что процесс падения / прояснения редуцированных зависел от ударения в слове («Un *jer* était en position forte quand il était placé sous l'accent de mot», с. 85), или о том, что повтор предлогов внутри именной группы имел целью выделение «важных элементов» («la mise en relief des éléments importants», с. 178), ср. обсуждение и аргументированную критику этих положений в [Worth 1982; Klenin 1989; Зализняк 2004: 164—166].

В настоящее время серьезных оговорок требует и вполне традиционное утверждение, что «jusqu'au XIVe siècle, on peut considérer que le vieux russe est un: il n'y a pas de différences considérables entre ce qui deviendra le russe, le biélorussien et l'ukrainien», с. 59 (вплоть до XIV в. можно считать, что древнерусский язык един: нет существенных различий между тем, что в дальнейшем станет русским, белорусским и украинским). Будучи в целом верным, это замечание игнорирует то обстоятельство, что в раннюю эпоху восточнославянское языковое пространство делилось на две части, граница между которыми пролегла отнюдь не там, где ныне проходят границы трех восточнославянских языков, а именно: северо-западные (новгородско-псковские) диалекты были противопоставлены диалектам центра и юга. На этом фоне о единстве древнерусского языка можно говорить лишь с некоторой условностью. Вообще древненовгородскому диалекту авторы уделяют недостаточное внимание, сообщая о нем лишь отрывочные сведения. Так, сказано об отсутствии в древненовгородском второй палатализации (с. 66), но не упомянуто о том, что в нем не в полной мере осуществилась и третья палатализация [Зализняк 2004: 46—47].

Раздел о древнерусском плюсквамперфекте (под которым авторы понимают как формы типа *блше пришьль*, так и сверхсложные конструкции типа *жсмь былъ пришьль*) содержит замечание о частицах *было* и *бывало* в современном русском языке, где, в частности, сказано, что «elles sont le produit du figement, au neutre singulier, des auxiliaires des ancients parfaits du vieux russe», с. 146 (они представляют собой застывший в форме ср. п.,

ед. ч. вспомогательный глагол старого древнерусского перфекта). В этой фразе сразу две ошибки: остатком вспомогательного глагола является только *было*, в то время как *бывало* восходит к сериальной конструкции [Сичинава 2013: 289]; при этом *было* происходит от вспомогательного глагола сверхсложного плюсквамперфекта, а не от перфекта (видимо, это просто описка, так как замечание о частицах помещено в раздел «Плюсквамперфект»).

Еще более странно выглядит утверждение (с. 190) о том, что современные диалектные конструкции типа *был выпивши* восходят к сугубо книжному древнерусскому сочетанию ‘*быти + причастие настоящего времени*’ (*бѣ ходѣ*). Формы типа *был выпивши*, иногда называемые «новым плюсквамперфектом», не имеют ничего общего с книжной конструкцией ни формально, ни семантически; кроме того, в древнерусской письменности довольно рано засвидетельствованы конструкции, которые действительно можно с полным основанием связывать с современными формами, ср.: *И ту нагъхаша пещеру непроходну, в неиже бяше множество Чюди вльзше* (НПЛ Синод., 1269 г., с. 86)¹.

В ряде случаев попадают сомнительные этимологии. Так, авторы иллюстрируют действие индоевропейского аблаута на примере слов *связь* и *узда* (с. 105), хотя отнюдь не очевидно, что эти слова восходят к одному корню [Фасмер, IV: 153]. Слово *дождь* в книге возводится к **dus-dius* ‘плохая погода’ (с. 249), хотя исследователями давно отмечалась сомнительность этой идеи: для сельских жителей дождь — не несчастье, а благо; в то же время для данного слова существует более правдоподобная этимология, о которой авторы не упоминают [Там же, I: 521—522]. Не бесспорно также возведение слова *шиворот* к **шивоворот* (с. 259) [Там же, IV: 436].

Судя по переводам с древнерусского на французский (специально этот вопрос не обсуждается), авторы книги полагают, что все древнерусские сочетания глагола *хотѣти* в настоящем времени с инфинитивом имеют значение будущего времени. Между тем данное значение имеет лишь небольшая часть этих сочетаний [Юрьева 2015]. В частности, из трех примеров, встретившихся в книге, значение будущего представлено лишь в одном:

еда приведоша Моисѣѣ предъ Фаравона и рѣша старѣшина Фаравна. се хочеть см^н-рити вблать Сѹпетъскую (Лавр.: стб. 17)² — «Quand on amena Moïse devant Pharaon, le conseil des Anciens dit: “cet homme humiliera le pays d’Égypte”» (с. 195).

Однако это значение отсутствует в двух других примерах, которые авторы переводят таким же образом:

не любо ми естъ в Киевѣ быти. хочю жити с Переяславци в Дунаи (Лавр., 969 г., стб. 67) — «Il ne m’agrée pas d’être à Kiev, je vivrai à Pereiaslavets sur le Danube» (с. 183);

присла въ Новгородъ, ѣко не хоцю оу васъ княжити (НПЛ Синод., 1168 г., с. 32) — «litt. ‘il envoya à Novgorod que [...] je ne serai pas votre prince’ = ‘il envoya un émissaire à Novgorod pour dire qu’il ne serait pas leur prince’» (с. 204).

Очевидно, что в последних двух примерах глагол *хотѣти* выступает в своем прямом лексическом значении.

Ошибки содержат также следующие переводы:

Аще в женѣ лихїи недѣгъ бѣде^т, или слѣпа, или длъгаа болѣзнь, про то не пѣсти^т ее — «Si une femme a un grave handicap, ou si elle est aveugle, ou si elle a une longue maladie, pour cette raison ne pas la laisser entrer [dans l’église]» (с. 173).

¹ Новгородская первая летопись по Синодальному списку, цит. по: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: Наука, 1950.

² Цит по: Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Языки русской культуры, 1997.

По мнению авторов, устав³ запрещает пускать больную жену в церковь. В действительности речь идет о том, что болезнь жены не является основанием для расторжения брака: глагол *поустити* означает здесь ‘развестись’.

Аще котораа жена изврѣжетъ отроча. ѿ лѣт(ѣ) покаетъ сѧ — «si une femme rejette son enfant, qu'elle se repente pendant deux années» (с. 207).

В Синайском евхологии говорится не об отказе от ребенка, а об аборте (что как минимум не очевидно из французского перевода), ср. [ССЯ, I: 729].

Не корабль топит человѣки, но вѣтръ; тако же и ты, княже, не сам владѣши, в печаль введут тя думцы твои. — «Ce n'est pas le navire qui noie les hommes, mais le vent; de même toi, ô Prince, tu ne gouvernes pas toi-même, tes pensées te conduisent à la tristesse» (с. 265).

«Думцами» в Молении Даниила Заточника называются не мысли князя, а его советники, ср. там же: *Зъ добрымь бо думьцею князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думьцею думаетъ, и малаго стола лишень будетъ* (цит. по [Срезн., I: 744]).

Несмотря на перечисленные проблемы и недостатки, можно надеяться, что новая книга, содержащая множество увлекательно изложенных сведений из истории русского языка, пробудит у читателей интерес к данному предмету и его дальнейшему изучению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Подтергепа 2015 — Подтергепа И. А. Что такое история языка? // *Slověne*. 2015. № 1. С. 394—455. [Podtergera I. A. What is the history of language? *Slověne*. 2015. No. 1. Pp. 394—455.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [A typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-Press Kniga, 2013.]
- Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893—1903. [Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written texts]. Vol. I—III. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, 1893—1903.]
- ССЯ I—IV — Словарь старославянского языка. Репринт. изд. Т. I—IV. СПб., 2006 (= *Slovník jazyka staroslověnského*. I—IV. Praha, 1958—1997). [*Slovar' staroslavjanskogo yazyka* [A dictionary of the Old Slavic language]. Reprint ed. Vol. I—IV. St. Petersburg, 2006 (= *Slovník jazyka staroslověnského*. I—IV. Praha, 1958—1997).]
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1986—1987. [Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [An etymological dictionary of the Russian language]. Vol. I—IV. Moscow: Progress, 1986—1987.]
- Щапов 1976 — Древнерусские княжеские уставы XI—XIV вв. / Изд. подгот. Щапов Я. Н. М.: Наука, 1976. [*Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI—XIV vv.* [The Old Russian princely statutes of the XI—XIV centuries]. Prepared by Shchapov Ya. N. Moscow: Nauka, 1976.]
- Юрьева 2015 — Юрьева И. С. Охъ же ти хоцеть быти! // Андрею Анатольевичу Зализняку к 80-летию от коллег, друзей и учеников [Yur'eva I. S. Okh'' zhe ti khoshchet' byti! *Andreyu Anatol'evichu Zaliznyaku k 80-letiyu ot kolleg, druzei i uchenikov*.] Available at: <http://www.inslav.ru/zalizniak80-congratulations/Yurjeva.pdf>

³ Авторы не уточняют, откуда именно взята цитата, ограничиваясь указанием на то, что речь идет о церковном законодательстве (*Règlement ecclésiastique*), однако цитата почти дословно совпадает с текстом Устава князя Ярослава о церковных судах, ср. [Щапов 1976: 87].

- Klenin 1989 — Klenin E. On preposition repetition: A study in the history of syntactic government in Old Russian. *Russian Linguistics*. 1989. Vol. 13. Pp. 185—206.
- Worth 1982 — Worth D. S. Preposition repetition in Old Russian. *Linguistics and poetics. Studies for Edward Stankiewicz on his 60th Birthday 17 November 1980. International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1982. Vol. XXV/XXVI. Pp. 495—507.

L. Kulikov, N. Lavidas (eds.). Proto-Indo-European syntax and its development. Amsterdam: John Benjamins. 2015. 158 p. ISBN 978-90-272-6828*.

Мария Александровна Молина

Maria A. Molina

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; maria.lakhuti@gmail.com

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; Moscow State Pedagogical University, Moscow, 119991, Russian Federation; maria.lakhuti@gmail.com

Рецензируемый сборник посвящен вопросам реконструкции синтаксиса праиндоевропейского языка. В основу сборника легли материалы заседания рабочей группы «Праиндоевропейский синтаксис и его развитие» (PIE syntax and its development), прошедшего 1—2 апреля 2011 г. в Университете имени Аристотеля в Салониках (Греция), в рамках XX Международного симпозиума по теоретической и прикладной лингвистике (20th International symposium on theoretical and applied linguistics). Заседание в Салониках собрало вместе индоевропейцев, типологов и синтаксистов, и его основной задачей было формирование консенсуса по таким сложным вопросам исследования праязыка, как эргативный / активный строй, нейтральный порядок слов, маркирование субъекта и объекта. Предварительные итоги этого заседания были впервые отражены в 2013 г. в специальном выпуске «*Journal of Historical Linguistics*» (Vol. 3, No. 1), а спустя еще два года собраны под одной обложкой в рецензируемом сборнике.

Ключевые для статей этого сборника вопросы таковы: возможна ли в принципе реконструкция синтаксиса? какие синтаксические параметры могут быть восстановлены для праязыка? каковы современные подходы к такой реконструкции? что может дать реконструкция праиндоевропейского языка для развития лингвистики в целом? что можно сказать о таких категориях раннего и позднего праиндоевропейского языка, а также древних индоевропейских языков, как переходность, залог и категория состояния? каков нейтральный порядок слов праиндоевропейского языка и как проходила его эволюция в индоевропейских языках? каков синтаксис относительных придаточных, а также других типов придаточных предложений в праиндоевропейском языке? какой была их эволюция? каков синтаксис нефинитных форм (инфинитивов, конвербов и т. п.)?

В открывающей сборник статье («Reconstructing Proto-Indo-European categories: The reflexive and the middle in Hittite and in the Proto-language») итальянские хеттологи из Университета Вероны Паола Котичелли-Курпас (Paola Cotticelli Kurpas) и Альфредо Рицца (Alfredo Rizza) исследуют развитие категории рефлексива в хеттском и сравнивают хеттский рефлексив с глагольной стратегией его маркировки в балтийских языках. Как известно, рефлексив в хеттском может быть выражен как с помощью глагольных окончаний «медия», так и с помощью энклитической частицы *-za*, занимающей вакернагелевскую позицию (2P). Прочие анатолийские языки также имеют глагольные окончания, маркирующие

* Работа выполнена при поддержке проекта Министерства образования и науки Российской Федерации НИР 2685 «Параметрическое описание грамматических систем». Автор благодарит А. В. Сидельцева, А. С. Касьяна и Г. С. Старостина, чьи комментарии значительно обогатили содержание рецензии. Ответственность за все ошибки несет исключительно автор.

категории рефлексива, медия и результатава, которые можно возвести к праязыковому состоянию. Авторы считают, что набор окончаний анатолийского медия отражает рефлексы реконструируемых окончаний статива (категории состояния). Они также обращаются к данным других древних индоевропейских языков (санскрит, древнегреческий) и показывают, что медиальные окончания в них, скорее всего, являются инновацией по сравнению с праязыком.

Этапы развития категории рефлексива Котичелли-Куррас и Ризца представляют в следующем виде: 1) поздний праиндоевропейский — окончания медия служат для выражения рефлексива, но некоторые функции этой категории получают дополнительное маркирование с помощью личных местоимений; 2) древнейшие зафиксированные в письменности индоевропейские языки (анатолийские, древнегреческий) — новые, «дополнительные», показатели рефлексива грамматикализуются, расширяют спектр использования и начинают появляться без медия; все языки проходят по этому пути независимо, со сходными, однако же, результатами; 3) современное состояние — медий утрачен в большинстве языков.

Балтийские языки, в свою очередь, демонстрируют диахроническое развитие глагольной стратегии для выражения рефлексива и служат типологической параллелью для аналогичных процессов в хеттском. Авторы отмечают, что в литовском и латышском исторически засвидетельствовано развитие вакернагелевской клитики *-si* в глагольный аффикс с расширением его функций и вытеснением исходных окончаний медия (см. классическую работу Штольца [Stolz 1989]). Похожий процесс имел место и в славянских языках, ср. русск. *-ся* и др.-русск. *сѧ* (как указывает, например, Вяч. Вс. Иванов в своей работе по сравнению анатолийской и праславянской языковых систем [Иванов 1965]). Свои выводы авторы подтверждают хорошо подобранным материалом, который следует учитывать как в хеттологических исследованиях, так и в типологических работах, касающихся категории рефлексива. Приведенная ими библиография достаточно полно покрывает релевантную литературу по исследуемому вопросу.

Иоаннис Фикиас (Ioannis Fykias) и Кристина Кацикадели (Christina Katsikadelis) из Университета Зальцбурга (Австрия) анализируют возникновение и развитие подчинения в греческих финитных и нефинитных клаузах, зависящих от глаголов речи и знания («The rise of “subordination features” in the history of Greek and their decline»). Авторы сосредоточиваются, в частности, на развитии и распределении подчинительных союзов в раннем и классическом древнегреческом, а также на некоторых характерных примерах использования оппатаива в косвенной речи. Они отмечают, что более поздний период в истории греческого языка характеризуется разрушением древней системы подчинительных союзов, на месте которой возникает новая система. Эти явления рассматриваются с учетом последних исследований в области теории синтаксиса [Emonds 2004; 2012]; выдвигается гипотеза циклического развития системы подчинительных союзов и маркеров косвенной речи. Авторы ставят классический вопрос: существовали ли в праиндоевропейском подчинительные клаузы. Эта дискуссия насчитывает уже более 100 лет: первым вопрос о подчинительных клаузах поднял Эдуард Герман (Eduard Hermann) еще в 1894 г. (и дал на него положительный ответ, см. [Hermann 1895]). Материал, собранный авторами статьи, позволяет лучше понять механизмы, по которым подчинение развивалось в праиндоевропейском языке и в древнейших письменных индоевропейских языках.

Ганс Генрих Хок (Hans Henrich Hock), американский индолог и санскритолог, индоевропеист, заслуженный профессор Иллинойского университета в Урбане-Шампейн, приводит в своей статье («Proto-Indo-European verb-finality») доказательства гипотезы, которая гласит, что глагол в праиндоевропейском языке при нейтральном порядке слов находился в конце предложения (verb-final word order). Действительно, самые ранние письменные зафиксированные индоевропейские языки имеют в качестве нейтрального именно такой порядок слов; в частности, типичным языком SOV является хеттский.

Во-первых, автор анализирует реконструируемые стратегии подчинения в праиндоевропейском (включая коррелятивы). Он отмечает, что коррелятивы не противоречат идее

порядка слов SOV, вопреки [Lehman 1974; Friedrich 1975]. И Фридрих, и Леман, отмечает Хок, соглашались, что порядок SOV коррелирует с относительными придаточными, стоящими перед определяемым существительным и не имеющими относительных местоимений (последовательность «коррелятив — главное предложение с коррелятивом»). Порядок «главное предложение — коррелятив» при наличии относительных местоимений соотносился ими с языками VO. Леман, однако, утверждал, что для праиндоевропейского состояния следует реконструировать порядок слов SOV. Фридрих, напротив, указывал, что именно из-за коррелятивов SOV не следует реконструировать для праязыкового состояния. По мнению самого Хока, праиндоевропейский язык не обязан быть типологически последовательным — естественные языки, скорее, типологически непоследовательны. Для праиндоевропейского языка действительно реконструируются оба порядка следования коррелятива и главного предложения. Кроме того, все древнейшие письменно зафиксированные индоевропейские языки могут иметь порядок слов с глаголом в начальной позиции. Более того, на тот факт, что для праиндоевропейского следует реконструировать порядок слов с конечным глаголом, указывают фонологические и просодические изменения финитных глаголов в истории индоевропейских языков, в том числе отсутствие ударения на личных формах глаголов в главных предложениях в ведийском и выпадение /i/ в италийских, кельтских и балтославянских языках.

Бернхард Коллер (Bernhard Koller), американский индоевропеист из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса (UCLA), предлагает новый подход к синтаксическому анализу хеттских сериальных конструкций с глаголами *pai-* ‘идти’ и *uwa-* ‘приходить’ («Hittite *pai-go* and *uwa-* ‘come’ as reconstructing verbs»). Несмотря на наличие двух глаголов, конструкции вида «*pai-/uwa-* + V» представляют собой одну клаузу, а глаголы имеют одну форму наклонения, лица и числа, однако не находятся друг с другом ни в отношении сочинения, ни в отношении подчинения, например:

nu=za pai-ddu ŠA É.GAL-LIM halki-n tukanzi da-ddu
 CONN=REFL идти-3SG.IMP GEN дворец зерно-ACC.SG корм взять-3SG.IMP

‘Пусть пойдет возьмет на корм зерно из дворца’ (HKM 24 obv. 14—15).

Сами по себе эти особенности конструкций с глаголами движения известны уже достаточно давно, см. ставшие классическими статьи Т. ван ден Хаута [van den Hout 2003; 2010]. Как отмечает Коллер, в таких клаузах существуют ограничения на порядок слов, вызванные именно сериальной природой конструкции, в которой он видит различные друг в друга предложения. Эти ограничения могут объяснить большинство отличительных черт таких предложений: расположение энклитик, один и тот же субъект для обоих глаголов и отсутствие союза, вводящего второй глагол и его зависимые. Коллер применяет формальный анализ в рамках минималистского подхода, рассматривая сериальные конструкции как би-клаузальные, тем самым избавляясь от их уникального статуса в хеттском и анализируя их примерно так же, как инфинитивные конструкции и финитные подчинительные клаузы. Таким образом он объясняет, например, передвижение энклитик (clitic climbing) как их подъем из подчинительной клаузы в главную. Различие в синтаксическом поведении глаголов *pai-* и *uwa-* автор понимает как разницу между контролирующим и повышаемым предикатом. Этот анализ, однако, не объясняет одну из важнейших характеристик данных сериальных глаголов, а именно порядок слов, ведь сериальные глаголы всегда предшествуют субъекту. Автор оставляет решение этой проблемы для будущих исследований, однако сам факт, что в рамках предпринятого анализа он не в состоянии решить данную проблему, заставляет сомневаться в адекватности предлагаемого им решения.

Статья Коллера, подготовленная для заседания 2011 г. и впервые опубликованная в 2013 г., естественным образом не учитывает последние публикации, касающиеся сериальных конструкций в хеттском, к примеру [Yates 2014], где на основании синтаксических и просодических факторов, в частности единого комплекса сентенциальных локативных клистик *-asta*, *-apa* и *-kkan*, доказывается их моноклаузальная природа. В то же время в работе

проигнорирована и более ранняя публикация [Sideltsev 2007], в которой разбирается более широкий круг глаголов, образующих сериальную конструкцию в хеттском. Поскольку часть этих глаголов не поднимается в позицию выше подлежащего, данный материал исключительно важен для любых гипотез, анализирующих сериальные конструкции в хеттском.

Леонид Куликов (Leonid Kulikov) и Николаос Лавидос (Nikolaos Lavidos), индоевропейцы, работающие в настоящее время в Гентском университете (Бельгия), исследуют в своей статье различные аспекты реконструкции пассива в праиндоевропейском, опираясь на свидетельства индоарийских языков (в частности, ранневедийского языка) и греческих диалектов («Reconstructing passive and voice in Proto-Indo-European»). Авторы анализируют контраст между специализированными и неспециализированными показателями пассива в ранневедийском и древнегреческом. Они показывают, что две из ветвей индоевропейских языков, индоарийская и греческая, отражают два основных типа развития переходности и системы залога: синкретический тип, объединяющий оба значения, который можно видеть во многих западных языках, включая древнегреческий, и несинкретический тип, который наблюдается в некоторых восточных языках, в частности в индоарийских. Изучение роли медиа и статива в выражении категории пассива в древних индоевропейских языках поднимает много теоретических вопросов и дает возможность тестировать методы синтаксической реконструкции. Данная работа, таким образом, не только предоставляет важный материал для диахронического анализа категории пассива в индоевропейских языках, но и ставит перед исследователями вопрос, что в принципе подлежит реконструкции в историческом синтаксисе, а что вряд ли может быть восстановлено.

Наконец, последняя статья сборника («Toward a syntactic phylogeny of modern Indo-European languages») представляет собой продолжение работы коллектива авторов во главе с Джузеппе Лонгобарди (Giuseppe Longobardi) из университета Триеста (Италия) по применению количественных методов к историческому синтаксису. Целью проведенной ими серии экспериментов с построением генеалогического древа индоевропейской семьи было установить, насколько синтаксические параметры могут говорить о языковом родстве. Для этого они использовали собственный метод параметрического сравнения (Parametric comparison method, PCM, см. [Guardiano, Longobardi 2005; Longobardi, Guardiano 2009]). Суть этого метода состоит в построении филогении по заданному набору признаков, в данном случае по 56 бинарным синтаксическим признакам, по которым проанкетированы 26 современных индоевропейских языков.

Основная идея такова, что синтаксические параметры являются подходящим материалом для сравнительно-исторических исследований синтаксиса с помощью филогенетических методов, поскольку эти данные можно измерить количественно. Предполагается, что параметры наследуются от языка-предка к языку-потомку, а количество рассматриваемых параметров дает достаточно объемный статистический материал, чтобы можно было рассчитать матрицу параметрических дистанций и расстояние между языками.

К полученной бинарной матрице (с. 132) для построения филогенетических деревьев применяется несколько математических алгоритмов, однако остается неясным, почему выбраны именно они при том, что некоторые из них, например, метод невзвешенного попарного среднего или метод наименьших квадратов Фитча-Марголиаша, предполагают одинаковую и постоянную скорость изменений на всех ребрах дерева, что в случае синтаксических параметров вряд ли правомерно допускать. Непонятно также, почему для подтверждения тезиса, что синтаксические параметры могут использоваться для построения филогенетического древа, выбран материал индоевропейских языков, чья генетическая классификация не является общепризнанной. Если авторы ставили цель показать влияние ареальных контактов при диахроническом развитии синтаксических признаков, то неясно, почему в работе отсутствуют корреляции с географическими расстояниями.

Помимо того, деревья, построенные группой Лонгобарди, демонстрируют немало странных расхождений с традиционной реконструкцией (например, хинди оторван от фарси, ирландский оказывается в германской группе и т. п.). Это заставляет в очередной раз

усомниться в пригодности грамматических признаков для реконструкции языковой филогении. Достоинство грамматических, в частности синтаксических, признаков — скорость и простота сбора материала (т. е. анкетирования исследуемых языков). Однако сегодня существует понимание того, что надежная филогения может быть получена только на основе лексических признаков (лексикостатистики) или смешанного лексико-грамматического набора признаков [Greenhill et al. 2008; Segerer 2008; Starostin 2011—2015; Wichmann et al. 2013; Dunn 2015], в то время как синтаксис из всех языковых уровней наименее устойчив в ареальной и диахронической перспективе, чтобы построение надежной филогении было возможно на основании синтаксических данных.

Между тем вывод авторов таков, что анализ по методу РСМ действительно может использоваться для идентификации родственных отношений между языками, даже если в расчеты включаются данные только современных языков, и что результаты такого анализа не менее надежны, чем традиционный метод сравнительно-исторической реконструкции, построенный на лексических данных. Расхождения с традиционной классификацией индоевропейских языков (в том числе отдельный узел для болгарского и отдельная позиция для фарси внутри иранской семьи) авторы объявляют небольшой фактической ошибкой, не влияющей на результаты статистического анализа. Однако генеалогические деревья, построенные на лексических данных, не подтверждают таких расхождений, ср. [Kushniarevich, Utevska et al. 2015]. Причины, по которым при опоре на синтаксические параметры болгарский у группы Лонгобарди получает особое положение, очевидно, связаны с ареальными явлениями, характеризующими болгарский язык, такими, в частности, как утрата грамматической категории падежа и т. п. Поэтому вряд ли можно считать, что отдельный узел для болгарского — «небольшая ошибка», и такой результат, скорее, негативно отражается на достоверности генеалогического древа языков, полученного методом РСМ.

Подводя итоги, надо сказать, что, хотя книга включает в себя статьи, которые уже публиковались в специализированных журналах и для специалистов в соответствующих областях не новы, появление отдельного сборника, касающегося вопросов праязыковой реконструкции, следует только приветствовать. До сих пор остаются под вопросом как принципы проведения синтаксической реконструкции, так и сама возможность восстановления синтаксических черт индоевропейского праязыка. Эта проблема не перестанет вызывать бурные дискуссии и после выхода рецензируемого сборника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Иванов 1965 — Иванов Вяч. Вс. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М.: Наука, 1965. [Ivanov Vyach. Vs. *Obshcheindoevropskaya, praslavyanskaya i anatoliiskaya yazykovye sistemy (sravnitel'no-tipologicheskie ocherki)* [Proto-Indo-European, Proto-Slavic, and Anatolian language systems (comparative-typological essays)]. Moscow: Nauka, 1965.]
- Dunn 2015 — Dunn M. *Indo-European lexical cognacy database*. 2015. Available at: <http://ielex.mpi.nl>.
- Emonds 2004 — Emonds J. Unspecified categories as the key to root constructions. *Peripheries: Syntactic edges and their effects*. Adger D., de Cat C., Tsoulas G. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 2004. Pp. 75—120.
- Emonds 2012 — Emonds J. Augmented structure preservation and the Tensed S constraint. *Main clause phenomena: New horizons*. Aelbrecht L., Haegeman L., Nye R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 23—46.
- Friedrich 1975 — Friedrich P. *Proto-Indo-European Syntax*. Butte (MT): Journal of Indo-European Studies, 1975.
- Greenhill et al. 2008 — Greenhill S. J., Blust R., Gray R. D. The Austronesian basic vocabulary database: From bioinformatics to lexicomics. *Evolutionary Bioinformatics*. 2008. Vol. 4. Pp. 271—283.
- Guardiano, Longobardi 2005 — Guardiano C., Longobardi G. Parametric comparison and language taxonomy. *Grammaticalization and parametric variation*. Batllori M., Hernanz M.-L., Picallo C., Roca F. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. Pp. 149—174.
- Hermann 1895 — Hermann Ed. Gab es im Indogermanischen Nebensätze? *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*. 1895. Bd. 33. Hf. 4. S. 481—535.

- van den Hout 2003 — van den Hout Th. Studies in the Hittite phraseological construction I: Its syntactic and semantic properties. *Hittite studies in honor of Harry A. Hoffner, Jr. on the occasion of his 65th birthday*. Beckman G., Beal R., McMahon G. (eds.). Winona Lake (IN): Eisenbrauns, 2003. Pp. 177—203.
- van den Hout 2010 — van den Hout Th. Studies in the Hittite phraseological construction II: Its origin. *Hethitica XVI: Studia Anatolica in memoriam Erich Neu dicata*. Lebrun R., De Vos J. (eds.). Louvain-la-Neuve: Peeters, 2010. Pp. 191—204.
- Kushniarevich, Utevska et al. 2015 — Kushniarevich A., Utevska O. et al. Genetic heritage of the Balto-Slavic speaking populations: A synthesis of autosomal, mitochondrial and Y-chromosomal data. *PLOS One*. 2 September 2015. Available at: <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0135820>.
- Lehman 1974 — Lehman W. P. *Proto-Indo-European syntax*. Austin: Univ. of Texas Press, 1974.
- Longobardi, Guardiano 2009 — Longobardi G., Guardiano C. Evidence for syntax as a signal of historical relatedness. *Lingua*. 2009. Vol. 119. No. 11. Pp. 1679—1706.
- Segerer 2008 — Segerer G. Le projet RefLex [Reference Lexicon]. 2008. Available at: <http://reflex.cnrs.fr/database>.
- Sideltsev 2007 — Sideltsev A. An overlooked case of inversion in Middle Hittite. *Tabularia Hethaeorum: Hethitologische Beiträge Silvin Košak zum 65. Geburtstag* (Dresdner Beiträge Zur Hethitologie 25). Grodek D., Zorman M. (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Pp. 613—629.
- Starostin 2011—2015 — Starostin G. (ed.). *The global lexicostatistical database*. Moscow; Santa Fe: Russian State University for the Humanities; Santa Fe Institute, 2011—2015. Available: <http://starling.rinet.ru/new100>.
- Stolz 1989 — Stolz Th. Zum Wandel der morphotaktischen Positionsregeln des Baltischen Reflexivzeichens. *Folia Linguistica Historica*. 1989. Bd. 9. Nr. 1. S. 13—27.
- Wichmann et al. 2013 — Wichmann S., Müller A., Wett A., Velupillai V., Bischoffberger J. et al. *The ASJP Database*. 2013. Version 16. Available at: <http://asjp.cild.org/download>.
- Yates 2014 — Yates A. On the PIE “quasi-serial verb” construction: Origin and development. *Proceedings of the 25th Annual UCLA Indo-European conference*. Jamison S. W., Melchert H. C., Vine B. (eds.). Bremen: Hempen, 2014. Pp. 237—255.

*НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE***Фонологические заметки из Будапешта****Антон Владимирович Кухто^а, Александр Чедович Пиперски^{б, ©}**^а МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация;^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; © apiperski@gmail.com**Phonological hodgepodge from Budapest****Anton V. Kukhto^а, Alexander Ch. Piperski^{б, ©}**^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ^б National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation; © apiperski@gmail.com

С 13 по 16 января 2016 г. в БУДАПЕШТСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ ЛОРАНДА ЭТВЕША (Eötvös Loránd Tudományegyetem) состоялась 13-я ежегодная конференция Старого Света по фонологии (Old World Conference in Phonology, OCP). Впервые эта конференция прошла в 2004 г. в Амстердаме, а Будапешт — единственный на настоящий момент город, в котором она проводится уже второй раз (до того фонологи собирались в столице Венгрии в 2006 г.); заседания других лет принимали Тромсё (2005), Родос (2007), Тулуза (2008), Эдинбург (2009), Ницца (2010), Марракеш (2011), Берлин (2012), Стамбул (2013), Лейден (2014) и Барселона (2015). В конференции этого года приняли участие более 100 исследователей, причем не только со всех концов Старого Света, но и из Северной Америки¹. В числе гостей из Нового Света был один из приглашенных лекторов — профессор Калифорнийского университета Брюс Хейз; два других приглашенных докладчика, профессор Люблинского католического университета имени Иоанна Павла II Эугениуш Циран и профессор Тель-Авивского университета Ути Бат-Эль, представляли Европу и Азию соответственно.

Спектр фонологических событий в венгерской столице в начале этого года, однако же, был шире, чем обычно предлагает OCP. Накануне конференции, 12 января, в Институте лингвистических

исследований (Nyelvtudományi Intézet) Венгерской академии наук профессор Университета Джона Хопкинса П. Смоленски (Paul Smolensky, США), один из авторов теории оптимальности (Optimality Theory, OT) и гармонической грамматики (Harmonic Grammar), прочел лекцию, озаглавленную «Грамматическая теория с градиентными символьными структурами», в которой на примере liaison во французском языке была представлена новая вычислительная модель грамматики языка. Этот подход, градиентное символьное вычисление (Gradient Symbolic Computation, см. подробнее о нем в работе [Smolensky et al. 2014]), объединяет два конфликтующих ранее типа когнитивной обработки информации — символьный, основанный на правилах, и коннекционистский, моделирующий ментальную активность при помощи нейронных сетей. Знание в этой модели имеет форму констрейнтов с приписанными им весами; репрезентации имеют дискретный, символьный вид, однако сами «символы» соотнесены с весами активации (activation levels), так что символьные структуры предстают в виде векторов активационных значений. По мнению лектора, такие «смешанные» (blended) структуры могут разрешать противоречия между конфликтующими символьными способами анализа различных языковых явлений. Так, в случае французских

¹ Из-за ограничений объема настоящая хроника не охватывает всех сообщений, которые были представлены на конференции. Полная программа с аннотациями и материалами выступлений доступна по ссылке: <http://seas3.elte.hu/ocp13/times.html>.

внешних сандхи в литературе долгое время существуют два способа рассматривать сочетания типа *petit ami* ‘бойфренд’: согласно одному из них, сегмент /t/ принадлежит первому слову /pøtit/² и озвучивается только перед гласными; согласно другому, /t/ находится в анклаве слова *ami*, т. е. /tami/, у которого также есть варианты /ami/, /zami/ и /nami/. В рассматриваемой модели сочетание имеет смешанное представление [pøti(λ-t)] [(τ-t + ζ-z + v-n)ami], где греческие литеры соответствуют весам активации; «дефектный» согласный /t/ сам по себе имеет меньший вес активации, нежели «полноценные» сегменты, всегда присутствующие в произношении, и для его успешной реализации (иными словами, чтобы преодолеть порог активации) необходим дополнительный вес — это происходит только при стечении слов с одинаковым «дефектным» согласным в конце и начале слова. Затем с помощью стохастической оптимизации максимизируется «гармония», то есть выбирается выходная форма, при которой сумма нарушений констрейнтов минимальна. П. Смоленски отметил, что при помощи этой же модели можно описывать усвоение языка и языковые изменения. Несмотря на то, что ее адекватность с нейробиологической точки зрения пока неясна, а аппарат нуждается, по мнению авторов, в значительной доработке, эта модель уже вполне успешно проявила себя не только в фонологии, но и в других областях лингвистики, а также в практических приложениях (к примеру, при создании вопросно-ответных систем).

По традиции первый день самой конференции был отведен под воркшоп, предметом которого в этом году была вариативность в фонологии. В круг обсуждаемых вопросов вошли, в первую очередь, случаи неодинакового поведения фонологических единиц разных уровней в зависимости от социолингвистических характеристик носителя, а также и другие аспекты фонологической вариативности.

Конференцию открыли ученые из Великобритании Р. БЕРМУДЕС-ОТЕРО (Ricardo Bermúdez-Otero), М. БАРАНОВСКИЙ (Maciej Baranowski), Дж. БЕЙЛИ (George Bailey) и Д. ТЕРТОН (Danielle Turton). Их доклад носил название «Эффект одинаковой скорости и глоттализация /t/ в манчестерском английском: высокочастотные слова подвергаются этому процессу раньше, чем низкочастотные, но изменяются с той же скоростью». В этом пространном названии, собственно говоря, и отражена вся фактологическая часть доклада. Основное же теоретическое содержание составила полемика с теорией экземпляров [Bybee 2002; Pierrehumbert 2001; 2002], которая имплицитно

большую скорость изменений высокочастотных единиц в сравнении с низкочастотными, опираясь на известный факт, что в первых наблюдается более активная редукция и коартикуляция. Однако уже в работах [Fruehwald et al. 2013] и [Zellou, Tamminga 2014] показано, что для многих фонологических процессов характерна одинаковая скорость изменения единиц любой частотности, хотя они и могут при этом находиться на разных стадиях процесса. Выступление исследовательской группы под руководством Р. Бермудеса-Отёро стало еще одним подтверждением того, что априорные теоретические построения порой не выдерживают проверки реальными данными.

В докладе Г. БЕГУША (Gašper Beguš, США) речь шла о «неестественных» феноменах в фонотактике. Автор предложил различать не два типа явлений: естественные и неестественные, — а три: естественные, немотивированные (не объяснимые универсальными тенденциями, но и не противоречащие им: например, $p \rightarrow s/ _i$ или $i \rightarrow u/d _$, см. [Blevins 2008]) и неестественные (противоречащие универсальным фонетическим тенденциям). В качестве примера неестественности анализировалась фонация согласных в тарманском кечуа (Tarma Quechua; см. [Nazarov 2008]), где смычные почти никогда не выступают в звонком варианте после носовых, примерно в половине случаев имеют звонкость в интервокальной позиции и почти всегда звонки после глухих смычных и остальных сонорных. Г. Бегуш показал, что подобные случаи неестественного градуального распределения могут возникать в результате действия трех изменений, последовательность которых он называет «затемняющим циклом» (blurring cycle): например, $D \rightarrow Z/[-\text{носовой}] _$, $D \rightarrow T$ и $Z \rightarrow D$. Еще один теоретически возможный тип изменений, приводящий к схожему результату, — это «затемняющая цепь» (blurring chain): $B \rightarrow C/X$, $C \rightarrow D$, $D \rightarrow A$, где сегмент A неестествен в контексте сегмента X (более короткий путь $B \rightarrow C/X$, $C \rightarrow A$ исключен, поскольку A в таком случае вынужденно будет отличаться от C по двум признакам, а не по одному: по тому, который отличает B от C и естествен в контексте X , и по тому, который и создает неестественность). Итак, для возникновения неестественности в фонотактике необходимы по крайней мере три изменения, первое из которых приводит к аллофоническому варьированию; такие комбинации изменений встречаются редко, поэтому редко наблюдается и неестественность в фонотактике. Г. Бегуш также предложил модель, позволяющую предсказать долю естественных и неестественных форм в языке, опираясь

² Мы сохраняем авторскую транскрипцию.

на модифицированную версию гармонической грамматики [Smolensky, Legendre 2006].

Поскольку конференция проходила в Будапеште, неудивительно, что немало внимания было уделено фонологии венгерского языка. Доклад И. Сабо (Ildikó Szabó, США) затронул вариативность по долготе, наблюдаемую у венгерских гласных на конце слова. Обычно считается, что в этой позиции допустимы только долгие лабиализованные гласные среднего и верхнего подъема (т. е. /u: y: o: ø:/, но не /u/ и о /ø/), тогда как с нелабиализованными средними и нижними гласными ситуация противоположная (допустимы /a e/, но не /a: e:/). Однако есть два типа исключений из этого правила: во-первых, это лексикализованные единицы типа *kávè* ‘кофе’ и *lé* ‘сок’ с долгими /e:/ на конце или *áru* ‘товар’ с кратким /u/ на конце; во-вторых, у некоторых носителей разговорного варианта будапештского языка имеется свободное варьирование (vacillation) гласных верхнего подъема по долготе. Используя компьютерную модель, И. Сабо продемонстрировала, что возникновение исключений связано с функциональной нагруженностью противопоставлений: чем меньше минимальных пар различают те или иные сегменты, тем больше вероятность того, что появятся исключения одного из двух указанных типов. При этом лексические исключения возникают в тех парах, где сегменты расположены далеко друг от друга в перцептивном пространстве: в этом случае у некоторых лексем происходит так называемый «обмен вариантами» (variant trading) через границу фонологических категорий [Guy 1996; Blevins, Wedel 2009] — другими словами, реализации, далекие от ядра категории, переходят в другую категорию, тем самым консолидируя ядро прежней категории. В свою очередь, свободное варьирование имеет место, когда сегменты очень похожи друг на друга, что приводит к невозможности категоризации при восприятии.

Еще два выступления про венгерский язык (одно в рамках воркшопа, другое в основной программе конференции) сделали исследователи из Венгрии Т. Биро (Tamás Biró), Э. Хетеньи (Eszter Hetényi) и М. Фюреди (Mihály Füredi). Оба доклада были посвящены гармонии гласных в венгерских существительных. Как известно, аффиксы в венгерском языке гармонируют с основами по ряду гласного: *asztal* ‘стол’ ~ *asztalnak* ‘столу’, *függöny* ‘занавеска’ ~ *függönynek* ‘занавеске’. Однако в случае, если основа содержит и задний, и передний гласный, наблюдается вариативность: *fotel* ‘кресло’ ~ *fotelnak/fotelnek* ‘креслу’. Эта вариативность может быть обусловлена разными факторами: например, качеством гласных и согласных в основе [Hayes et al. 2009] или диалектом говорящего [Blaho, Szeredi 2013].

В выступлениях Т. Биро и соавторов обсуждались еще два параметра: темп речи и семантика основы. Было показано, что в быстрой речи возрастает частотность суффикса с задним гласным по сравнению с медленной речью. Такому результату могут способствовать разные факторы. Во-первых, фонетическую мотивировку имеет только локальная гармония (с соседним слогом), а не дистантная (со слогом через один), однако в быстрой речи расстояние от слога через один уменьшается, и поэтому он может больше влиять на гармонию (впрочем, неясно, как это объяснение справляется с фактом, что и соседний слог в быстрой речи становится чуть ближе). Во-вторых, этот факт получает объяснение в рамках гармонической грамматики [Smolensky, Legendre 2006]: можно предполагать, что в языковой компетенции говорящих запрет на отсутствие локальной гармонии ранжирован выше, чем запрет на отсутствие дистантной гармонии, однако при увеличении темпа речи наблюдается большее количество отклонений от идеала. То же можно объяснить и в рамках стохастической теории оптимальности [Boersma, Hayes 2001]: чем быстрее речь, тем больше стандартные отклонения для весов ограничений, а значит, тем больше вариативность. Еще один фактор, влияющий на гармонию гласных, — семантика существительного: эксперимент с вымышленными словами, которые предъявлялись участникам в «старовенгерском» и в «новомодном заграничном» контексте, показал, что названия «старовенгерских» артефактов и природных явлений с большей вероятностью получают заднерядный суффикс, а имена собственные — наоборот.

Заседание завершилось сообщением А. В. Кухто и А. Ч. Пиперски (Россия) о вариативности словесного ударения в русском языке. Случаи вариативности ударения в глагольных формах прошедшего времени, ср. *прóдал* ~ *продáл*, принято рассматривать с точки зрения вариативности между носителями, например по регионам [Зализняк 2014: 97], докладчики же обратились к вариативности ударения внутри речи одного носителя. Проведенные эксперименты с чтением стимулов позволяют сделать вывод, что по меньшей мере в сочетаниях переходного глагола и непосредственно следующего за ним прямого дополнения ударение в глаголе стремится соответствовать принципу ритмического чередования (Principle of Rhythmic Alternation, см., например, [Schlüter 2015]) и у многих носителей сочетания вида *прóдал кнiгу* оказываются более вероятными, чем сочетания вида *продáл кнiгу*, а сочетания вида *прóдал браслét* — более вероятными, чем сочетания вида *продáл браслét*. Также обсуждалась значимость этого случая для

фонологической репрезентации ударения в языках типа русского, где в большинстве случаев оно закреплено за конкретной словоформой и хранится в ментальном лексиконе. Кроме того, было обрисовано развитие ударения от древнерусского к современному состоянию русского языка и возникновение акцентной вариативности в анализируемых глагольных формах.

Лекция Э. ЦИРАНА (Eugeniusz Cyran, Польша), с которой начался второй день конференции, была посвящена фонации. По мнению лектора, бинарный признак [±звонкость] не позволяет адекватно описать фонологическую реальность: в частности, остается неясным, почему ассимиляцию по звонкости обычно вызывают только шумные, но не сонорные согласные. Из-за этого большинство фонологов перешло к концепции ларингального реализма (*laryngeal realism*): за глухость/звонкость и наличие/отсутствие аспирации отвечают привативные признаки [звонкость] или [*sprɛad glottis*], выбор между которыми может быть сделан на основе фонетических данных [Harris 1994; Honeybone 2002]. Однако данные польского языка привели Э. Цирана к ларингальному релятивизму (*laryngeal relativism*). Эта концепция заключается в том, что существует некий абстрактный фонологический признак (Э. Циран условно называет его [blue]), который получает разную фонетическую интерпретацию в разных идиомах. Это позволяет описать фонологическую систему как варшавского варианта польского языка, где имеет место озвончение шумных в сандхи перед звонкими шумными, так и краковско-познаньского варианта, где шумные озвончаются в сандхи перед звонкими шумными, сонорными и гласными. Таким образом, Э. Циран в первую очередь опирается не на фонетическую реальность, а на логические построения, стремясь к максимально адекватному описанию фонологических процессов.

Сходные проблемы затрагивались и в стендовом докладе С. ХАМАН (Silke Hamann) и К. Сейнхорста (Klaas Seinhorst, Нидерланды). Авторы экспериментально проанализировали время начала фонации согласных (VOT, voice onset time) в немецком языке и показали, что оно варьирует у разных говорящих; неожиданным оказалось наблюдение, что значительное число носителей немецкого языка имеет отрицательный VOT для /b d g/ (то есть произносит звуки, близкие к русским [б д г]), а значит, ларингальный реализм вынужден предполагать наличие у них не только различительного признака [напряженность], релевантного для глухих согласных, но и различительного признака [звонкость]. В этой связи С. Хаман и К. Сейнхорст склоняются в сторону ларингального релятивизма,

хотя и подчеркивают, что для окончательного решения вопроса о фонологии немецких смычных необходимо исследовать ассимилятивные явления во внутренних и внешних сандхи, как это было сделано для польского языка в лекции Э. Цирана.

Памятью о давнем интересе Э. Цирана к ирландскому языку (см. [Cyran 1997] и др.), следующим пунктом в программе конференции организаторы поставили два доклада об ирландской фонологии. Первыми в этой секции выступили П. В. ИОСАД (Pavel Iosad, Великобритания) и М. НИ ХЭСАНЬ (Máire Ní Chiosáin, Ирландия) с сообщением «Ряд гласного и палатализация в ирландском и шотландском: об одном случае рассредоточения правил». В описаниях ирландских диалектов обычно постулируется система из пяти кратких гласных [i u e o a], однако многие исследователи в разное время (см., опять же, [Cyran 1997; Ó Maolalaigh 1997] и др.) предлагали сводить контраст по ряду гласного к воздействию консонантного окружения (в зависимости от его палатализованности), в результате чего система кратких гласных часто оказывалась «вертикальной», с противопоставлением только по подъему. В докладе показано, что коартикуляции с согласными непосредственного окружения недостаточно, чтобы объяснить акустические различия между гласными заднего и переднего рядов. Авторы рассматривают этот случай как пример «рассредоточения правил» (*rule scattering*) — такой ситуации, когда фонологизованные категориальные правила (упереднение в соседстве с палатализованными согласными) не заменяют градиентные фонетические процессы (коартикуляция), но сосуществуют с ними [Bermúdez-Otero 2015].

Б. ХЕРМАНС (Ben Hermans, Нидерланды) и Ф. ТОРРЕС-ТАМАРИТ (Francesc Torres-Tamarit, Франция) анализировали ударение в южных диалектах ирландского языка в рамках метрической фонологии. Новизна их модели состоит в том, что «фонологический слог» не соответствует однозначно фонетическому слогу (цепочке сегментов, объединенной вокруг одного ядра) и возможна ситуация, когда одному «фонологическому слогу» соответствует несколько фонетических; следовательно, и стопа, состоящая из двух «фонологических слогов», в такой модели может состоять из трех фонетических слогов, ср. [Martínez-Paricio, Kager 2015]. Используя эти обобщения и набор констрейнтов на ветвление (*branchingness constraints*), выравнивание (*alignment constraints*) и ритм (*rhythm constraints*), авторы описывают предложенные в докладе данные и успешно справляются с тем фактом, что последовательность двух легких слогов (LL)

способна с точки зрения метрической структуры вести себя так же, как один тяжелый слог (Н). Однако же сами данные, рассматриваемые авторами, неполны: в них не учтены случаи морфологической обусловленности ударения, приняты некоторые устаревшие трактовки (например, ударение на третий, а не на первый слог в словах типа HLHL, см. [Ó Sé 2008]) и т. д. Тем не менее докладчики верно замечают, что для прояснения ситуации необходимы отсутствующие в литературе акустические данные по ударению.

За обсуждением проблем фонологии ирландского языка последовала тонологическая секция. Й. БРЕТЕЛЕР (Jeroen Breteler, Нидерланды) предложил новый подход к типологии подвижного тона, т. е. такого глубинного тона, который может проявляться на других слогах, кроме исходного (см. подробнее об этом понятии [Cassimjee, Kisseberth 1998]). Классификация основана на трех параметрах. Первый — распространение (spread) vs. перемещение (shift) тона: в одном случае на исходном слоге тон сохраняется, в другом — нет. Вторым параметром — область перемещения тона; по нему различаются: 1) связанный (bounded) тон, как в коппербельтском бемба, где тон распространяется на два слога вправо [Bickmore, Kula 2013], 2) несвязанный (unbounded) тон, как в коса, где он распространяется до третьего с конца слога [Downing 1990], 3) ритмический (rhythmic) тон, как в ламба, где он появляется на каждом втором слоге после исходного [Bickmore 1995]. Последний параметр классификации — количество слогов в стопах, по которым происходит перемещение тона (авторский подход различает бинарные и тернарные стопы вслед за [Martínez-Paricio, Kager 2015]): Й. Бретелер утверждает, что наблюдаемые типы мобильных тонов зависят от просодической структуры слова, в частности стоп. Так, связанный тон может передвигаться только внутри стопы, место распространения несвязанного тона определяется размером стопы на правой границе слова и т. д. Деривация тонов в рамках этого подхода выполняется серийно [McCarthy 2010]; автор также предлагает набор из 27 констрейнтов, обеспечивающих взаимодействие тона и просодической структуры. Чтобы проверить модель, докладчик протестировал 10 000 различных способов ранжирования этих констрейнтов на словах из восьми слогов с одним исходным высоким тоном в разных позициях в слове. Мини-грамматики с предложенным набором констрейнтов смогли породить все наблюдаемые паттерны (с небольшим перепорождением), что подтвердило пользу от использования стоп в типологии мобильного тона.

В той же секции прозвучал доклад Й. Троммера (Jochen Trommer, Германия), который был посвящен тональной полярности. Известно, что в тональных системах часто бывает распространена синтагматическая полярность: тоны аффиксов выбираются таким образом, чтобы быть противоположными по отношению к тонам основ, к которым они присоединяются [Yip 2002: 159]. Это явление легко объясняется принципом обязательного контура (Obligatory Contour Principle [Leben 1973]). Реже встречается парадигматическая полярность: ситуация, когда при образовании некоторой формы тон производящей основы меняется на противоположный. Й. Троммер проанализировал образование женского рода в ануакском языке, где эта граммема выражается префиксом *a-* со средним тоном, который меняет начальный высокий тон корня на низкий, и наоборот. Было продемонстрировано, что правильнее не рассматривать эту ситуацию как парадигматическую тональную полярность, а постулировать плавающий высокий тон на префиксе, который и вызывает изменения. Тем самым докладчик привлек внимание к необычному случаю, когда тональная полярность на корне вызывается аффиксом, а не наоборот, как это обычно бывает, а также поставил под вопрос само существование парадигматической полярности: многие случаи такого рода можно объяснить именно плавающими тонами (см. [Hantgan 2009]).

Исследование Ю. ДАНБАРА (Ewan Dunbar) и Э. ДЮПУ (Emmanuel Dupoux, Франция) подвело квантитативную базу под понятие экономии, которое давно используется при обсуждении принципов устройства фонологических инвентарей [Clements 2003; Mackie, Mielke 2011]. Авторы предложили оценивать для каждого инвентаря три меры — экономичность, дисперсию и сгруппированность. Экономичность определяется для инвентаря в целом и равна $S/2K$, где S — количество сегментов в инвентаре, а K — количество используемых бинарных различительных признаков (соответственно, $2K$ — это максимальное теоретически возможное количество сегментов). Дисперсия оценивается для каждого признака f как $1 - I(f)/S$, где $I(f)$ — разность числа сегментов с $[+f]$ и числа сегментов с $[-f]$, взятая по модулю. Таким образом, дисперсия высока, если число сегментов с $[+f]$ и $[-f]$ примерно одинаково, и низка, если большая часть сегментов имеет одно из значений f . Сгруппированность определяется как $P(f)/\min(-f, +f)$, где $P(f)$ — число минимальных пар, противопоставленных только признаком f . Затем значения дисперсии и сгруппированности усредняются по всем признакам. Сгенерировав набор случайных инвентарей, докладчики сравнили с ними реальные

инвентари более чем 200 языков и обнаружили, что экономичность и сгруппированность в реальных инвентарях и во всех их подклассах значимо выше, чем в случайном наборе, а для дисперсии то же верно для гласных и смычных.

Последними во второй день выступили исследователи из Канады Г. Пигот (Glyne Piggott), Л. Трэвис (Lisa Travis) и Х. Ньюэл (Heather Newell) с докладом «Фонология посессивности», в котором рассматривались проблемы синтактико-фонологического интерфейса. Исследователи представили данные множества разноструктурных языков и показали, что в языках с противопоставлением отчуждаемой (alienable, AL) и неотчуждаемой принадлежности (inalienable possession, INAL) с точки зрения фонологии синтетические показатели согласования с посессором (AGRPOSS) последовательно различаются тем, что показатели AL оказываются менее «спяными» с корнем, к которому присоединяются, чем показатели INAL. Это противопоставление выражается в большей линейно-синтагматической независимости показателей AL и большем объеме сегментного материала, ср. ланго *dogga* ‘мой рот (животного)’ (← *dog* ‘rot’ + *na* ‘1SG’) и *doga* ‘мой (собственный) рот’ (← *dog* ‘rot’ + *na* ‘1SG’). Причиной тому, по мнению докладчиков, можно считать различие в синтаксической структуре AL- и INAL-конструкций: в первом случае обладаемое имя N расположено в nP, во втором случае N поднимается в D, чтобы проверить признак [+relational], которого нет в случае AL-конструкций (см. подробнее [Newell, Piggott 2014; Dobler 2008], а также [Barker 1995]). В соответствии с фазовой теорией [Marantz 2007], положения которой авторы принимают, и nP, и DP проходят отдельную стадию озвучивания (spell-out), и таким образом в случае INAL-конструкции N и AGRPOSS оказываются внутри одного фонологического слова, а в случае AL-конструкции — внутри двух вложенных друг в друга фонологических слов; процессы, происходящие на границе фонологических слов, отличаются от процессов внутри одного слова (например, с точки зрения Government Phonology [Ziková, Scheer 2009]). Докладчики также анализируют данные языка майбрат, в котором посессивные префиксы вызывают эпентезу гласного шва с односложными основами, см. *t-me* [təme] ‘моя мать’ и не реализуются сегментно с многосложными основами, см.

t-xəren [xəren] ‘мои ягоды’, и приходят к выводу, что ограничения на минимальный размер слова вводятся на ранних стадиях озвучивания и появление суффикса с эпентетическим гласным доступно только тогда, когда в основе еще имеется свободный «слот» для согласного. Таким образом, авторы в очередной раз показывают, что синтаксическая структура может оказывать непосредственное влияние на фонологию.

Третий день конференции начался с лекции У. Бат-Эль (Outi Bat-El, Израиль) «Ивритское ударение: назад в будущее». Лектор поставила перед собой амбициозную задачу: не только обозреть историю ударения от прадревнееврейского языка до современного иврита³, но и предсказать дальнейшее его развитие. За свою историю ударение в иврите прошло через немалое число трансформаций: сперва с самого правого неконечного тяжелого (CVV или CVC) слога — который был не во всех словах, и тогда ударение нес предпоследний слог — оно перешло на предпоследний и закрепилось на нем во всех случаях; затем, к библейскому периоду, когда отпали конечные краткие гласные и был утрачен контраст гласных по долготе, в словах на конечный согласный оно стало финальным (слова на гласный сохранили ударение на предпоследнем слоге); в современном иврите после утраты некоторых конечных согласных оно стало лексически обусловленным и перестало зависеть от веса слогов, причем если глаголы выравнивали ударение на последнем слоге основы [Graf, Ussishkin 2003], то среди существительных, по выражению У. Бат-Эль, «царит хаос». Хотя наиболее частотным внутри парадигм является конечное ударение, есть указания на то, что в существительных возобладает ударение на предпоследнем слоге: на периферии лексикона (в акронимах, вымышленных словах и т. п.), где обычно ожидается проявление универсальных языковых принципов [Bat-El 2000], конечное ударение встречается значимо реже, чем в ядре словаря. Лектор предполагает, что правила, задействованные на периферии, должны со временем охватить весь лексикон, и тогда ударение от системы, подобной библейской, вернется к типологически более тривиальному ударению на предпоследнем слоге во всем словаре. Однако нет гарантий того, что принципы с периферии будут обязательно перенесены на ядро лексикона, ср. ударение на предпоследнем слоге в русских заимствованиях и вымышленных словах на конечный

³ Разумеется, не стоит забывать о прерванной примерно в III в. н. э. естественной передаче древнееврейского языка и о спорах вокруг родства библейского и современного иврита [Horvath, Wexler 1994], однако, по мнению У. Бат-Эль, для рассматриваемой проблемы эти соображения несущественны, поскольку большинство исследователей сходится во мнении, что парадигмы слов были с достаточной точностью заимствованы из библейского иврита в современный.

гласный [Lavitskaya, Kabak 2014] и, к примеру, тенденцию сдвигать ударение на последний слог в некоторых существительных [Зализняк 2012]. С другой стороны, предсказания У. Бат-Эль подкрепляются данными детской речи, где также наблюдается увеличение доли ударений на предпоследнем слоге. Что ж, *qui vivra verra*.

За лекцией У. Бат-Эль последовало несколько докладов о разных аспектах фонологии семитских языков. С. Бенджабалла (Sabrina Bendjaballah) и Р. Ридуан (Rachide Ridouane, Франция) выступили с сообщением об ауслутных геминатах в языке мехри (Оман). Авторы разработали тест, при помощи которого можно развести конечные геминаты и одиночные согласные на фонологическом уровне. Мехри различает тяжелые (CVC) и легкие (CV) слоги, и это деление значимо для ударения; в ядре легких ударных слогов располагаются долгие гласные, в ядре тяжелых — краткие. Однако конечный слог проявляет иное поведение: слог типа CVC# ведет себя как легкий [Hayes 1989], следовательно, ударный гласный в нем может быть только долгим, а слог типа CVCC# ведет себя как тяжелый, и ударный гласный в нем может быть только кратким. Значит, можно ожидать, что геминаты будут воздействовать на предшествующий гласный и структуру всего слога так же, как и кластеры согласных [Clements 1986], что и происходит во многих словах с двухгласными корнями типа *dáll* 'он знал', вопреки имеющимся описаниям грамматики мехри [Rubin 2010]. Акустические данные показывают, что противопоставление геминат и одиночных согласных на конце слова обнаруживается и в поверхностных формах: геминаты имеют значимо большую длительность, чем одиночные согласные, а взрывные геминаты отличаются еще и тем, что реализуют взрыв даже на конце слова. Таким образом, С. Бенджабалла и Р. Ридуан показывают, что конечные геминаты в оманском мехри присутствуют как на фонетическом, так и на фонологическом уровне.

В этой же секции прозвучал доклад группы ученых из Израиля Д. Ашерова (Daniel Asherov), А. Фишмана (Alon Fishman) и Э.-Г. Коэна (Evan-Gary Cohen), посвященный редукции безударных гласных в эритажном русском языке носителей, родившихся в Израиле или иммигрировавших туда с семьей в раннем возрасте, основным языком общения для которых является иврит. В докладе было показано, что модель редукции в речи таких носителей сочетает в себе черты русского языка и иврита. В отличие от качественной редукции в русском языке, редукция в иврите затрагивает только длительность гласного, не воздействуя на его качество. Согласно анализу экспериментальных данных, редукция гласных у эри-

тажных носителей в русских словах ($m[o]st \sim m[v]stý \sim m[ə]stovóy$) не отличается от редукции у носителей литературного языка. Однако при произнесении искусственных слов, которые, по мнению авторов, отражают «активную» фонологическую систему, такие носители не проводят различия между гласными 1-го и 2-го предударного слогов, что можно отнести на счет влияния иврита. В то же время различия между ударными и безударными гласными в вымышленных словах выражаются не только при помощи длительности, но и при помощи качества гласного — таким образом, количество категорий гласных в русском языке эритажников такое же, как в иврите (безударные vs. ударные гласные), но противопоставление осуществляется с помощью средств русского языка. Следует также отметить, что это не только первое исследование редукции гласных в эритажном русском языке в целом, но и первое исследование, не опирающееся на знание орфографии: предъявляемые на слух начальные формы всех рассматривавшихся слов были предварительно записаны от носителей русского литературного языка.

В третий день конференции прошла постерная секция, состоявшая из 18 стендовых докладов. П. Бурсма (Paul Voersma, Нидерланды) представил модель усвоения различных вариантов слогоделения для последовательностей типа *muta cum liquida* в середине слова, которые неодинаково распределяются по слогам в разных языках. Так, усваивающий язык ребенок может поделить последовательность типа /kwatro/ на слоги тремя способами: /kwa.tro./, /kwat.ro./ и /kwat.ro./. Носители, к примеру, испанского языка выбирают первый вариант, носители тагальского языка — второй, а третий вариант не встречается. Разумеется, такую ситуацию легко объяснить с помощью теории оптимальности, постулируя различное ранжирование ограничений для разных языков, однако остается неясным, почему испанцы выбирают один порядок, а тагалцы другой. П. Бурсма показал, что это связано с тем, что испанские и тагальские дети получают на вход разный стимульный материал: в испанском языке в начале слова гораздо чаще, чем в тагальском, встречаются сочетания *muta cum liquida*, и наоборот, в тагальском языке в конце слова чаще встречаются согласные, чем в испанском. Поскольку начало и конец слова — это позиции, в которых границы слога бесспорны [Selkirk 1984], используя пошаговый механизм обучения (Gradual Learning Algorithm), предложенный в [Voersma, Hayes 2001], носители испанского и тагальского языка могут модифицировать веса ограничений в соответствии с получаемыми стимулами. В тематической модели спустя 100000 итераций

устанавливается равновесие и получается грамматика, предпочитающая слоговое деление вида /kwa.tro./ или /kwat.ro./ соответственно.

В. Телига (Victoria Teliga, Великобритания), Б. Агбаяни (Brian Agbayani) и К. Голстон (Chris Golston, США) представили результаты исследования просодического передвижения (prosodic movement) в украинском языке (ср. публикации участников этой же группы о подобных явлениях в древнегреческом [Agbayani, Golston 2010], русском [Agbayani et al. 2011] и японском [Agbayani et al. 2015] языках). Авторы наглядно показали, что скрэмблинг в украинском игнорирует различия между лексическими категориями, глубину перемещаемой структуры (X^0 vs. XP), границы синтаксических составляющих (например, *вона_a завдання_b я вневнена що [t_a[вконає t_b]]* ‘я уверена, что она выполнит задание’), синтаксические острова и ограничения на связывание (ср. *себе_a я_a про це весь час питаю t_a* ‘я все время себя об этом спрашиваю’), а также разрывает синтаксические атомы, такие как имена и композиты (ср. *в_a шкoл_b вiн навчався [t_a[iнтернати]]* ‘он учился в школе-интернате’). С другой стороны, скрэмблингу подвергаются только просодические составляющие (фонологические слова и фонологические фразы), он чувствителен к фонологическому весу (так, ему могут подвергаться только многосложные, но не односложные предлоги, хотя приведенный в постере пример *протягом_a вони зустрічались ω літа* ‘они встречались в течение лета’ содержит предлог *протягом* ‘в течение’, который явно неокончательно утратил связь с существительным, а значит, это может быть вопрос не строго фонологического веса) и соблюдает упоминавшийся выше принцип обязательного контура (**Тому тому чоловікові_φ вона не могла довіряти φ* ‘Поэтому она не могла доверять тому мужчине’, где невозможно столкновение двух одинаковых слов). Анализ перечисленных фактов приводит авторов к выводу, что скрэмблинг в украинском языке (и не только, см. ссылки выше) происходит в фонологическом компоненте грамматики (PF) после всей обработки синтаксической структуры.

Б. Авар (Begüm Avar, Турция) в своем докладе рассмотрела турецкие слова, в которых отсутствует гармония гласных. Ее исследования (на материале как реально существующих, так и вымышленных слов) показали, что носители языка наиболее толерантно относятся к отсутствию гармонии в случае, когда ее нарушают гласные /a/ и /e/, и наименее толерантно — когда ее нарушают /ı/ и /ö/. Б. Авар находит объяснение этому факту в элементной теории, где /ö/ представляется как ({A|} U), /ı/ — как ({ } _), а остальные гласные — как сочетание одного или двух

элементов: например, /u/ — как ({ } U), а /e/ — как ({A} I) [Charette, Göksel 1996]. По всей видимости, гласные /ö/ и /ı/ заметнее всего отличаются от своих соседей по количеству элементов, что подчеркивает их негармоничность. Более теоретически нейтральный результат, полученный Б. Авар, заключается в том, что нарушающие гармонию гласные часто несут на себе лексическое ударение или долготу; соответственно, носители турецкого языка, принужденные читать слова без гармонии, склонны произносить их с долготой или с неконечным ударением (поскольку конечное ударение в турецком языке является дефолтным).

Постер Т. Вэнса (Timothy Vance, Япония) был посвящен японскому рэндаку — озвончению согласных в начале корня после некоторых корней и приставок. Это явление пользуется популярностью в фонологии как пример фонетического естественного процесса (озвончение в интервокальной позиции и после носовых; [Huffman 1993; Ohala, Ohala 1993; Kager 1999]), однако Т. Вэнс подчеркнул, что это был живой фонетический процесс в VIII в. н. э., а в современном токийском японском он представлен лишь как реликт; кроме того, звуки, образующиеся при рэндаку, не всегда являются парой по глухости/звонкости к исходному звуку (например, /f/ ~ /b/, /h/ ~ /b/). Соответственно, рэндаку не обязан получать синхронное фонетическое объяснение, а значит, отпадает необходимость интерпретировать противоречащие универсальной фонетической тенденции случаи: например, отсутствие озвончения в стяженных формах (*anta* ← *anata* ‘ты’). Что же касается психологической реальности рэндаку, Т. Вэнс предлагает считать, что в современном токийском японском существует специальный фонологический признак, который отвечает за глухость/звонкость согласных в рэндаку и не имеет однозначного фонетического коррелята.

В постере К. Голстона (Chris Golston, США) и Т. Риادا (Thomas Riad, Швеция) анализировались классические арабские стихотворные размеры. Для их описания традиционно используются тернарные структуры (вершина и две слабых позиции; см. [Maling 1973]), которые с некоторыми оговорками переносятся и в генеративную метрику [Fabb, Halle 2008]. Однако докладчики показали, что эти размеры удобнее всего описывать как бинарные с небольшим количеством специальных свойств. Стих во всех арабских размерах имеет строгую иерархическую структуру: стих → полустишие → колон → метр → стопа → слог. Размер может требовать легких слогов (L), тяжелых слогов (H) или слогов любого веса (σ) на той или иной позиции. Обычно стих состоит из двух полустиший, полустишие — из двух колонов, колон — из двух метров,

метр — из двух стоп, а стопа — из двух слогов. К. Голстон и Т. Риад обнаружили два важных требования к структуре стиха: во-первых, в каждом метре содержится ровно одна позиция для легкого слога (L); во-вторых, на одном из трех уровней — стопы, колона или стиха — должен встречаться элемент, который делится не на два элемента более низкого уровня, а на один: односложная стопа, колон из одного метра или стих из одного полустишия (каким бы оксюморон ни звучало последнее). Этим правилам строго соответствуют 11 основных арабских размеров, так что речь едва ли идет о случайности.

Метрике было уделено внимание и в четвертый, последний день конференции: его открыл Б. Хейз (Bruce Hayes, США) лекцией о стихосложении на языке хауса. Он проанализировал стихотворный размер раджаз (rajaz) и показал, что его полустишия по большей части содержат шесть мор, которые соответствуют шести глубинным метрическим позициям, причем первая из этих позиций является сильной, а пятая — сверхсильной. Была предложена модель в рамках усовершенствованной версии теории оптимальности — *maxent*-грамматики [Smolensky 1986; Goldwater, Johnson 2003; Hayes, Wilson 2008], которая позволяет на основании частотности пяти основных ритмических форм раджаза (◡ – ◡ –, – – –, – ◡ ◡ –, – ◡ ◡ –, ◡ ◡ –) присвоить веса ограничениям типа *SQUEEZE («нельзя, чтобы метрической позиции соответствовало более одной моры»), *STRETCH («нельзя, чтобы море соответствовало более одной метрической позиции»), STRONG IS LONG («сильная и сверхсильная позиции должны начинать тяжелый слог») и т. п. так, чтобы они порождали строки примерно в нужных пропорциях. Аналогичная модель была применена для того, чтобы предсказать длительность элементов стиха при песенном исполнении раджаза. Построенная *maxent*-грамматика включала в себя целевую длительность моры, слога, метрической позиции и полустишия (110, 187, 129 и 573 мс соответственно), а восемь констрейнтов, образующих грамматику, запрещали растягивать или сжимать во времени каждый из этих элементов. Выяснилось, что наиболее близкий к реальным данным результат дает грамматика, в которой сильнее всего запрет растягивать метрические позиции, а за ним следуют запреты на растяжение моры, растяжение слога и сжатие моры. Эта модель корректно предсказывает, среди прочего, что в полустишии вида – – – долгие слоги будут длиннее, чем в других типах полустиший, а в полустишии вида – ◡ – слоги, напротив, будут самые краткие, причем первый долгий слог будет короче второго. Все сказанное еще раз подтвердило перспективность применения

maxent-грамматик к изучению стиха, продемонстрированную еще в работе [Hayes et al. 2012].

Вопросы просодии, но уже английского языка, рассматривались К. ДАБУА (Quentin Dabois, Франция) в докладе «Когда сохранение ударения (stress preservation) приводит к столкновению (clash)». Известно, что английский язык избегает столкновения ударений (см. [Liberman, Prince 1977] и мн. др.), но случаи расположения основного и второстепенного ударения на соседних слогах все же встречаются, например в словах типа *départéméntal* ‘ведомственный’ (хотя возможно и *départéméntal*). Подобные случаи часто анализируются как результат сохранения ударения производящей основы, т. е. *départémént* ‘ведомство’ [Kager 1989], однако факторы, способствующие сохранению ударения, остаются вне рассмотрения. На материале 131 производного слова и их частотных распределений в [BNC] К. Дабуа продемонстрировал, что на допустимость столкновения влияют три фактора: структура слога (столкновение допускается реже в последовательности, где первый слог открытый, а для закрытых оно наиболее вероятно на слоге с непереднеязычным согласным в финали), индивидуальные свойства словообразовательных суффиксов (так, *-ation* не допускает сохранения ударения), а также относительная частотность производной и производящей основы. Объяснение этому может лежать в двухчастной модели лексического доступа Дж. Хей [Hay 2001], согласно которой доступ к морфологически производным словам может происходить как «напрямую», так и через производящие слова, и чем частотнее последние по отношению к первым, тем чаще используется «опосредованный» путь — а значит, и сохранение ударения будет более вероятно. При обсуждении слушатели отметили, что наряду с проанализированными могут существовать и другие факторы, оказывающие воздействие на сохранение ударения (например, качество гласного). Кроме того, изучение относительного вклада разных факторов в это явление, а также более строгий анализ в рамках современных подходов к лексической фонологии остаются на будущее.

Завершили конференцию два сообщения Ф. Чу (Faith Chiu, Великобритания) о нейролингвистических исследованиях фонотактики. В первом из них, в соавторстве с Дж. Уайтом (James White, Великобритания), она представила результаты ЭЭГ-эксперимента с участием четырех носителей английского языка. В нем испытуемым сперва предъявлялись письменно и на слух несуществующие односложные английские слова с тремя типами начальных кластеров из двух согласных: 1) немаркированными типологически

с точки зрения сонорности и существующими в английском языке (*bl, dr...*); 2) немаркированными, но не засвидетельствованными в английском (*vl, pw...*); 3) маркированными типологически и не засвидетельствованными в английском (*lt, rg...*). Затем испытуемые пассивно воспринимали на слух списки этих же слов, и в это время регистрировалась их мозговая активность. Анализ энцефалограмм позволяет предположить, что (не)соответствие универсальным тенденциям и наличие того или иного паттерна в данном языке — два отдельных фактора восприятия: при прослушивании кластеров типа 3 в отличие от типов 1 и 2 обнаружен вызванный потенциал с отрицательным пиком в районе 400 мс, а при восприятии всех несуществующих в английском кластеров (2 и 3) — поздний положительный компонент (*late positive component, LPC*) в районе 600—800 мс. Однако, как отмечают сами авторы, остается много вопросов, связанных непосредственно с данными: в аналогичном исследовании с носителями польского и немецкого языков LPC возникал только при предъявлении кластеров типа 3, но не 2 [Ulbrich, Wiese 2015], а в более раннем эксперименте, сочетавшем выдуманные и реальные слова, пик N400 коррелировал с существованием слова, а LPC — с фонотактической приемлемостью [Domahs et al. 2009], то есть ситуация была в точности обратной.

Во втором докладе Ф. Чу с соавторами Г. Томе-Луридо (Gisela Tomé Lourido) и П. Хёдль (Petra Hödl, Великобритания) обратились к поведенческим и нейрофизиологическим коррелятам восприятия и порождения начальных кластеров типа #SR (сибилянт и сонорный согласный) и #FR (фрикативный не-сибилянт и сонорный). Известно, что носители языков, налагающих ограничения на кластеры согласных с точки зрения сонорности элементов, проявляют «перцептивную глухоту» к незасвидетельствованным в языке и нарушающим принцип возрастания сонорности последовательностям [Duroix et al. 1999], из-за чего изучать различия в восприятии разных типов кластеров оказывается крайне непросто. Авторы впервые предлагают использовать метод дихотического прослушивания (*dichotic listening*) для подобных исследований в языках этого типа (ср. работу [Dumercy et al. 2014] на чешском материале). В ходе эксперимента группе носителей

английского языка предъявлялись одновременно слова типа SVVn или FVVn в одно ухо и T/RVVn — в другое, где T/R — взрывной или сонорный согласный. После каждого «краунда» прослушивания носители записывали услышанные «слова», и тогда как в парах слов с начальными F и T и S и T испытуемые воспринимали одно из слов, в парах F и R и S и R нередко воспринимались кластеры типа #FR, а также #JR (но не в обратном порядке вида #RF); интересно, однако, что пары /s/ и R никогда не давали #sR. Уникальное поведение такие кластеры продемонстрировали и в ЭЭГ-эксперименте, в ходе которого испытуемые должны были слушать слова формы CCVC с разными (#SR, #FR и др.) начальными кластерами. До и после прослушивания с энцефалографом участники оценивали допустимость всех сочетаний из эксперимента с той лишь разницей, что до прослушивания они оценивали их одновременно по аудиозаписи и орфографической форме, а после — только по аудиозаписи; поскольку результаты оценки значимо не различались, можно утверждать, что дизайн эксперимента преодолел «перцептивную глухоту» [Daland et al. 2011]. Анализ данных показывает, что при восприятии всех кластеров #FR (как допустимых, так и недопустимых), а также недопустимых #JR присутствует вызванный потенциал P400, которого нет при восприятии допустимых кластеров #sR. Таким образом, несмотря на общее для #SR и #FR возрастание сонорности, #sR демонстрируют обособленное поведение, которое не может быть объяснено при помощи шкалы сонорности и которое тем более интересно, что типологически многие языки относят /s/ и /ʃ/ к единому классу сибилянтов.

Такое окончание программы OCP13 не было случайным. В 2018 г. именно Ф. Чу и ее коллеги будут принимать 15-ю конференцию Старого Света по фонологии, проведение которой запланировано в Университетском колледже Лондона (Великобритания). Нам остается лишь выразить надежду, что лондонским организаторам удастся повторить успех будапештского оргкомитета во главе с П. Сигетвари (Péter Szigetvári). В 2017 г. мероприятие пройдет в Дюссельдорфе (Германия) под руководством Р. ван де Вейвера (Ruben van de Vijver).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зализняк 2012 — Зализняк А. А. Механизмы экспрессивности в языке // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Ваннер Л., Иомдин Л. Л., Миличевич Я., Лом М., Польгер А. (ред.). Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 650—664. [Zalizniak A. A. Expressivity mechanisms in language. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: Sb. st. v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka*. Apresyan Yu. D.,

- Boguslavsky I. M., Wanner L., Iomdin L. L., Milićević J., L'Homme M.-Cl., Polguère A. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2012. Pp. 650—664.]
- Зализняк 2014 — Зализняк А. А. Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Zalizniak A. A. *Drevnerusskoe udarenie: obshchie svedeniya i slovar'* [Old Russian stress: General remarks and a dictionary]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2014.]
- Agbayani, Golston 2010 — Agbayani B., Golston Ch. Phonological movement in Classical Greek. *Language*. 2010. Vol. 86. No. 1. Pp. 133—167.
- Agbayani et al. 2011 — Agbayani B., Golston Ch., Henderer D. Phonological movement. *Proceedings of the 28th West Coast conference on formal linguistics*. Washburn M. B., McKinney-Bock K., Varis E., Sawyer A., Tomaszewicz B. (eds.). Somerville (MA): Cascadilla Proceedings Project, 2011. Pp. 231—239.
- Agbayani et al. 2015 — Agbayani B., Golston Ch., Ishii T. Syntactic and prosodic scrambling in Japanese. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2015. Vol. 33. No. 1. Pp. 47—77.
- Bat-El 2000 — Bat-El O. 2000. The grammaticality of “extragrammatical” morphology. *Extragrammatical and Marginal Morphology*. Doleschal U., Thornton A. M. (eds.). Munich: Lincom Europa, 2000. Pp. 61—84.
- Bermúdez-Otero 2015 — Bermúdez-Otero R. Amphichronic explanation and the life cycle of phonological processes. *The Oxford handbook of historical phonology*. Honeybone P., Salmons J. C. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.
- Barker 1995 — Barker C. *Possessive descriptions*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995.
- Bickmore 1995 — Bickmore L. S. Tone and stress in Lamba. *Phonology*. 1995. Vol. 12. No. 3. Pp. 307—341.
- Bickmore, Kula 2013 — Bickmore L. S., Kula N. C. Ternary spreading and the OCP in Copperbelt Bemba. *Studies in African Linguistics*. 2013. Vol. 42. No. 2. Pp. 101—132.
- Blaho, Szeredi 2013 — Blaho S., Szeredi D. Hungarian neutral vowels: A microcomparison. *Nordlyd*. 2013. Vol. 40. No. 1. Pp. 20—40.
- Blevins 2008 — Blevins J. Natural and unnatural sound patterns: A pocket field guide. *Naturalness and iconicity in language*. Willems K., De Cuyper L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 121—148.
- Blevins, Wedel 2009 — Blevins J., Wedel A. Inhibited sound change: An evolutionary approach to lexical competition. *Diachronica*. 2009. Vol. 26. No. 2. Pp. 143—183.
- BNC — The British National Corpus, version 3 (BNC XML Edition). 2007. Distributed by Oxford Univ. Computing Services on behalf of the BNC Consortium. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.
- Boersma, Hayes 2001 — Boersma P., Hayes B. Empirical tests of the Gradual Learning Algorithm. *Linguistic Inquiry*. 2001. Vol. 32. No. 1. Pp. 45—86.
- Bybee 2002 — Bybee J. Word frequency and context of use in the lexical diffusion of phonetically conditioned sound change. *Language Variation and Change*. 2002. Vol. 14. No. 3. Pp. 261—290.
- Cassimjee, Kisseberth 1998 — Cassimjee F., Kisseberth Ch. Optimal Domains Theory and Bantu tonology. *Theoretical aspects of Bantu tone*. Kisseberth Ch., Hyman L. (eds.). Stanford (CA): Center for the Study of Language and Information, 1998. Pp. 33—132.
- Charette, Göksel 1996 — Charette M., Göksel A. Licensing constraints and vowel harmony in Turkic languages. *SOAS Working Papers in Linguistics & Phonetics*. 1996. Vol. 6. Pp. 1—25.
- Clements 1986 — Clements G. N. Compensatory lengthening and consonant gemination in Luganda. *Studies in compensatory lengthening*. Wetzels L., Sezer E. (eds.). Dordrecht: Foris, 1986. Pp. 37—77.
- Clements 2003 — Clements G. N. Feature economy in sound systems. *Phonology*. 2003. Vol. 20. Pp. 287—333.
- Cyran 1997 — Cyran E. *Resonance elements in phonology: A study in Munster Irish*. Lublin: Folium, 1997.
- Daland et al. 2011 — Daland R., Hayes B., White J., Garellek M., Davis A., Norrmann I. Explaining sonority projection effects. *Phonology*. 2011. Vol. 28. Pp. 197—234.
- Dobler 2008 — Dobler E. The morpho-phonology of (in)alienable possession. *Proceedings of the 2008 Annual Conference of the Canadian Linguistic Association*. Jones S. (ed.). Vancouver: Univ. of British Columbia, 2008.
- Domahs et al. 2009 — Domahs U., Kehrein W., Knaus J., Wiese R., Schlesewsky M. Event-related potential reflecting the processing of phonological constraints violations. *Language & Speech*. 2009. Vol. 52. No. 4. Pp. 415—435.
- Downing 1990 — Downing L. Local and metrical tone shift in Nguni. *Studies in African Linguistics*. 1990. Vol. 21. No. 3. Pp. 261—317.
- Dumercy et al. 2014 — Dumercy L., Lavigne F., Scheer T., Ziková M. *Anything goes: Czech initial clusters in a dichotic experiment*. Paper presented at the 22nd MFM, Manchester, 2014.

- Dupoux et al. 1999 — Dupoux E., Hirose Y., Kakahi K., Pallier C., Mehler J. Epenthetic vowels in Japanese: A perceptual illusion? *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1999. Vol. 25. Pp. 1568—1578.
- Fabb, Halle 2008 — Fabb N., Halle M. *Meter in poetry: A new theory*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Fruehwald et al. 2013 — Fruehwald J., Gress-Wright J., Wallenberg J. Phonological rule change: The Constant Rate Effect. *NELS 40: Proceedings of the 40th annual meeting of the North East linguistic society*. Vol. 1. Kan S., Moore-Cantwell C., Staubs R. (eds.). Amherst (MA): Graduate Linguistics Student Association, Univ. of Massachusetts. Pp. 219—230.
- Goldwater, Johnson 2003 — Goldwater S., Johnson M. Learning OT constraint rankings using a maximum entropy model. *Proceedings of the Stockholm workshop on variation within Optimality Theory*. Spenser J., Eriksson A., Dahl Ö. (eds.). Stockholm: Department of Linguistics, Stockholm Univ., 2003. Pp. 111—120.
- Graf, Ussishkin 2003 — Graf D., Ussishkin A. Emergent iambs: Stress in Modern Hebrew. *Lingua*. 2003. Vol. 113. Pp. 239—270.
- Guy 1996 — Guy G. Form and function in linguistic variation. *Towards a social science of language: Papers in honor of William Labov. Volume 1: Variation and change in language and society*. Guy G. R., Feagin C., Schiffrin D., Baugh J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1996. Pp. 221—252.
- Hantgan 2009 — Hantgan A. Does tone polarity exist? Evidence from plural formation among Bangime nouns. *Indiana Univ. Working Papers in Linguistics (African Linguistics Across the Discipline)*. 2009. Vol. 10. No. 2. Pp. 69—83.
- Harris 1994 — Harris J. *English sound structure*. Oxford: Blackwell, 1994.
- Hay 2001 — Hay J. Lexical frequency in morphology: Is everything relative? *Linguistics*. 2001. Vol. 28. No. 6. Pp. 1041—1070.
- Hayes 1989 — Hayes B. Compensatory lengthening in moraic phonology. *Linguistic Inquiry*. 1989. Vol. 20. Pp. 253—306.
- Hayes, Wilson 2008 — Hayes B., Wilson C. A maximum entropy model of phonotactics and phonotactic learning. *Linguistic Inquiry*. 2008. Vol. 39. Pp. 379—440.
- Hayes et al. 2009 — Hayes B., Siptár P., Zuraw K., Londe Z. Natural and unnatural constraints in Hungarian vowel harmony. *Language*. 2009. Vol. 85. No. 4. Pp. 822—863.
- Hayes et al. 2012 — Hayes B., Wilson C., Shisko A. Maxent grammars for the metrics of Shakespeare and Milton. *Language*. 2012. Vol. 88. No. 4. Pp. 691—731.
- Honeybone 2002 — Honeybone P. *Germanic obstruent lenition: Some mutual implications of theoretical and historical phonology*. PhD dissertation. Newcastle upon Tyne: Univ. of Newcastle upon Tyne, 2002.
- Horvath, Wexler 1994 — Horvath J., Wexler P. Unspoken languages and the issue of genetic classification: The case of Hebrew. *Linguistics*. 1994. Vol. 32. Pp. 241—269.
- Huffman 1993 — Huffman M. Phonetic patterns of nasalization and implications for feature specification. *Phonetics and phonology V: Nasals, nasalization, and the velum*. Huffman M., Krakow R. (eds.). Orlando: Academic Press, 1993. Pp. 303—327.
- Kager 1989 — Kager R. *A metrical theory of stress and destressing in English and Dutch*. Dordrecht: Foris, 1989.
- Kager 1999 — Kager R. *Optimality theory*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Lavitskaya, Kabak 2014 — Lavitskaya Yu., Kabak B. Phonological default in the lexical stress system of Russian: Evidence from noun declension. *Lingua*. 2014. Vol. 150. Pp. 363—385.
- Leben 1973 — Leben W. *Suprasegmental phonology*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1973.
- Lieberman, Prince 1977 — Lieberman M., Prince A. On stress and linguistic rhythm. *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. No. 2. Pp. 249—336.
- Mackie, Mielke 2011 — Mackie S., Mielke J. Feature economy in natural, random, and synthetic inventories. *Where do phonological features come from?* Clements G. N., Ridouane R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2011. Pp. 43—63.
- Maling 1973 — Maling J. *The theory of classical Arabic metrics*. PhD dissertation. Cambridge (MA): MIT, 1973.
- Marantz 2007 — Marantz A. Phases and words. *Phases in the theory of grammar*. Choe S. H. (ed.). Seoul: Dong In, 2007. Pp. 191—222.
- Martínez-Paricio, Kager 2015 — Martínez-Paricio V., Kager R. The binary-to-ternary rhythmic continuum in stress typology: Layered feet and non-intervention constraints. *Phonology*. 2015. Vol. 32. No. 3. Pp. 459—504.

- McCarthy 2010 — McCarthy J. J. An introduction to Harmonic Serialism. *Language and Linguistics Compass*. 2010. Vol. 4. No. 10. Pp. 1001—1018.
- Nazarov 2008 — Nazarov A. *Stop voicing in Tarma Quechua*. Ms., Leiden Univ., 2008.
- Newell, Piggott 2014 — Newell H., Piggott G. Interactions at the syntax-phonology interface: Evidence from Ojibwe. *Lingua*. 2014. Vol. 150. Pp. 332—362.
- Ohala, Ohala 1993 — Ohala J. J., Ohala M. The phonetics of nasal phonology: Theorems and data. *Phonetics and phonology. Vol. 5: Nasals, nasalization, and the velum*. Huffman M., Krakow R. (eds.). Orlando: Academic Press, 1993. Pp. 225—249.
- Ó Maolalaigh 1997 — Ó Maolalaigh R. *The historical short vowel phonology of Gaelic*. PhD dissertation. Edinburgh: Univ. of Edinburgh, 1997.
- Ó Sé 2008 — Ó Sé D. Word stress in Munster Irish. *Éigse*. 2008. Vol. 36. Pp. 87—112.
- Pierrehumbert 2001 — Pierrehumbert J. Exemplar dynamics: Word frequency, lenition and contrast. *Frequency and the emergence of language structure*. Bybee J., Hopper P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2001. Pp. 137—157.
- Pierrehumbert 2002 — Pierrehumbert J. 2002. Word-specific phonetics. *Laboratory Phonology. Vol. 7*. Gussenhoven C., Warner N. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. Pp. 101—139.
- Rubin 2010 — Rubin A. *The Mehri language of Oman*. Leiden: Brill, 2010.
- Selkirk 1984 — Selkirk E. *Phonology and syntax: The relation between sound and structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1984.
- Schlüter 2015 — Schlüter J. Rhythmic influence on grammar: Scope and limitations. *Rhythm in cognition and grammar: A Germanic perspective*. Vogel R., van de Vijver R. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. Pp. 179—206.
- Smolensky 1986 — Smolensky P. Information processing in dynamical systems: Foundations of Harmony Theory. *Parallel distributed processing: Explorations in the microstructure of cognition*. McClelland J., Rumelhart D. (eds.), PDP Research Group. Vol. 2. Cambridge (MA): MIT Press, 1986. Pp. 390—431.
- Smolensky, Legendre 2006 — Smolensky P., Legendre G. *The harmonic mind: From neural computation to optimality-theoretic grammar*. Cambridge (MA): MIT Press, 2006.
- Smolensky et al. 2014 — Smolensky P., Goldrick M., Mathis D. Optimization and quantization in Gradient Symbol Systems: A framework for integrating the continuous and the discrete in cognition. *Cognitive Science*. 2014. Vol. 38. No. 6. Pp. 1102—1138.
- Ulbrich, Wiese 2015 — Ulbrich C., Wiese R. *Processing of phonotactics constraints: A cross-linguistic EEG study*. Paper presented at the DGfS 2015, Leipzig, Germany.
- Yip 2002 — Yip M. *Tone*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Zellou, Tamminga 2014 — Zellou G., Tamminga M. Nasal coarticulation changes over time in Philadelphia English. *Journal of Phonetics*. 2014. Vol. 47. Pp. 18—35.
- Ziková, Scheer 2009 — Ziková M., Scheer T. *Havlik vs. Lower: Slavic vowel-zero alternations and a unified phase theory*. Paper presented at Formal Description of Slavic Languages (FASL 18). Ithaca: Cornell Univ., 2009.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила предоставления рукописи:

1. Рукопись присылается в электронном виде по адресу: vorprosy@mail.ru (и по запросу в распечатанном виде). Также необходимо прикладывать нестандартные шрифты, если такие использовались. При использовании нестандартных шрифтов, сложного форматирования и т. п. статья предоставляется в DOC и PDF.
2. Необходимо также предоставить подписанный договор о передаче авторского права (для статей, решением редколлегии принятых к печати). См. сайт: <http://vja.ruslang.ru>.
3. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, город, страна, место работы, занимаемая должность, ученая степень, телефон, электронный адрес.
4. Материалы, опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов, не принимаются.
5. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).

Основные правила оформления статьи:

Текст статьи присылается в формате Microsoft Word for Windows; размер шрифта — 12, размер межстрочного интервала — полуторный; название статьи, ФИО автора и заголовки набираются полужирными строчными символами. Все заголовки выравниваются по центру. Заголовок статьи, ФИО автора и сведения о нем (название института или др. учреждения, город, индекс (учреждения), страна) аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

1. Примеры в тексте статьи принято давать курсивом, а их переводы в одинарных кавычках или кавычках-елочках.

2. Для смысловых выделений используется рядка 2 пт или полужирный шрифт, термины выделяются кавычками (не курсивом).
3. Сноски должны быть постраничными.
4. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки: [Иванов 1998]. После года выпуска ставится двоеточие и номер(а) страниц(ы): [Иванов 1998: 35], или [Иванов 1998: 35—50], или [Иванов 1998: 35, 45, 50], или [Иванов 1998: 35 и сл.; Haspelmath 2008: 23 ff.]. Во избежание недоразумений укажите инициалы автора: [А. Е. Кибрик 2003; А. А. Кибрик 2003]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные уточнения: [Иванов 1998a; 1998b; Bailyn 1995a; 1995b].
5. Список использованной литературы дается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту. В этот список включаются только те работы, ссылки на которые есть в тексте статьи.
6. Библиография оформляется следующим образом:

Фамилия год — Фамилия И. О. Название монографии. Город: издательство, год.

Фамилия год — Фамилия И. О. Название статьи // Название журнала. Год. №. Диапазон страниц.

Фамилия год — Фамилия И. О. Название статьи // Название сборника. Город: издательство, год. Диапазон страниц.

Итак, в списке нужно указать «код работы» (фамилия, год выхода цитируемой работы). Если авторов больше двух, допустимо упомянуть только одного автора плюс выражение «и др.» или «et al.». «Кодом» сборника или иного аналогичного издания может быть фамилия редактора или сокращенное название сборника.

Образцы оформления библиографии смотрите на сайте журнала: <http://vja.ruslang.ru>.

Подписано к печати 30.08.2016

Дата выхода в свет 26.10.2016

Формат 70×100% Цифровая печать

Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 6,7 тыс.

Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0

Тираж 507 экз. Зак. 598

Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6